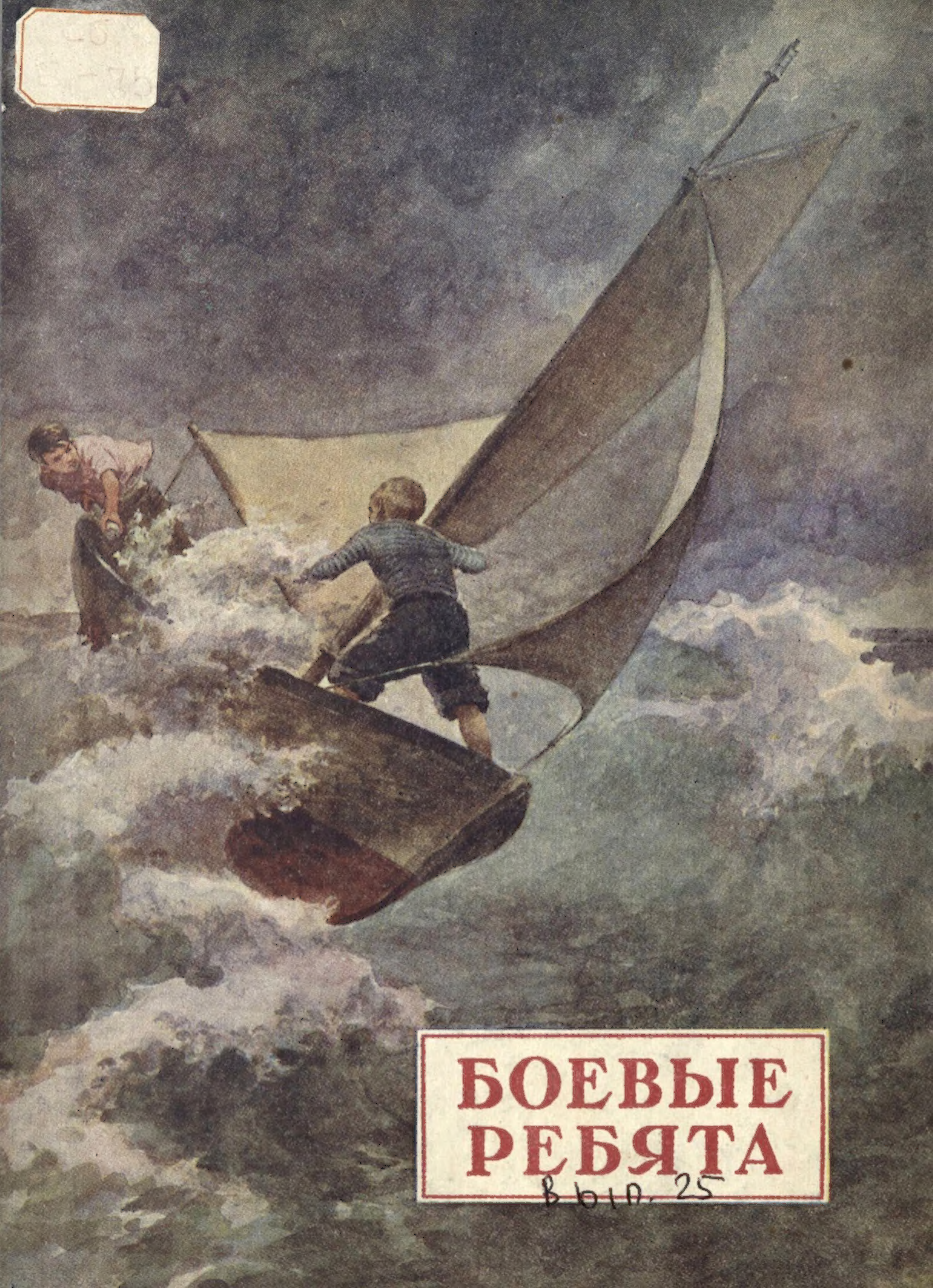

БОЕВЫЕ
РЕБЯТА
вып. 25

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИК
ДЛЯ ДЕТЕЙ

★

БОЕВЫЕ РЕБЯТА

Выпуск двадцать пятый

Свердловское
Книжное Издательство
1956

СЕРЕБРЯНЫЙ ГОЛОС

Виктор Стариков *Рисунки В. Васильева*

Смеркалось... Незнакомому лесу конца не было. Это нас всё больше беспокоило, и мы невольно убыстряли шаги. Из-под ёлки, опустившей мохнатые ветки до самой земли, вдруг вылетела большая чёрная птица и крылом задела по лицу моего спутника — художника Ильина. Он шарахнулся в сторону и налетел на мальчика, стоявшего у сосны.

— Ой! — вскрикнул мальчик.

— Извини, брат... Ушиб? — встревоженно спросил Ильин.

— Не...— протянул дискантом мальчик и засмеялся.—Здорово вы напугались! Это ворона сидела.

— А я думал, рысь кинулась,— буркнул Ильин.

— Рысь в лицо не прыгает,— мальчик опять засмеялся.— Она сзади кидается.

— Разве? — притворно удивился Ильин.— До Зябловой далеко?

— Так это ж назад...— мальчик опять засмеялся.— Километра четыре. Дорогу вы спутали. Не там свернули.

— Чего ты смеёшься? — раздражённо спросил Ильин. — Что нашёл смешного?

— Шли в Зябловую, а забрели в Зимник. Ворону за рысь приняли.

— Да, действительно, смешно,— мрачно согласился Ильин.— От Зябловой сегодня придётся отказаться. Ты, верно, из Зимника? Много до него?

— Не... Сейчас овраг будет, по нему влево — и Зимник.

— Проводишь?

— А тут одна дорога...

Мальчик пошёл впереди нас по узкой тропинке.

— Ты что в лесу делал?

— А так... Следил тут...

— Что же выследил? Ворон, что ли, ловил?

Мальчик не ответил. Белая его рубашка мелькала среди кустов. Он шёл уверенно, как человек, хорошо знающий дорогу, вовремя разводил руками густые кусты, обходил упавшие от старости деревья. Мы с трудом поспевали за ним.

Некоторое время шагали молча. Несомненно, что неожиданный спутник обиделся на художника.

— Сам-то откуда идёшь? — попытался завязать разговор Ильин.

— Целину поднимали.

— Ты, я вижу, хороший шутник. Какая же в тайге целина? Это, брат, в степи целину поднимают.

— И у нас поднимают,— сердито возразил мальчик.

Он замолчал и стал осторожно спускаться по крутому срезу в тёмный овраг.

Через пятнадцать—двадцать минут ходьбы овраг кончился, и показались дома небольшой чусовской деревни Зимник. В окнах уже светились огни.

— Не посоветуешь, где переночевать? — спросил Ильин.

— Можно и у нас. Попросите папку.

В просторной и чистой избе, на лавке сидел, шелестя газетой, мужчина лет тридцати трёх, босой, в майке-безрукавке. На полу возле него играли маленькие девочка и мальчик.

Мужчина перестал читать газету и спросил:

— Ты где отстал, Сашка?

— Кузьмич по лесу ходит. Следил за ним.

— Неужели опять к лебедям подбирался? Смотри, отвернёт тебе Кузьмич башку.

— Не!.. А вредить ему не дадим.

Саше было лет двенадцать. Худенький, загорелый, с белыми мягкими выцветшими волосами. Ничем почти неприметный мальчуган. Привлекательна была манера поведения — спокойная, самостоятельная. С нами Саша держался холодно и равнодушно.

Вошла миловидная хозяйка с ведром молока. Мы быстро договорились о ночлеге и ушли спать в сарай, набитый пахучим сеном. Через некоторое время туда же поднялся Саша и лёг несколько в стороне. С нами он не заговорил. Да и нам было не до разговоров: так умаялись в этот день.

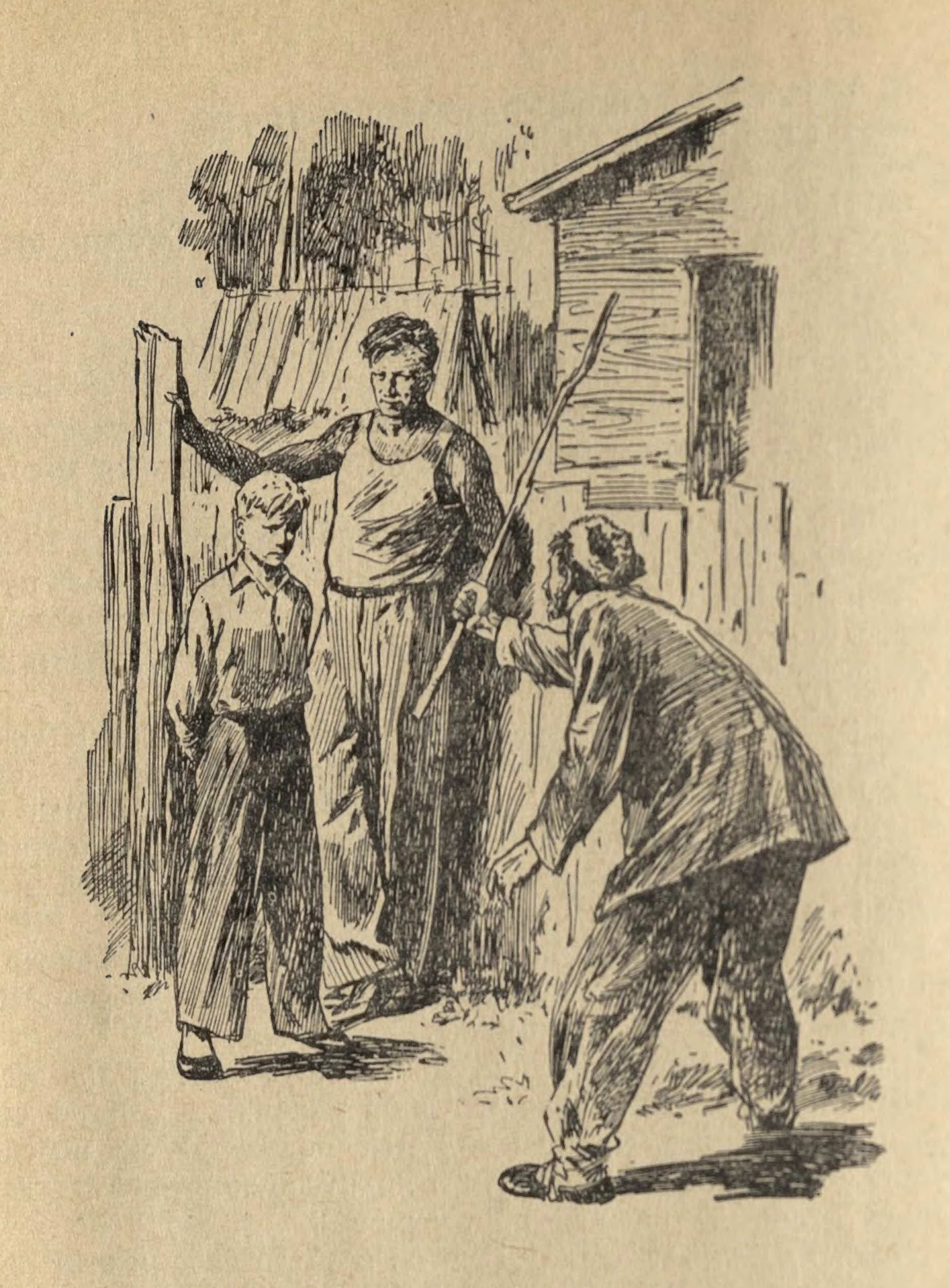
Третью неделю бродили мы по чусовским берегам в благодатную летнюю пору. Ильин — театральный художник — проводил на Чусовой второе лето. Его привлекали скалистые берега реки, виды деревень и сёл, старинные постройки, остатки заводских строений, а я присматривался к жизни людей этого обширного края горной части Урала.

Прав Саша: забавно получилось — шагали в Зябловую, а попали в Зимник. Где могли пропустить нужный поворот? Но не беда — поживём и в Зимнике.

Утром возле дома оглушительно зашумели два трактора, послышались людские голоса. Саша вскочил и быстро спустился с сеновала. Ильин покряхтел, покряхтел, но победил сладкий сон и поднялся. Он ушёл на Чусовую рисовать туман, увлёкся и пробыл на реке до вечера.

Никого в доме не было. Да и во всей деревне в этот день было пустынно. Мальчик говорил правду: колхоз поднимал большой участок лесной нетронутой земли, очищал её от кустарника, готовил к осенней распашке.

Вечером к дому подошёл высокий старик. На голове еле сидела драная, с клочьями жёлтой вылезающей ваты шапочка, на ногах — галоши, подвязанные верёвкой, в руке — суковатая палка. На длинной шее, с выступающим кадыком, дер-

жалась маленькая узкая голова. Старик был небрит и грязен. Он постучал в окно палкой и крикнул тонким голоском:

— Прокофий! Покажись-ка!

Хозяин вышел на улицу.

— Ты скажи Сашке, что отверну ему башку и на воротах повешу. Попадётся он мне!

— Сам с ним поговори,— равнодушно отмахнулся хозяин и позвал: — Сашка!

Саша появился с воинственным видом.

Старик петухом кинулся к нему, замахнувшись палкой.

— Ух, шпиён! Опять охоту устроил! А ну, верни силки!

— Не верну! — решительно ответил Саша. Он стоял, наклонив голову, решительный, как молодой бычок.— Не позволим лес зорить.

— У, сопля несчастная! — старик трусовато взмахнул палкой, глаза его злобно блестели.

— А ты — култышка! — бросил мальчик.

— Саша! — гневно крикнул отец.

— А он чего ругается! Сам виноват... Будем следить, шагу не дадим ступить. И силки не отдадим. Зачем правила нарушает?

— Шпиёны! — закричал пронзительно старик.— Попадёте на дороге,— он выразительно погрозил палкой.

— Отстать бы тебе от этих дел, Кузьмич,— спокойно посоветовал хозяин.— По-хорошему предупреждаем. Вызывал ведь сельсовет...

Старик закричал бранные слова, хрипя от злости, брызгая слюной, давясь.

— Слушать тебя тошно,— сказал пренебрежительно хозяин, махнул рукой и пошёл вместе с Сашей в дом.

Старик погрозил обоим вслед палкой и, продолжая кричать, побрёл по улице.

Мы хотели пробыть в Зимнике один день, но Ильину так понравилось в этой небольшой лесной деревушке, что мы тут зажились. Все дни проводили на берегах Чусовой. Сашу видели мало. Он относился к нам без всякого интереса. Зашли чужие люди, живут, ну и пусть живут. Да и хозяевам было тоже не до нас — все в деревне работали на расчистке целины.

Однажды Саша появился дома в середине дня, очень возбуждённый.

— Ваш дядя художник? — спросил он.

— Художник, театральный.

Мальчик постоял, о чём-то думая, потом сорвался с места и куда-то торопливо убежал.

Ильин вернулся домой после заката солнца. Во дворе он сел на крылечко и стал перебирать написанные за эти дни этюды. Появился Саша с двумя приятелями такого же возраста. Мальчуганы молча, стараясь не помешать художнику, уселись рядом. Ильин занимался своим делом, не обращая внимания на юных зрителей. Он привык к обычному любопытству сельских ребят к себе, и оно его мало трогало. Заговаривали, он охотно отвечал, молчали — это его очень устраивало. Саше явно хотелось заговорить. Он казался смелым мальчишкой и вдруг оробел. Затаив дыхание, с восхищением смотрел он на картины.

За ужином в избе Саша осмелел:

— А я знаю место ещё красивше.

— Это где же? — спросил Ильин и отставил кружку с молоком.

— Патрушевский рудник... Крепостная копушка. Эх, какая там скала!

— Далеко?

— Не!.. Часа полтора ходьбы.

— Саша! — позвала мать. — Дай людям спокойно покушать.

— Он не мешает,— успокоил Ильин.

— Гоните вы его,— попросила мать.— Он мне о ваших картинах днём уши прожжужал, теперь вам никакого покоя не даст.

— Пусть говорит. Хорошее, говоришь, место? Не обманываешь?

— Не!.. Сами увидите.

— Завтра проводишь? Вот и хорошо! А что у тебя, брат, с этим стариком Кузьмичом произошло?

— С Култышкой? Вредный! Везде силки ставит, никого не пропускает, всех давит без всякого разбора — птиц, зверя, птенцов даже губит. А мы не даём ему хищничать. Установили дежурство — он в лес, мы за ним, глаз с него не спускаем.

— Ловко,— одобрил Ильин.— Только почему Култышка?

— Фамилия такая — Култышев.

Они долго проговорили в этот вечер.

Утром Саша повёл нас к крепостной копушке — Патрушевскому руднику.

Когда-то эти лесные угодья входили в огромные строгановские владения. Демидов хозяйничал по восточному склону Каменного Пояса, Строганов — по западному.

Железная руда добывалась руками крепостных. Каждая семья должна была поставить к домнам по две тысячи пудов руды. Множество крестьянских рудников — копушек — действовало в тайге. Их называли по именам владельцев или по названиям лесных рек — Ивановский, Степановский, Фроловский, Ракитянский, Серебрянский... По бесчисленным лесным дорогам текло сырьё к заводам.

Старинный Кунгурский тракт проходил заповедными лесами, в которых когда-то скрывались знаменитые вожаки чусовской вольницы. Где-то по этим лесам бродил, наводя страх на заводских управителей, атаман, прозванный за огненный блеск волос Золотым. Дорога то взбегала круто в гору, то стремительно падала. Иногда внизу справа синей узкой лентой, брошенной среди желтеющих полей, блестела Чусовая.

С этого широкого наезженного пути мы свернули на еле приметную лесную тропку, а вскоре и она пропала. Саша уверенно шагал впереди.

Саша рассказывал, что знает не меньше тридцати крестьянских рудников. Он с друзьями все их обошёл, они даже карту составили, записали название каждого, везде собрали образцы пород.

— Зачем это тебе? — спросил Ильин.

— Забыли о нашем железе. — Саша вздохнул. — Пошлём в Горный институт образцы, пусть к нам геологов пришлют. Может быть, у нас рудник построят. Для тагильских домен руду по всему Уралу ищут. А почему к нам не едут?

Патрушевский рудник оказался глубоким провалом на зелёной лесной поляне. По краям копушка обвалилась, но виднелось сгнившее деревянное крепление. С брёвен свисали корни берёз. Сохранились кучи пустой породы, куски руды. Тяжёлые камни, нагретые солнцем, отдавали теплотой металла.

На крутом срезе скалы не могли зацепиться даже сосны. Выступали угловатые острые камни. Чусовая виднелась глу-

боко внизу. Ниже нас парили коршуны. Я впервые видел этих пернатых хищников сверху.

Чусовая выбегала из скал, делала широкую петлю и опять уходила в узкое каменное ущелье.

Ильин долго молча стоял на самом краю вздыбленной скалы, всматриваясь, прищуря глаза, в просторные зелёные и голубые дали.

— Да, брат, величественно,— задумчиво сказал он и начал устраиваться, чтобы приступить к работе.

Домой возвращались вечером.

У самого Зимника нам встретился Кузьмич. Он стоял на дороге и подозрительно глядел на нас, держа палку так, словно готовился ударить каждого. Мы молча обошли его. Старик не сказал ни слова, но злой блеск его зелёных глаз был выразительнее самых крепких слов.

— Не очень вы с ним дружно живёте,— усмехнувшись, заметил Ильин.

— А кто с таким дружно жить будет,— презрительно произнёс Саша и шмыгнул носом.— А только ни капельки мы его не боимся, это он нас боится.

Дома Саша вывалил на стол перед Ильиным целую груду пёстрых камней.

— Вы геологию знаете?— с надеждой спросил он.— Мы не все камни определили. Вот это медный блеск, хрусталь, пирит. Даже графит нашли. А это что такое? Может, алмаз? Смотрите, как стекло режет! И этот камень не знаете?

— В геологии, брат, слабоват,— огорчённо признался Ильин, раскуривая свою маленькую трубку и перебирая камни.— Где же это вы понабирали?

— Да всё в наших местах. У нас и уголь есть. Прямо на Чусовую выходит. А если в ручье нефтяные пятна плавают — где-то нефть есть?

— Возможно,— неуверенно ответил Ильин.

Саша ему очень нравился, да и мальчик был просто влюблён в художника.

— Много ты, брат, о своём крае знаешь,— задумчиво сказал Ильин.— Очень много... А в Коноваловке бывал?

— Нет...

— И ничего о ней не знаешь?

Саша потряс головой.

— Эй, — даже обрадовался Ильин.— Выходит, что не всё ещё тебе известно. Ну, брат, это такое удивительное место! Надо тебе обязательно посмотреть Коноваловку. Я второй год туда собираюсь, да никак добраться не могу. В этот раз обязательно побываю.

Глаза у Саши загорелись.

— А что там?

— Уж позволь ничего не рассказывать. Я и сам толком не знаю, только слухами питаюсь. Вот вместе и посмотрим. Хочешь?

Как Саша ни приставал с расспросами, Ильин остался твёрд и не добавил о Коноваловке ни слова.

В Коноваловку мы собирались пойти на следующий день. Однако начавшийся дождь помешал нашему походу. Трое суток он не выпускал из дома.

Наконец, опять наступила ясная погода. С вечера мы условились выйти пораньше — как только начнёт светать.

Мы ещё спали, когда услышали за дверью сарая возбуждённые ребячьи голоса.

— Эх вы! — презрительно упрекнул Саша.— Как же прозевали?

— Тихонько ушёл,— смущённо ответил кто-то из ребят.

— Что ж он, шуметь должен? Тебе поручили, а ты!.. Что теперь делать будем? Когда ушёл?

— Днём вчера.

— Днём! — возмущённо воскликнул Саша.— Смеётся теперь над нами Култышка. Всех перехитрил! Эх, понадеялись на тебя... Куда же он мог пойти? Может, опять на Песчаное?

— Смотрели — нету там.

Мы вышли из сарая. Ребята смущённо замолчали.

— Готовы в путь? — спросил Ильин.

Саша посмотрел на товарищей, товарищи на своего вожака.

— Култышка утёк,— мрачно сообщил Саша.

— Как это утёк?

— Силки пошёл ставить.

— А может, по другим делам отлучился?

— Не,— убеждённо возразил Саша.— Он зря не ходит, ноги жалеет. Заметил, что мы всё с вами, вот и утёк.

— Значит, в Коноваловку не пойдёте?

Ребята переминались с ноги на ногу, не зная, как же им поступить. Ильин молча ждал, что они решат.

Ребята метнули жребий, кому оставаться, и двое мальчуганов тотчас отправились на поиски Кузьмича, к Песчаному озеру. Договорились, что если не обнаружат там Кузьмича, то догонят нас в пути.

Весь день мы шли лесными тропами. Вброд несколько раз переходили Чусовую. В это время года река сильно мелеет, и её можно перейти почти всюду, завернув до колен брюки.

Стремительно несётся вода по каменному ложу. Она кидается от одного берега к другому. А берега очень круты, заросли глухими красными лесами.

— Горы высокие, а кругом дрёма,— говорят чусовчане.

Мы осматривали камни с удивительными названиями — Чёртово городище, Кобыльи рёбра, Плакун...

Стоит высокий камень, испещрённый беловатыми прожилками. Вглядишься, и впрямь — кобыльи рёбра. Или такое дикое нагромождение скал, плит, в таком хаосе они наложены — действительно Чёртово городище. Упёрся на повороте крутой, остроребристый тёмный камень, вода летит на него, кипит в пене. В старое время немало поразбивалось о него барок с металлом — конечно, Плакун.

Ночевали мы в лесу, возле Чусовой. Тут нагнали нас двое ребят и огорчённо сообщили, что Кузьмича они не нашли.

— В новые места ушёл,— мрачно решил Саша.

Река шумела рядом на каменном переборе. Зловеще ухал филин.

— Завидую вам, ребята,— говорил Ильин.— В экой лесной благодати живёте! Леса кругом нетронутые, богатств всяких полны...

— Такие, как Култышка, всё могут растащить, ничего не оставят,— ответил Саша.

Маленький хозяин этих лесов никак не мог примириться с тем, что Кузьмич так ловко обманул их, и, пока они идут в та-

инственную Коноваловку, он где-то безнаказанно совершает своё чёрное дело.

— Управа на него найдётся,— попробовал утешить ребят Ильин.

— А сколько он успеет всего загубить,— возразил Саша.

Утром тронулись в дальнейший путь.

Опять вброд перешли быструю Чусовую и по пологому берегу углубились в молодую берёзовую поросль.

Вдруг Саша остановился и растерянно спросил:

— Что это?

Казалось, что перед нами не больше как туманный мираж... Среди леса виднелось странное сооружение — высокий мост, сложенный из плотного камня, с полукруглыми виадуками, переброшенный через заболоченный участок. Каменные бока этого сооружения уже позеленели от времени.

Мы подошли ближе и поднялись на крутую насыпь. Яркие ящерицы во множестве разбегались во все стороны. Конечно, это был железнодорожный мост узкоколейки. Земляная насыпь уходила в глубь леса, кое-где её размыло осенними дождями и весенними потоками. В остальных местах она густо заросла лиственным лесом. На самом мосту молодые берёзы корнями повыворачивали камни.

Продираясь сквозь заросли берёзы и малинника, по этому мосту мы пересекли болото и, пройдя посуху с километр, увидели ещё более странное.

Справа стояло железнодорожное депо. Возле него даже сохранились пять лучеобразно расположенных путей. Очевидно, это был поворотный круг. Несколько больших каменных зданий просвечивали сквозь зелень листвы слева. Все они были без крыш — только каменные стены и пустые проёмы окон.

От какого же времени сохранились эти постройки? Куда подевались строители? Что тут замышлялось?

— Вот она, Коноваловка,— сказал Ильин.

Мы расположились лагерем возле паровозного депо. Ильин сказал:

— Об этой Коноваловке от отца ещё в детстве слышал. Был в царском правительстве министр промышленности Коно-

валов. Решил он на Чусовой построить большой лесокомбинат. Получил на это крупные средства и начал строить. Шум об этом строительстве по всему Уралу прошёл. А потом всё разом кончилось. Тёмная, словом, история. Но кто-то тут хорошо нажился.

Саша вслушивался в каждое слово.

— А достроить завод можно? — спросил он.

— Наверное, нет расчёта,— предположил Ильин.— Дутое тут, видимо, было дело.

Мрачновато было в Коноваловке. Шевелились горькие мысли о бесплодности труда сотен мастеров своего дела. Они трудились в этом глухом уральском углу. Наверное, мечтали, что здесь будет шуметь жизнь...

Раздался ружейный выстрел. Саша поднял голову и тревожно прислушался. Вскоре на таком же расстоянии раздались ещё два выстрела.

— Мы думали, что попали в необитаемое место,— шутливо заметил Ильин.— А люди — рядом.

Саша о чём-то перешёптывался со своими товарищами.

— Мы скоро придём,— сказал он, и все исчезли в кустах. Больше выстрелов не было слышно.

Ильин в этот день много рисовал.

Солнце уже катилось к закату, удлинялись тени, стали гуще запахи земли и трав, нагретых за день июльским солнцем.

Ребята не возвращались. Это начинало беспокоить.

Неожиданно показалась странная процессия. Впереди шагал старик Кузьмич, за ним, держась в некотором отдалении, мальчуганы. Они медленно приближались к нам.

Саша нёс охотничье ружьё. Очевидно, выстрелы этого «охотника» мы и услышали.

— Добро пожаловать! — с искренним весельем приветствовал его Ильин.

— Вот куда утёк! — с торжеством крикнул Саша.— Вот где думал скрыться!

— Отдай ружьё,— зашипел Кузьмич, диковато озираясь, видимо, поражённый, что и тут проследили его мальчуганы.— Не смеешь чужое имущество хапать. Я на тебя в суд подам, шпиён проклятый.

— Ты бы, отец, перестал ругаться,— сурово заметил Ильин. — Что, много настрелял?

Саша показал на связку птиц, лежавших на траве.

— Придётся, Кузьмич, составить на тебя протокол, — пообещал Ильин. — Факты, как говорят, налицо.

— Кто тут эту дичь считает, — заныл Кузьмич, поняв, чем всё это ему грозит. — Господи, не в городе живём... Для

человека дичи пожалели, а сколько её всякая нечистая сила губит. Мне столько за неделю не взять. Не казнокрад я...

Ильин брезгливо молчал.

— Что же вы, товарищи хорошие, делаете? Человека погубить желаете? К птичкам у вас есть жалость, а человека сгрызть хотите?

Он долго топтался возле нас, всё в тех же галошах, подвязанных верёвками, всё ныл о необходимости любви к человеку, просил вернуть ружьё.

Потом вдруг попросил:

— Дайте закурить.

Ильин дал ему папиросу. Кузьмич выкурил её, сидя на корточках и ненавидящими глазами оглядывая нас. Решительно поднялся и громко сказал:

— Ответите, что ружьё у свободного человека забрали, — и медленно зашагал к реке.

Вскоре и мы тронулись в обратный путь. Ребята несли трофеи — убитую Кузьмичом дичь и старенькую двустволку.

По дороге зашли в сельсовет и составили акт о браконьерстве Кузьмича. Подписали его пятеро свидетелей. Председатель сельсовета похвалил ребят:

— Ловко вы его поддели. Ишь, куда утёк — в Коноваловку. Тут остерегается охотничать. Оштрафуем его и права охоты лишим. Это вы, ребята, правильное дело совершили.

Накануне отъезда мы долго сидели у ворот и разговаривали с хозяевами. Ильин упаковывал этюды. За эти дни мы привыкли к хозяевам, жаль было оставлять Зимник.

Ильин вдруг спросил:

— Саша, что тебе на память подарить?

Мальчик помолчал, потом застенчиво попросил:

— Дайте какую-нибудь картину. Которую не жалко...

Ильин подумал и спросил:

— У тебя есть такое место — самое любимое?

Саша ответил не сразу. Видно, вопрос застал его врасплох.

— Есть. Песчаное озеро.

— Далеко?

— Не...

— Пойдём туда завтра. Нарисую для тебя это Песчаное озеро.

Саша просиял.

Я знал, что Ильин редко дарит свои рисунки. Значит, он очень полюбил за эти дни Сашу, коли решил сделать ему такой подарок.

Утром мы шли опушкой соснового леса на озеро Песчаное. Утро стояло сырое, туманное.

— Вот! — сказал Саша и остановился.

Мы стояли на каменистом холме. Перед нами в чаще каменных берегов и густого сосняка лежало Песчаное озеро. Туман скрывал дальние берега. Он чуть колыхался, начиная розоветь. Озеро спало. С сосновых иголок капала роса. Правее выдался жёлтый мысок. Там чуть светил костёр, наверное, рыбацкий.

Саша, волнуясь, спросил:

— Можно нарисовать?

Ильин не ответил. Он стоял и слушал тишину, всматриваясь в краски утреннего тумана.

На миг светлую пелену разорвало, и проступил дальний красноватый берег, опаловым цветом блеснула вода. Чуть колыхнулся зелёный тростник.

Чей-то рокочущий голос пронёсся над озером и стихнул. Словно кто-то взял несколько низковатых ноток на серебряной трубе. Опять пронёсся торжественный серебряный голос.

Ильин поднял голову, вслушиваясь.

— Кто это?

— Лебеди,— шепнул Саша.

— Откуда тут лебеди?

— Не знаю... Наверное, перелётные остались.

Опять пронёсся над спящей водой лебединый крик.

— Хорошо! — вырвалось у Ильина.

— Култышка весной тоже о них прознал, — прошептал Саша. — Сгубить хотел, да мы не допустили. Неделю озеро сторожили. Он походил, походил и бросил.

Подул ветерок, и туман поплыл прядями. Розоватые волны заиграли у берега. И опять над водой, над лесами пронёсся торжествующий серебряный голос.

Я взглянул на Сашу.

Он стоял, откинув голову,— маленький, заботливый и неутомимый хозяин этих лесов и озёр, ревниво оберегающий свои богатства от вредных людей.

На окраине

Лев Сорокин *Рисунки Е. Гилёвой*

На окраине —
кирпичный,
Двухэтажный Митин дом.
Затихает днём обычно,
Потому что пусто в нём.

На работе папы, мамы.
И ребята не шумят:
Убежали с шумом-гамом
В школу, в ясли, в детский сад.

А старушки —
на базаре
Или вышли в магазин...
Только кот-котище старый
Ходит в комнатах один.

Митя рано шёл из школы,
Митя шёл домой весёлый,
Потому что — день весенний!
Потому что — ветерок!
Потому что —
даже тени
Не спасут уже ледок:

Ступишь — брызнет из-под ног!
Потому что — Анна Львовна
Похвалила за урок!
Как в такой денёк весенний
Не скакать через ступени!

Митя входит в коридор,
Митя слышит разговор.

Кто-то кашлянул иль нет?
Может, болен наш сосед?
Может, трудно человеку?..
Митя в двери:
                    тук-тук-тук:
— Не сходить ли вам в аптеку?..

Только двери — настежь вдруг.
Вместо дяди Вани — двое!
Митя смотрит: что такое?
Первый —
          в сером макинтоше,

И в полупальто —
                    другой.
Каждый держит крепко ношу
Разрисованной рукой.

Митя понял: это воры!
Митя мчится коридором,
Хочет выскочить во двор,
Но схватил за ворот вор:
— Цыц! — сказали и ушли,
Чемоданы унесли.

Митя сдвинуться не может.
Хоть бы шёл какой прохожий!
Что же делать? Что же делать?
Ведь себя считал он смелым.

Ведь в мечтах он,
                    как Морозов:
Кулаков разоблачал!
И, как Павлик, за колхозы
Грудью сколько раз вставал!

Смелым, сильным, волевым,
Шёл в мечтах за Кошевым!.
Воры — это же враги!
Митя!
    Что стоишь?
                    Беги!

Красный галстук на груди,
Словно вдруг шепнул:
                    — Иди!
Пусть опасность впереди,
Незаметно проследи!

Бьётся сердце гулко-гулко,
Он бежит по переулку.

За углом машины мчатся,
И трамвай, звеня, идёт.

И прохожие толпятся
Там, где знаки: «Переход».

И ведёт свой разговор
Разноцветный светофор.

На углу, в стеклянной будке,
Постовой всегда сидит.
Днём и ночью — в общем, сутки
За движением следит.

Здесь спешат скорее
                    двое
Слиться с пёстрою толпою.

Молодому постовому
Митя шепчет, как родному:
— Не давайте этим ворам
С чемоданами уйти...
Красный глаз у светофора
Закрывает им пути.

Вместе с Митей постовой
Пробирается толпой.

Первый бросил чемодан
И полез рукой в карман.
Нож в руке его сверкнул,
По толпе пронёсся гул.

Кто-то в сторону — бочком.
Но без лишних разговоров
По руке ударил вора
Кто-то сильным кулаком.

И второму не уйти —
Наши люди на пути:
Молодые
И седые,
Люди честные,
Простые!

Митя шёл домой из школы,
Митя шёл домой весёлый.

Испытание

Борис Шишковский *Рисунки В. Бубенщикова*

Стояла ясная, тихая погода. Небольшие волны, переливаясь мигающим светом, с лёгким плеском ударялись о лодку. Еле уловимый ветерок лениво надувал парус, и тот, подобно распластанному крылу чайки, медленно чертил воздух. Насколько хватал глаз, кроме этой парусной лодки, ничего не было видно.

В лодке были два мальчика: один, лет тринадцати, черноволосый, смуглолицый, с карими живыми глазами, стройный, стоял на корме и осматривал горизонт; второй, одних с ним лет, сидел на носу, свесив за борт ноги, и пристально смотрел вперёд, хмуря белые выгоревшие брови. Волосы его были острижены под машинку, открывая большой выпуклый лоб.

— Теперь окончательно заштилит...— проговорил он. — Так мы с тобой, Витька, и к ночи домой не доберёмся.

— Надо было вёсла захватить, — ответил тот.

— Ну, это тебе не у берега рыбу удить или крабов ловить. Много бы ты вёслами намахал?

— Всё лучше, чем у моря погоды ждать.

— К вечеру посвежеет.

— К вечеру-то посвежеет, а дома нам, Петь, влетит. — Витя сел и положил руку на румпель, выравнивая ход по курсу. — Отец ничего — он сам по неделям на промыслах пропадает, а мать два часа ругать и упрекать будет. А всё из-за Григория Ивановича с его птичьим базаром! — Он пнул ногой пустую корзину, стоявшую у его ног, и продолжал: — Яичницы захотелось... узнают ребята — засмеют! Каждый скажет: горе-мореплаватели.

Петя приподнялся на руках, перекинул своё тело в лодку и пружинисто встал на ноги.

— Ты Григория Ивановича не смей ругать! Он тебя посылал?

— Я и не ругаю, а просто так...— покраснел Витя.

Григорий Иванович был старый матрос, прошедший суровую школу гражданской войны. Уйдя на пенсию, он поселился в том же рыбацком посёлке, где жили Петя и Витя. Из-за ревматизма он не выходил теперь с рыбаками на промысел, как это делал в первые годы, но продолжал выполнять несложные работы на пирсе. Петя и Витя были его неизменными помощниками. Сами того не замечая, они проходили у Григория Ивановича хорошую выучку: то надо сростить канат, просмолить лодку, надёргать пеньки и сплести мат, зачинить прорванную сеть — всё это они делали втроём, ведя непринуждённый разговор. А как он умел рассказывать! Ребята, бывало, и есть забывали, слушая его. Это были не какие-нибудь пёстрые рассказики с весёлыми приключениями. Нет! Это была богато прожитая жизнь Григория Ивановича, которая учила ребят быть смелыми, выносливыми, честными...

Часто втроём они уходили куда-нибудь далеко от посёлка и подолгу просиживали на берегу моря. Здесь можно было найти много укромных уголков, где им никто не помешает. Сколько нового, интересного открывалось ребятам в этих прогулках!

Разве найдёшь что-нибудь прекраснее тихого уходящего вечера, когда огромное солнце, скрываясь под водой, окрасит весь горизонт в пурпурный цвет; или бархатной ночи с темно-синим куполом, усеянным серебряной россыпью звёзд; или занимающегося утра, которое неуверенно делает первые шаги: на горизонте появится серая полоска, которая будет всё разрастаться и светлеть, вместе с ней, откуда-то сверху, медленно поползёт туман. Он будет клубиться в воздухе, стлаться по воде, то сгущаясь до молочно-белого, то принимая какой-то голубоватый оттенок. Но вот тонкий, как игла, луч солнца проткнёт белую пелену тумана и, растопив его вокруг себя, откроет голубой глазок неба. И сразу пучок золотых лучей устремится в него, расширит, и вот уже чистое лазурное небо с редкими мазками белых облачков приветливо заулыбается в его лучах.

В такие минуты надолго замолкал Григорий Иванович.

— О чём вы думаете? — спрашивали его ребята.

Григорий Иванович только улыбался и обнимал их за плечи. Бывало, уходили они и в море на вёсельной лодке. Но невелико удовольствие плыть вблизи берега, обливаясь потом и стирая руки до крови!

И вот ребята решили построить килевую лодку, которая могла бы выдержать порядочную волну.

Почти всю работу Петя и Витя выполнили сами, и только парусное вооружение изготовил Григорий Иванович.

Когда, наконец, лодка красиво закачалась на лёгкой волне, начались учения. Придирчивее педагога, пожалуй, нельзя было бы и найти. Григорий Иванович заставлял их делать всевозможные развороты, управлять одними парусами без помощи руля, идти против ветра, при этом засекая время и строго наблюдая за точностью подхода к заданному ориентиру.

Петя и Витя были прилежными учениками, и, надо признаться, Григорий Иванович, скупой на похвалы, частенько ухмылялся в прокуренные усы и произносил своё неизменное «добро!».

Но чего не мог терпеть он — это пререканий между ребятами. Лицо его тогда мрачнело, белые лохматые брови сурово сдвигались над голубыми выцветшими глазами.

— Если вы на берегу не можете поладить, то на море и подавно, — говорил он.— Мигом попадёте к праотцам! Дружба у нас должна быть прочной, как морской канат. На море — это первое дело! Если товарищ попал в беду — да не только товарищ! — себя не жалей, а его выручай. Не выручишь — всё равно совесть убьёт тебя!

Поэтому так и смутился Витя, когда необдуманно обвинил Григория Ивановича в том, что они зря проболтались в море, напрасно проискав небольшой скалистый островок, где, по его рассказам, находился птичий базар. Григорий Иванович случайно в разговоре вспомнил о нём, и ребята решили, что съездят туда, наберут яиц и заодно испытают себя в открытом море. Островка они не нашли и, пробыв в море около суток, возвращались домой.

— Ты, Петь, не скажешь Григорию Ивановичу, что я так...

— Я? Я не скажу, а ты сам скажешь... и извинишься, — добавил он.

Витя заёрзал на месте и уныло проговорил:

— Я скажу... я ведь ненарочно...

Но скоро он забыл об этой маленькой неприятности и оживился.

— А что, Петь, может такая погода стоять несколько дней? Вот переполох поднимется! А может, уже розыски начали? Интересно!..— но тут же грустно добавил: — Вот только есть сильно хочется.

— А ты пояс потуже затяни,— с улыбкой посоветовал Петя.

— У меня и так уже дырочек не осталось,— вздохнул Витя.

Петя отличался ровным характером, упорством в любом деле, порой доходившим до упрямства. Витя представлял полную противоположность: был горяч, ему всегда требовалась быстрая смена событий, иначе он скоро приходил в уныние и начинал тяготиться. Вот и сейчас: вынужденное безделье плохо сказывалось на нём.

Солнце давно уже перевалило зенит и стало шире рассыпать побледневшие лучи. От моря потянуло прохладой.

— А ведь свежеет, — радостно вскочил Витя.

Парус надулся, разгладил свои морщины и сразу помолодел. Небольшие волны оживлённо заплескались за бортом и, разрезаемые носом лодки, двумя витыми струйками скользили по бортам.

Витя весь преобразился: глаза его восторженно блестели, лицо горело ярким румянцем, на лбу выступили капельки пота. Словно желая вознаградить себя за вынужденное силение, он то вёл лодку большими зигзагами, то, разворачивая её, чертил бортом воду, то описывал круги, быстро сужая их. То и дело он кричал Пете:

— На фалах!.. Не зевай!..

— Довольно тебе... — бросил тот...

Хотя отсутствие ребят не вызвало дома переполоха, но всё же встревожило их матерей. Они привыкли к частым отлучкам сыновей, но так долго ребята ещё никогда не задерживались.

Прождав ребят до обеда, женщины направились на пирс к Григорию Ивановичу. Кто-кто, а он должен знать, куда девались ребята!

Григорий Иванович был на пирсе один. Вся рыбачья флотилия уже дня три как вышла в море на лов, и Григорий Иванович, напевая что-то под нос, не спеша просмаливал дно перевёрнутой шлюпки.

— Григорий Иванович, ты наших сорванцов не видел? Со вчерашнего дня где-то запропастились!

Чтоб скрыть первое замешательство, Григорий Иванович долго раскуривал свою трубку, обдумывая ответ. Эта весть поразила его. Ребята никогда ничего от него не скрывали.

Пустив несколько клубов дыма, он спокойно ответил:

— У Чёрных камней они перемёт собирались забросить, ну... и там заночевали. Со шлюпкой управлюсь и схожу туда.

— Так ты их, Григорий Иванович, сразу домой посылай...

Тот только кивнул головой и снова принялся за шлюпку.

Не успели женщины удалиться, как Григорий Иванович быстро прошёл на конец пирса. Лодки ребят не было.

— Так и есть, в море ушли чертенята! — проговорил он.

Жара между тем становилась невыносимой. Чайки с тревожным криком носились над водой, но рыбу, как обычно, не хватали.

«Не к добру они так мечутся», — подумал Григорий Иванович.

Он приложил руку к глазам и посмотрел на море — одна серебристая рябь ослепила его...

Ветер всё крепчал, и поверхность моря стала покрываться барашками белой пены.

Петя тревожно посмотрел вокруг, и лицо его побледнело: прямо на них, всё разрастаясь и темнея, двигались рваные тучи.

— Шторм идёт, — прошептал он.

Солнце куда-то отодвинулось, покраснело и как бы подёрнулось мелкой сеткой. Но вот огромная чёрная туча вплотную подобралась к нему, лизнула по огненным краям и, сразу навалившись на него, растворилась в быстро наступившем мраке. На какое-то мгновение два кровавых луча ещё вырвались на свободу, скользнули по воде и сразу погасли. Волны зловеще потемнели, закружились, и тихий плеск их сменился грозным, всё усиливающимся роптанием.

— Теперь начнётся...— проговорил Витя.

Упали первые капли дождя: одна, две... и вот они забарабанили по парусу, по лодке...

— Может, успеем?..— Петя не договорил.

Ослепительно сверкнула молния, ударил гром, всё наполняя металлическим звоном. Со свистом налетел шквал и под-

нял за собой огромные, клокочущие волны: они всё росли, всё упорнее налетали на лодку.

— Режь волну! — прокричал Петя.

Уже не переставая, сверкали молнии, раскалывая небо ломаными линиями: оранжевые отблески от них ложились на быстро двигающиеся тучи. Парус, казалось, готов был вот-вот лопнуть и унестись вместе с ветром во мглу. Лодка, всё ускоряя бег, неслась по ревущим волнам, рассекая их и отбрасывая от бортов. Временами она зарывалась носом и вскидывала корму. Тогда шальная волна с силой ударялась в неё и закатывалась в лодку.

— Руль береги, руль чтоб не выбило!.. — снова прокричал Петя.

Витя, навалившись грудью на румпель, держал его обеими руками; лицо было бледное, широко открытые глаза, не мигая, смотрели вперёд.

Внезапно с правого борта он увидел продолговатый предмет.

— Шлюпка! — крикнул Витя, всматриваясь.

Увидел её и Петя.

Она, словно щепка, беспомощно моталась на беснующихся волнах. При ясных вспышках молний ребята отчётливо увидели, что в шлюпке находится человек.

Туда, к шлюпке!.. Но сделать разворот при таком ветре, при такой волне!..

Гребни волн яростно клокотали, захлёбываясь белой пеной; воющий ветер метался вокруг них.

Некоторое время они ещё продолжали видеть шлюпку, но скоро она скрылась из глаз. Ребята встретились взглядами и опустили глаза.

— Разворачивай лодку! — и Петя в упор посмотрел на Витю.

С мертвенно-бледным лицом, с глазами, полными слёз, Витя с силой снова налёг на румпель.

Ветер, словно обрадовавшись, навалился на парус; раздался треск, и лодка, повалившись на бок, ухнула в тёмный провал между волнами. Ещё бы одно мгновение, и... но Петя успел справиться с парусом. Лодка выпрямилась, стала про-

тив ветра и забилась на вздыбленных волнах. Витя сразу переложил руль, и она, уваливаясь под ветер, большими зигзагами понеслась обратно.

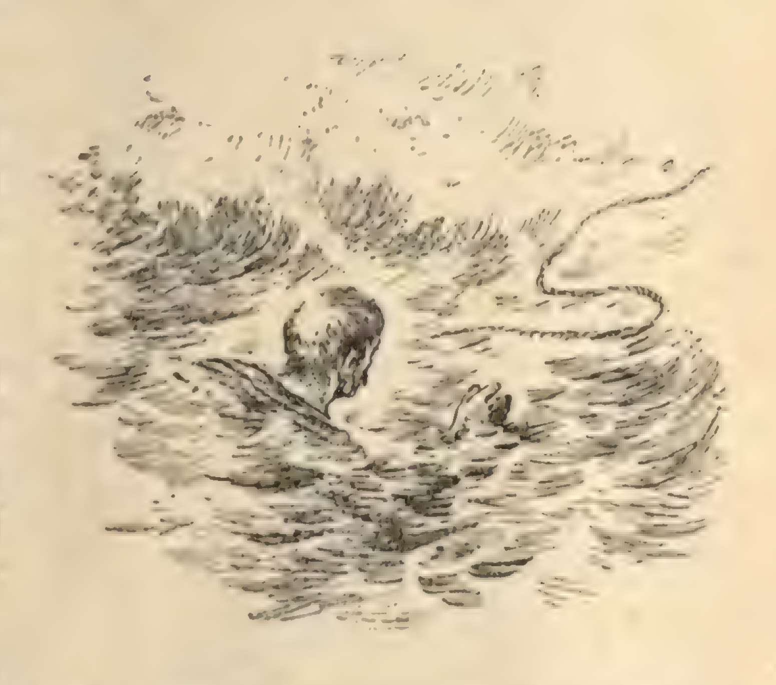
«Успеем ли?» — молотком стучало в мозгу у ребят.

Они не думали теперь о том, чтоб поскорее увидеть берег, они думали о том, чтоб приблизиться к шлюпке.

И вот она появилась как-то сразу, будто вынырнула из воды.

Когда до шлюпки оставалось несколько метров, Витя приподнялся, всмотрелся и вдруг вскрикнул:

— Григорий Иванович!

Петя на какие-то доли секунды застыл у борта, но тут же стремительно подался вперёд и бросил конец.

Григорий Иванович ловко поймал его, но в тот же миг шлюпка стала вдоль волны, и пенистый вал холодной воды обрушился на неё.

— Погиб? — Петя обеими руками обхватил мачту и с ужасом смотрел на то место.

Но вот у самой лодки показалась голова, и две руки крепко схватились за борт. Петя хотел помочь ему, но Григорий Иванович сам, подтянувшись на руках, перевалился в лодку.

Казалось, что шторм, обозлившись на такую дерзкую выходку, окончательно взбесился. Лодку бросало с боку на бок, вздымало высоко вверх и с силой швыряло вниз.

Теперь за рулём сидел Григорий Иванович и уверенно вёл лодку, одновременно управляя парусом. Ещё не было сказано ни одного слова. Наконец, Петя перебрался поближе к корме и прокричал:

— Разворачиваться надо... в обратную сторону!

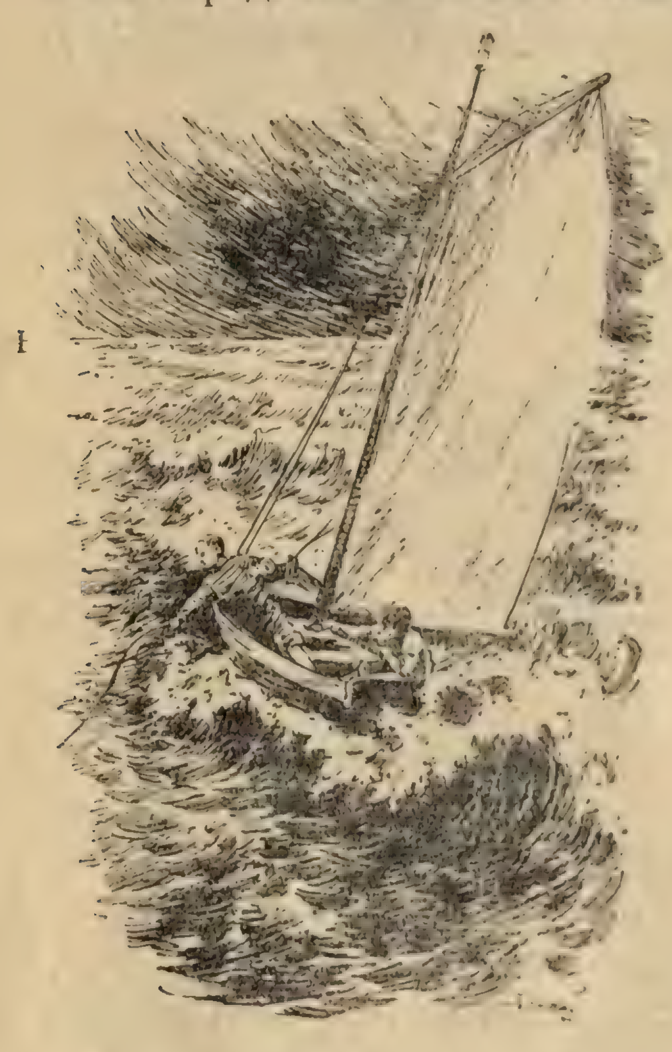
Тот только кивнул и продолжал смотреть вперёд, не сделав и малейшего движения, чтоб изменить курс. Лодка по-

прежнему продолжала нестись вперёд, взлетая и рассекая волны.

Внезапно, покрывая шторм, послышались звуки сирены.

— Маяк! — прокричал Витя.— Скоро берег!

Лодка пронеслась мимо каменной гряды, которую можно было определить по белой кипящей пене, и, взлетев на огромную отливную волну, врезалась в берег.

— Земля! — выдохнул Витя.

Григорий Иванович сидел на камне, держа во рту пустую трубку; рядом с ним, прижавшись к его руке, сидел Витя, а Петя стоял в стороне и смотрел на море.

— Вы получили хорошую морскую закалку, ребята, выдержали трудное испытание, но выходить одним в море — рановато!

— Нам было очень страшно, Григорий Иванович, очень... — прошептал Витя.

— А если бы мы не вернулись к вам,—взволнованно проговорил Петя, — тогда... мы погибли бы! А живы бы остались — ещё хуже!

— Страшно всем бывает, ребята, а вот пересилить страх не каждый может. Стало страшно и мне, когда мотор заглох.

Петя, глядя куда-то вдаль, с чувством произнёс:

— Как хорошо, что мы смогли пересилить страх!

Витя повторил: «Как хорошо»,— и посмотрел на море.

Шторм затихал. Волны ещё продолжали налетать на берег, но уже не было в них прежней злости, а только чувствовалась огромная усталость. Ветер уже не завывал. Он всхлипывал и стонал. Всё реже и реже вспыхивали далёкие зарницы...

В ГОРОДЕ ЛЕНИНА

Ефим Ружанский *Рисунки В. Васильева*

Здесь Ленин жил

Ленин! Ленин...
            В удивленьи
Я смотрю на светлый дом,
Будто наш учитель Ленин
Жив поныне в доме том...
Мы любуемся привольной
И широкою Невой.
Вот дворец старинный —
                  Смольный,
Здесь бывал
        наш вождь родной!
Дальше едем по реке.
Видим:
        отлит из металла
Ленин на броневике.

Здесь когда-то выступал он
У Финляндского вокзала!..
Едем мимо маяков,
Мимо старого причала,
Где для славных моряков
Слово Ленина звучало...
Всюду Ленин
с нами рядом
В этом городе большом.
Знать, недаром

Ленинградом

Этот город мы зовём!

Крейсер „Аврора“

Плывём мы утром
по Неве
И видим:
крейсер в синеве.
— «Аврора»,— кто-то говорит,—
Навечно на приколе

Геройский крейсер здесь стоит —
Морской он отдан школе.
Теперь на крейсере живут
Отважные ребята,
Морское дело познают
Нахимовцы-орлята...

На Зимний посмотрев дворец,
Вступил в беседу мой отец:
— Бывал и я на море...
Когда в октябрьский день
Ильич
«Вперёд, на Зимний!» —
бросил клич,
Служил я на «Авроре».
В тот день,
как Ленин указал,
Мы у орудий встали:
С «Авроры»
грянул
первый залп —
То был сигнал к восстанью.
Дрожали в Зимнем господа,
Укрывшись от народа.
В смертельный бой мы шли тогда,
Сражались за свободу,
Чтобы на берегах Невы,
На Волге, на Урале
Сыны и внуки, то есть вы,
Счастливо жить бы стали!

На Неве

Нынче День морского флота.
Мы на улице с утра.
Дворник флаги на ворота.
Водрузил ещё вчера.
Льётся песня молодая —

Моряков отряд идёт.
Мы стоим и наблюдаем
Возле дома у ворот.
А под вечер мы с родными
На Неву гулять идём.
Над эсминцами стальными

Фейерверк летит дождём.
Вся в огнях
стоит «Аврора»,
Полыхая, как заря.
Машут флагами
линкоры,
Крейсера
и катера.
А прожектор стелет низко
По Неве свой яркий свет.
И над всем
родной и близкий
Виден
Ленина портрет!

О шалаше

По Невскому с родными я иду.
Отец — как дома здесь,
не посторонний.
— Весь город,— говорит он,—
на виду:
Адмиралтейство,
бронзовые кони...

А вот,
у моста —
Аничков дворец.
Здесь музыка и песни —
слушай, тише...
Сбылися, мать, мечты,—
сказал отец: —
Стал он дворцом для наших
ребятишек!

Мать улыбнулась:
— Это их добро,
Оно в наследство к ним
от нас попало:
Дворцы,
заводы,
новое метро...
Но и построить надо им
немало!...
А я иду и слушаю,
забыв,
Что моросит...
В такой же день осенний
В густом лесу,
за озером Разлив,
Над рукописями
склонялся
Ленин.

В дождливый,
мрачный
предвечерний час,
Там, в шалаше,
на сене влажном сидя,
О будущем он думал
и о нас.

Он нашу жизнь хорошую предвидел.
И оттого светлело на душе!..
И так мне ясно стало:
в самом деле,
Затем скрывался Ленин
в шалаше,
Чтоб мы теперь
свои дворцы имели!

Пистолет Курта Ройтмана

Николай Мыльников *Рисунки П. Никулина*

За все дни зимнего наступления полк майора Добровольского впервые разместился в деревне. До этого гитлеровцы, уходя, сжигали все селения, и наши бойцы продвигались по выжженным и безлюдным местам. Село Новопашино, что неподалеку от Ленинграда, противник сжечь не успел: слишком стремительной была атака.

Пулемётной роте капитана Раскатова комендантская служба отвела на окраине деревни пятистенный дом, построенный, как видно, перед самой войной. Его свежеотёсанные толстобревенчатые стены ещё не почернели на солнце.

Первым вошёл в дом политрук Пшеничный — молодой, широкогрудый офицер, туго подтянутый ремнями поверх дублёного полушубка.

— Есть кто-нибудь? — громко спросил он, переступая высокий порог кухни.

Кухня выглядела прибранной, опрятной, была тепло натоплена. Политрук подошёл к ведущей в горницу двери, толкнул её ладонью. Но дверь оказалась запертой на внутренний замок.

Тем временем в дом стали входить бойцы. Немолодой сержант с шевченковскими усами, Кузьма Крамаренко, облюбовав место для отдыха, приподнялся на приступку печки и забросил на лежанку вещевой мешок. Котелок громко ударился о доски. На печке под тулупом кто-то зашевелился.

— Товарищ политрук! Здесь кто-то живой! — крикнул Крамаренко.

— Может быть, там фриц схоронился? — спросил политрук.

— Не-е-е, мы — русские. Фрицы вчера убежавши,— послышался с печки сонный мальчишеский голос.

— Они теперь далеко-предалеко,— добавил тоненький девичий голосок.

— А хозяева где? — допытывались пулемётчики.

— Мы — хозяева,— в один голос ответили ребятишки.

— Ну, а старший есть кто-нибудь?

— Я старший,— сказал мальчик и, откинув тулуп, слез с печки.— А то моя сестрёнка,— показал он на девочку. — Маня, слезай. Это наши.

Мальчику, которого звали Стёпой, недавно минуло двенадцать лет. Мане шёл всего лишь седьмой год. Оба они были белоголовыми, давно не стриженными, в изрядно поношенном холщовом белье, выкрашенном в коричневый цвет настоем берёзовой коры. Узкое лицо Стёпы густо изрыли глубокие рябинки. На круглых щеках Мани пестрели мелкие, как бисер, рыжеватые веснушки. Обутый в мужские домокатанные чёрные валенки, подшитые кожаной сыромятью, коренастый, с серьёзным взглядом исподлобья, Стёпа казался гораздо старше своего возраста. Говорил он со свойственной крестьянским детям степенностью и рассудительностью.

После того, как ребятишки, осмелев, прошли в передний угол и сели за стол, пулемётчики, заполнив избу, с любопытством стали расспрашивать их о житье-бытье.

— А где же у вас родители? — спросил Пшеничный.

— Нету теперь у нас родителей,— угрюмо ответил Стёпа и украдкой глянул на дверь, ведущую в горницу, словно боясь, что его кто-то подслушает.

— А почему горницу не открываете?—спросил вошедший с улицы командир роты.

Ребята вмиг помрачнели.

— Не надо, дядя, открывать её,— вырвалось у Стёпы.

Он вопросительно посмотрел на сестрёнку, и та, поняв брата, промолвила, ни на кого не глядя:

— Я тогда запла́чу...

Заинтересованные пулемётчики с любопытством смотрели на запретные двери. А худощавый ефрейтор Шустров, одёргивая на себе мешковато сидевшую, ещё не обношенную шинель, спросил:

— Вы что, фрицев, видно, прячете?..

Лицо у Стёпы исказилось гримасой боли. Побледневшие губы запрыгали, на глаза навернулись слёзы.

«Мамка там наша лежит... убитая»,— еле выговорил он.

Дети рассказали фронтовикам о том, что гитлеровцы, обозлённые последними неудачами, незадолго перед отступлением расправились с жёнами трёх партизан села Новопашино.

Ребята допытывались, могут ли пулемётчики догнать того фашиста, который застрелил их мать.

— Да если бы его знать, сынок, мы бы ему организовали самую тяжёлую смерть,— возмущался сержант Крамаренко.

— Я вам его покажу,— вдруг оживился Стёпа и тотчас же опять сбегал в сени и из-под той же половицы извлёк фотокарточку. — Вот он.

Лейтенант Курт Ройтман был сфотографирован в момент «охоты» на куриц. С глазами навыкате, он сидел на предамбарье, разморённый летним зноем, и целился из пистолета, а двое солдат подгоняли кур на положенную дистанцию. В плетёной корзине, которая стояла рядом с Ройтманом, уже лежало несколько кур, выставивших за её края чешуйчатые лапы...

К вечеру солдаты похоронили Анну Акимову в братской могиле вместе с убитыми бойцами из полка майора Добровольского. На жестяной планке, прибитой к надмогильному шпилю, увенчанному самодельной звездой из артиллерийской гильзы, среди погибших за советскую Родину они назвали и

простую русскую женщину села Новопашино Анну Акимову и её боевых подруг.

Весь остаток вечера пулемётчики отдыхали, приводили в порядок обмундирование, писали письма родным и знакомым.

Но всех их не покидала тревога за судьбу командира пулемётного расчёта Сапара Курмангалиева. Во время вчерашней контратаки расчёт сержанта Курмангалиева оказался на самом бойком месте. Немецкие автоматчики трижды бросались на этот расчёт, но всякий раз откатывались назад. А вечером, уже в сумерках, когда у пулемёта остался один командир, они окружили Курмангалиева. Узнав о происшедшем, наши миномётчики полчаса стреляли по месту, где отбивался Курмангалиев, но погиб Сапар или сумел спастись, никто сказать не мог.

Когда же кто-то из солдат высказал мысль, что Курмангалиев попал в плен, Кузьма Крамаренко заметил:

— Не мог он сховаться в плен.

— Почему?

— Потому что Курмангалиев — коммунист.

— А если его ранило? Передвигаться он не мог?

— Для коммуниста найдётся выход: бейся до последней пули, а последнюю оставь для себя и умри с ней, но врагу не дайся, — добавил Крамаренко.

В это время на пороге показался посыльный. Он сообщил, что политрука вызывают к комиссару батальона. Оттуда Пшеничный возвратился с листовкой, изданной политотделом дивизии. В ней рассказывалось о том, что несколько дней назад у лейтенанта Курта Ройтмана потерялся пистолет. Желая отомстить за пропажу пистолета, гитлеровцы арестовали всех мальчиков Заречной улицы, на которой квартировал Ройтман. Целую ночь допрашивали их, избивая и угрожая смертью, а накануне отступления угнали неизвестно куда.

Утром раньше всех проснулся Стёпа. Пройдя в кухню, где горела лампа, он увидел листовку, лежавшую на столе, и, прочитав её, завсхлипывал, вытирая слёзы кулаком.

— Что с тобой? — спросил дежурный по роте Кузьма Крамаренко.

— Да я ведь, дяденька Кузьма, не знал, что их угонят... — И Стёпа рассказал сержанту историю похищения пистолета Курта Ройтмана.

Недели две назад в село Новопашино наведался партизан Н-ского отряда Анисим Кубахов — дедушка Стёпы по матери. Стёпа долго уговаривал деда, чтобы тот взял его с собой партизанить. Только сильное недомогание матери заставило Стёпу остаться дома.

— А навредить вражьему делу ты можешь и здесь, — урезонивал внука дед Анисим. — Достал, к примеру, ружьё для нашего отряда и этим внёс свой пай в народное дело. Узнал от немецкого командования, где их штаб дислокацию занимает, скажи нам про то. Опять же польза для народа.

— Деда, а что такое дислокация?

— Это военное слово. Оно говорит о том, кто где размещается. Знать немецкую дислокацию — для партизан главная статья.

Чтобы выполнить наказ деда, Стёпа первым долгом решил помочь партизанскому отряду вооружением. В ночь, когда Курт Ройтман справлял очередную гулянку, Стёпа незамеченным проник к тётке в коридор и, выждав, когда пьяный офицер вышел проводить сослуживцев, тихонько на цыпочках пробрался в горницу. Вынув из кожаной кобуры воронёный пистолет, он мигом возвратился в коридор. Оттуда через заднюю дверь — на огород и тропинкой через речку — домой. Задыхаясь не то от радости, не то от волнения, Стёпа запрятал добычу на сеновале. А на вопрос матери, где пропадал так долго, ответил:

— Нас всех, кто бегал по улице, заставили расчищать от снега какой-то склад большой.

В это время в ставень кухонного окна постучали. С улицы донёсся голос:

— Пулемётная рота здесь есть или нет?

«Сапар, — мелькнуло в голове Крамаренко. — Наш Сапар».

— Здесь мы, заходи! — крикнул он в окно и замахал рукой.

Те, кто проснулся и понял, что произошло, тотчас выбежали на улицу. Через минуту сопровождаемый пулемётчиками

сержант Курмангалиев вошёл в дом, таща за собой на ременном чересседельнике грязного, заросшего густой жёсткой бородой гитлеровца.

Пулемётчики, ещё не отдавая себе отчёта в том, что произошло, принялись обнимать Сапара.

— Сапар и живой пришёл, и ещё один арийский бандит привёл,— сияя от счастья, промолвил Курмангалиев.

Стёпа сразу обратил внимание на пленного. Вглядевшись в него, он вскрикнул, побледнел и с сжатыми кулаками бросился на фашиста:

— Дяденька Кузьма, разрешите мне его убить.

— Пойманного врага надо сначала судить,—ответил Крамаренко.— Нам треба от него узнать все секреты.

— Зачем он мою маму убил? — крикнул Стёпа, и большие голубые глаза его налились недетским гневом.

Стёпа быстро выбежал во двор. Вскоре он возвратился, распахнул полушубок и из-под ремня, который придерживал брюки, выдернул пистолет.

— Послужил он тебе? — выкрикнул Стёпа.

— О, я есть хозяин этот пистолет,— протянул Курт.— Подарок генерала в Штеттин.

Тут в одно мгновение шуба с плеч Стёпы сползла, он резко отпрянул назад и стал целиться в Ройтмана. Пулемётчики удержали мальчика.

Курта Ройтмана увели в штаб полка.

Стёпа и Маня теперь считали Сапара самым близким, самым родным человеком. Они не отходили от него так же, как это делают дети, когда их отец возвратился домой после долгой разлуки.

— Дяденька Сапар, а почему вы знали, что он нашу маму убил? А где вы его догнали? — спрашивала Маня.

— А нам расскажут, что с ним сделают? — вторил Стёпа.— А в армии нет такого закона, чтоб пойманных врагов расстреливать сразу?

Ребятишки, в знак горячей благодарности к боевому пулемётчику, достали из подпола банку прошлогоднего мёду, а чтобы Сапар как можно лучше отдохнул, они принесли с чердака перину, пуховую подушку и стежёное в разноцветных клиньях одеяло.

Когда в штабе полка снимали допрос с Курта Ройтмана, в качестве свидетеля был приглашён и Стёпа Акимов. Он, видевший многие бесчинства фашиста, дал командованию ценные сведения. В заключение Стёпа попросил командира полка:

— Если бы вы, дяденька майор, взяли меня с собой, я бы стал ходить в разведку каждую ночь.

— Хорошо, Степан, — ответил командир полка,— это предложение мы обсудим.

И то, что майор назвал мальчика по-взрослому и заинтересовался предложением юного разведчика, обрадовало Стёпу. Он бегом прибежал домой и о своем намерении в первую очередь рассказал Сапару Курмангалиеву.

— Мой, конечно, тоже согласен, чтоб взять тебя, — ответил Сапар. — Я уже про то политруку говорил.

После разговора с Курмангалиевым Стёпа ещё больше поверил, что командир возьмёт его с собой, и втихомолку начал готовиться к отъезду с полком. Он отыскал новые шерстяные носки, приготовленные матерью для отца, зашил макушку у шапки, которая расползлась по шву, подрезал у валенок голенища, чтобы легче было ходить, надел на себя вторую пару белья. Маня заметила сборы брата и надулась.

— Не стыдно тебе,— сердито ворчал Стёпа. — А тебе про то известно, что я за маму не одного, а, может, десять, а то и двадцать фашистов убью.

— Тогда и я с тобой пойду.

— Ещё не хватало там девчонок. Получится страшно в бою, ты и заголосишь на всё поле.

Когда полк стал собираться в очередной поход, Стёпа пошёл к майору Добровольскому.

— Дяденька майор, я пришёл узнать: мне готовиться с вами или нет?

— Наше решение, сынок, такое: просить тебя остаться дома. У тебя теперь будут заботы и по хозяйству и о сестричке... А когда подрастёшь, окончишь школу, мы тебе поможем устроиться в военное училище...

Стёпа покраснел, словно его обдало сильным жаром, вытер ладонью нос, опустил глаза, от обиды прикусил губы.

— Ну, чего молчишь? Согласен с нашим решением?

— Не согласен,— отрубил Стёпа и тут же ушёл из штаба.

Он забежал на сеновал, положил в валенок пистолет и, прощаясь с Маней, на ухо сказал ей:

— Я, может, пойду на военное задание... Ты меня скоро не жди. Вечером дай корове пойла, потом сена подбрось немножко. Когда вернётся тётка, расскажи ей про всё, как было...

Стёпа поцеловал Маню в лоб и быстро вышел...

За околицей он круто свернул к тёмной гряде леса, в ту сторону, откуда доносились раскаты орудийных залпов. Это били по Гагаучам «катюши». Деревня Гагаучи находилась в девяти-десяти километрах от села Новопашино. Здесь фашисты заняли очередной опорный пункт. Наши батальоны бились уже более полсуток, но успеха не имели.

— Дяденьки, а кто здесь всех главнее? — спросил Стёпа, придя на огневую позицию артиллеристов.

Артиллеристы показали на высокого молодого капитана, стоявшего с биноклем в густом коряжистом ракитнике. Стёпа тут же подошёл к нему, поприветствовал его по-военному, рассказал о своём желании участвовать в боях. Но капитан, уже знавший и о семье Акимовых, и о Сапаре, и о Курте Ройтмане по сегодняшней политинформации, осмотрел с ног до головы коренастую фигуру Стёпы и ответил:

— Парень ты, как видно, хороший... Но воевать тебе ещё рановато. Подрасти надо...

Когда стемнело, Стёпа вместо того, чтобы отправиться домой, решил пробраться в Гагаучи.

По сугробам, по кустарникам, по камышам Стёпа полз к деревне. Его дважды задерживали немцы. Но Стёпа со слезами на глазах отвечал, что хочет навестить свою бабушку.

Сейчас он не боялся ни пуль, ни снарядов. Его страшило лишь одно — не обнаружили бы пистолет.

Вот и дом бабушки. Старуха лежала на печке, решив, что здесь её не достанет никакая пуля.

От бабушки мальчик узнал, что в её доме почти два месяца находился штаб немецкого пехотного полка. А вчера, когда наши подразделения вплотную подошли к Гагаучам, офицеры переместились в подполье. Туда был отрыт специальный ход из ограды.

Стёпу это и обрадовало и взволновало. Эх, если бы сейчас ему пяток гранат.

Мысли в голове теснились одна заманчивее другой. Парень едва скоротал длинную зимнюю ночь. Всего пуще Стёпа боялся заснуть и проспать то время, в которое задумал совершить свой поступок.

Утром, как только развиднелось и из-за крутого берега выкатилось большое неяркое солнце, Стёпа, чтобы не разбудить бабушку, тихонько слез с полатей, на цыпочках прошёл в горницу и достал из бабушкиного сундука льняное полотенце. Потом, затаив дыхание, запер кухонную дверь на второй крючок и, снова возвратясь в горницу, приступил к осуществлению своего плана. К приготовленному с вечера черенку от щётки

он привязал обрывком от телефонного провода полотенце и в форточку, которая выходила на улицу села, вывесил белое полотенце. Оно тотчас заплескалось на утреннем ветру.

Гитлеровские солдаты, которые находились в траншеях правого фланга, увидели на доме штаба полка белый флаг и в одно мгновение пришли в замешательство. Многие из них, оставив траншеи, тут же бросились бежать в деревню. На правом фланге дрогнула вражеская оборона.

А флаг продолжал развеваться.

Стёпа же, сделав своё дело, держа в руке пистолет, сидел в углу горницы и, ожидая расправы, наблюдал в окно, висит ли флаг. Каждая минута теперь казалась очень и очень длинной.

Потом под окнами послышалась грубая ругань на ломаном русском языке. Это один из фашистов подошёл, чтобы сбить флаг.

Стёпа тут же, не раздумывая, выстрелил в окно. Гитлеровец замертво ткнулся лицом в сугроб снега. Пистолет Курта Ройтмана пригодился.

В ту же минуту послышалось грозное для врага русское «ура».

Наши роты, наступавшие на Гагаучи, воспользовавшись замешательством врагов, стремительным броском смяли их оборону.

К полудню Гагаучи были очищены. Стёпа встретил здесь Сапара Курмангалиева и рассказал ему, как помог нашим войскам. А перед тем как пойти вперёд, командир дивизии вручил награды отличившимся. Среди них был Сапар Курмангалиев, награждённый орденом Красной Звезды, и Стёпа Акимов, удостоенный медали «За отвагу!».

* * *

Скоро в школу

Борис Михайлов — *Рисунки Е. Гилёвой*

Ей купили портфель настоящий,
Небольшой, но как раз подойдёт.
Он коричневый, новый, хрустящий;
В первый класс с ним Наташа пойдёт.

Приучилась Наташа к порядку,
Всё проверить успела она:
Есть букварь, карандаш и тетрадка,
Ручка с перышком тоже нужна.

На исходе весёлое лето,
Золотеет листва у берёз.
Будет осень особенной эта
Для того, кто учиться подрос.

◆◆◆

Письмо

Ольга Загарская *Рисунки В. Бубенщикова*

1

Тишину квартиры нарушил резкий хриплый звонок будильника. Алевтина Николаевна, не вставая с постели, протянула руку и выключила звонок, затем стала торопливо одеваться. «По-солдатски», в две минуты, она была готова. Больше времени ушло на причёсывание. Длинные, густые волосы доставляли немало хлопот. Наконец, косы были уложены на затылке узлом, и под тяжестью их голова невольно приобрела горделивую осанку.

— Спи, спи ещё, Татьяшка,— крикнула Алевтина Николаевна, услышав возню в соседней комнате.

На цыпочках она прошла мимо детской в кухню, тихо, стараясь не греметь посудой, поставила разогревать завтрак. Но все предосторожности были напрасными — Таня, уже одетая, входила к ней. Голубые, большие, как у матери, глаза припухли от сна и щурились от яркого электрического света.

— Доброе утро, мама!

— Доброе утро... А я думала, ты ещё подремлешь... Ну, раз встала, быстрее умываться, причёсываться да завтракать,— распорядилась Алевтина Николаевна, потрепав дочь по тёплой щеке.

Коренастая, чуть неуклюжая, в просторной, сшитой на вырост пижаме, «домашняя» Татьяшка никак не походила на третьеклассницу. И, видимо, поэтому мама часто говорила ни с того, ни с сего:

— Подумать только, мы уже в третьем классе!

А потом, уже про себя, грустила: «Посмотрел бы сейчас отец».

Дочку-школьницу папа так и не увидел. В одной из своих многочисленных геологических экспедиций он простудился и, проболев несколько дней, умер.

Тане было тогда всего пять лет. Но она и сейчас помнит этот день: гнетущая тишина в квартире, прерываемая частыми звонками у входной двери... незнакомые люди, жалобный плач — всё больно сжимало маленькое сердце Татьяшки.

— Мама, мамочка... не надо,— бормотала Таня, ещё крепче прижимаясь к плечу матери.

— Тина, нельзя так... Ты должна о дочери подумать... Беречь себя надо...— заставляя её выпить какое-то пахучее лекарство, шептала соседка, тётя Соня.

Слова о том, что мама должна думать о ней, о Тане, произносились часто в те дни. И Таня чувствовала, что они в какой-то мере сдерживали горе матери. Девочка воспринимала их по-своему:

— Я тебя буду очень, очень любить, мама... слушать и всегда помогать,— и невольная улыбка появлялась на осунувшемся лице Алевтины Николаевны.

Общее горе сдружило «большую и маленькую женщин», как называл их ещё отец. Алевтина Николаевна, конечно, не могла ещё ждать совета от Тани, однако чувствовала большое облегчение, рассказав ей о своих неполадках на работе. Таня, конечно, ничего не понимала в бухгалтерских делах, но слушала с большим вниманием о том, что какой-то баланс не сходится, а кредит получается больше дебета.

— Получится, мама, получится,— считала своим долгом утешить Таня.

— Ну, раз дочь говорит, что получится, значит всё будет в порядке,— веселела Алевтина Николаевна.

И на другой день, приходя с работы, сообщала, что и в самом деле всё сошлось, всё получилось. А Тане казалось, что это она помогла маме.

Ну, а как мама помогала дочери уметь и расти—чувствовалось ежедневно. Не зря соседи говорили, что хорошая дочь растёт у Вьюхиной.

— Вы целый день на работе, а в квартире чисто и всухомятку не едите,— удивлялись они.

— У Тани есть свои обязанности по дому,— просто отвечала Алевтина Николаевна. — А обед мы с ней готовим вместе вечером.

Вечерние часы, когда Таня приходила из школы, а мать с работы, были у них самыми любимыми часами. Моя посуду или чистя картофель, Таня рассказывала школьные новости, а мама свои.

Так вот они и жили.

Но с некоторых пор Алевтина Николаевна стала замечать, что у дочери появились от неё какие-то секреты. Таня потихоньку шепталась с подругами и отпрашивалась из дома, говоря, что должна выполнить поручение пионервожатой.

— Какое, если не секрет?

— В том-то и дело, что секрет, мамочка!

— Ну что ж, если секрет... Пойди.

Эти таинственные поручения Таня выполняла несколько раз. А однажды обнаружилось, что и утром, до школы, дочь не нашла времени вымыть посуду. На другой день, придя с работы, Алевтина Николаевна застала в комнате полный беспорядок: на письменном столе лежали смятые куски бумаги, лоскутки материи, ножницы, посередине комнаты валялась тапочка, школьная форма была небрежно брошена на диван.

Покачав головой и сокрушённо вздохнув, Алевтина Николаевна принялась за уборку. Расправляя форму, она обратила внимание на воротничок: из белоснежного он превратился в серый.

— Ну, что же это такое? — не выдержала и вслух возмутилась она.— Ни на что не похоже. Девочка всегда была такой аккуратной...

С прошлого года, когда дочь сама научилась на уроках труда держать иголку в руках, у Алевтины Николаевны не было заботы о воротничках и манжетах. А вот сейчас... Алевтина Николаевна решила сменить их: «Увидит, и самой станет стыдно». Она начала отпарывать воротничок и под ним обнаружила маленькую красную звёздочку.

— Это ещё для чего? — расправляя загнувшиеся кончики, недоумевала Алевтина Николаевна.— Что она означает?... Ага, понятно! Тимуровский значок!

2

С месяц назад жители заводского посёлка провожали комсомольцев на целинные земли. Среди пёстрой беспорядочной толпы провожающих выделялась стройная шеренга школьников. Кумачовые галстуки пылали под ярким весенним солнцем. Пионеры тоже пришли проводить своих старших товарищей в дальний путь. С завистью они смотрели на героев дня.

Вот так же бы сесть в поезд и двинуться в заманчивые просторы, чтобы поднимать там вековые пласты целины, засевать хлебом, покрывать садами. Школьники вручали отъезжающим книги — в подарок и вместе со всеми просили:

— Пишите! Не забывайте!

Дежурный по станции дал свисток, и поезд тронулся, набирая скорость.

— Пишите-е,— в последний раз крикнула, размахивая платком, Таня Вьюхина, которая тоже была со своими одноклассницами в шеренге школьников.

А когда исчез за повотором последний вагон, вдруг спохватилась:

— А куда же, девочки, они будут писать? Адреса-то мы не дали. И их адрес не знаем...

Одноклассницы растерянно переглянулись.

— Ничего,— успокоила вожатая.— В райкоме комсомола узнаем.

Пионерки сходили в райком, но и там им ничего не смогли сказать. Известно, что поехали на Алтай — и только.

Недавно пионервожатая, проходя мимо завода, заметила у проходной скуластого, смуглого паренька. Его лицо показалось знакомым. «Где я его видела?» И вдруг вспомнила: он был среди отъезжающих на целинные земли.

Бывший кузнец Виктор Быков приехал на родной завод за инструментом. Пионервожатая попросила его зайти в школу.

В этот день в Танином классе проходил пионерский сбор. Виктор Быков рассказал ребятам о природе Алтая, о том, как они дружно приступили к работе на новом месте.

А через несколько дней отряд 3 класса «А» провожал целинника в обратный путь.

На вокзале школьники познакомились с семьёй Быкова, с его старенькой мамой и дочкой. Девочкам очень понравилась

бойкая Устинья Фёдоровна, или, как её звала трехлетняя Галочка, бабушка Утя.

— А вы как-нибудь навестите старуху-то,— сказала Устинья Фёдоровна, прощаясь с девочками у своего дома.

И девочки навестили её. Низенькая и полная, бабушка Утя захлопотала, усаживая гостей. Сделать это было нелегко. На семерых всего два стула. Пришлось занять кровать. Таня с удивлением огляделась по сторонам. На подоконниках, на тумбочках, на ящиках и прямо на полу — всюду были цветы.

— Да у вас целый сад! — восхитилась Таня.

— Люблю, грешным делом, зелень,— как бы оправдываясь, сказала бабушка Утя.— Только вот пересаживать надо, а земли нет,— посетовала она и засеменила от шкафа к столу, от стола в кухню и снова к столу. На льняной скатерти появились домашней засолки огурцы и капуста, булка свежего чёрного хлеба и полная тарелка бубликов.

— Не богатое угощение, да уж вы не обессудьте, — приглашала к столу бабушка Утя.

Девочки сначала стеснялись, но старушка так радушно их угощала, а капуста с плавающими по поверхности пятнышками постного масла была такой заманчивой, что отказываться больше не хватило сил. Скоро за столом слышались только хруст капусты и торопливый говорок Устиньи Фёдоровны.

Через несколько дней девочки вновь навестили старушку: принесли ей земли и помогли пересадить цветы.

Пионервожатая, узнав о сделанном, похвалила их:

— Вы как настоящие тимуровцы!

Пионеры подхватили это слово.

— А что, если нам организовать тимуровскую команду?!

— Вот здорово! Будем помогать семьям уехавших на целину.

— А у наших соседей дядя Паша уехал работать в МТС, а тётя Нюра болеет... А Вовка ничего не успевает делать... Учиться стал плохо...

— Значит, ему надо помочь... И стареньким надо помочь, которые одни живут. Я знаю таких.

— И я!

— Я тоже знаю!

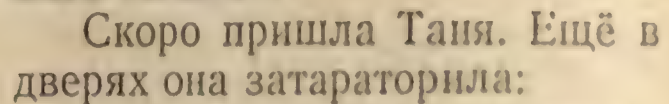
— Ну что ж, ребята,— прервала шум пионервожатая.— Если всерьёз решили, так надо и серьёзно обсудить всё.

В пионерской комнате создали штаб, и там ежедневно стал дежурить связной. ТК-3«А» — так таинственно назвали пионеры 3 класса «А» свою тимуровскую команду.

3

— Тимуровка!— расправляя звёздочку, улыбнулась Алевтина Николаевна, и сердце её наполнилось теплотой.— Хорошее дело придумали... А всё же как быть? Дом тоже забывать нельзя...

Скоро пришла Таня. Ещё в дверях она затараторила:

— Ох, мамочка, извини... Я думала, успею до тебя придти... и убрать. Ну ты не сердись... Я сейчас сделаю.

— Я уже всё сделала. Давай обедать. Всему своё время...

После обеда Таня снова первая начала разговор:

— Я в школе задержалась, мам, потому что очень-очень надо было. Только нельзя говорить. Все девочки так решили...

— Ну, раз нельзя, так нельзя... И говорить не о чём... Ты помой посуду, а у меня дело есть.

Татьяна мыла посуду. Одной это было скучно, и дело подвигалось медленно. Правда, до сна ещё оставался целый час, но мама всё ещё сидела за столом и что-то писала. Всегдашний «разговор по душам» так и не состоялся.

Утром, уже надевая пальто, Алевтина Николаевна передала дочери конверт:

— Вот возьми... тут написано кому.

Таня, машинально сунув его в карман, поцеловала маму и

проводила её до дверей. О письме она вспомнила только, когда стала переодеваться, собираясь в школу. «По дороге спущу»,— выкладывая его, чтобы не забыть, решила Таня, но тут взгляд её упал на конверт. Адрес был необычным: «Командиру тимуровской команды»,— прочла она.

По мере того, как она читала, лицо её менялось не только в выражении, но и в цвете: оно становилось всё краснее.

«...Интересное и очень полезное дело вы придумали... Моя дочь тоже находится в вашей команде. Я рада за неё... Но последнее время она совсем перестала помогать дома. Правильно ли она (да и только ли она?) делает, забывая свои обязанности?..»

Вечером, только переступив порог, Алевтина Николаевна заметила, что в квартире идеальная чистота.

— Ну, как? Передала письмо? — спросила она вышедшую из кухни Таню.

— Да.— Таня немного смутилась.— И я решила... я хочу предложить ребятам устроить сбор «Как мы помогаем родителям».

— Постой, постой. При чём тут ты? Ты читала письмо?!

— Да. Оно же ведь мне... Командир-то тимуровской команды у нас — Таня Выюхина.

СЛУЧАЙ С ВОЛОДЕЙ СМИРНОВЫМ

Николай Куштум *Рисунки В. Яковлева*

На лето к деду погостить
В село Смирнов приехал.
Здесь можно отдых провести,
Рыбачить без помехи.

Здесь в речке много окуней,
Ершей, плотвы, налимов.
Рыбачил днём и при луне
Рыбак неутомимый.

Поздоровел и загорел,
За лето рыбы Вова съел

Десяток килограммов!
И пуще глаза он берёг
Набитый рыбой пестерёк —
Сушил её для мамы.

А время быстро-быстро шло,
Вот август — на исходе,
И скоро первое число:
Домой пора Володе.

Пораньше лёг.
А утром встал,
И поспешил он на вокзал.

Езды до дома два часа,
Успеет он добраться.

Идёт вдоль озера.
Краса!
Ну, как не искупаться!

Но только Вова в воду влез,
На свете всё забыл он,
Забыл, что времени в обрез —
Купаться так любил он!

Он долго плавал и нырял,
Вдруг вспомнил:
— Мама! Опоздал!..
Бегом на станцию.
Ну, да!

Дежурный посмеялся:
— Не ждут отставших поезда.
Да как же ты остался?

А Вова лишь одно твердит:
— Я опоздаю,— говорит.—
Мне в школе завтра быть пора.
— Ах, вот как! Стало быть, с утра?
И в этом вся причина?
Ну, вот что:
Утром я сменюсь,
И, так и быть,
Не поленюсь:
Поедешь на дрезине...

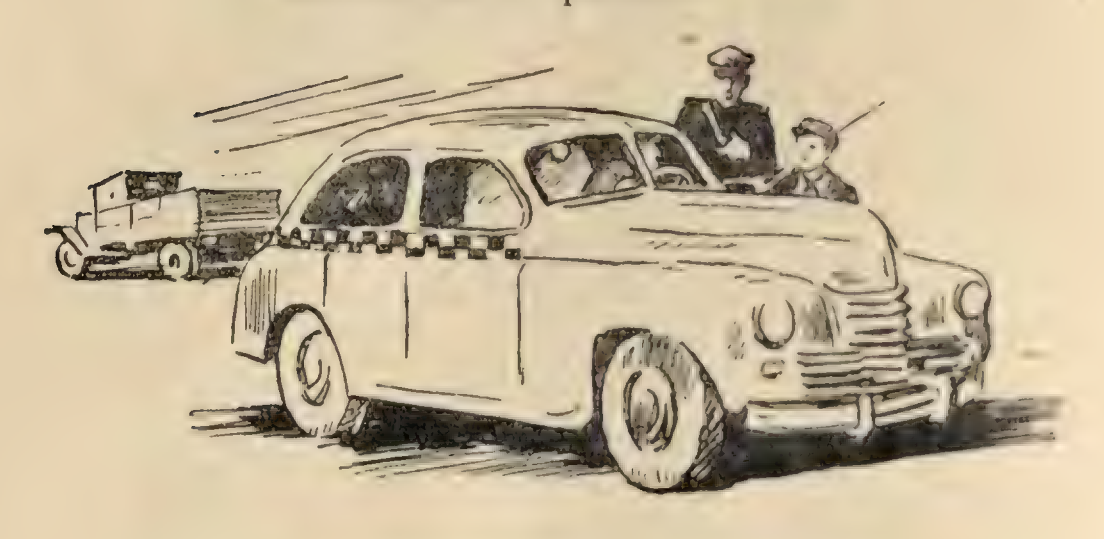
...Быстрее поезда летят,
Вдали синеют горы,
Уже лучи их золотят.
И вот он, вот он — город!

А тут трамвай как раз звенит.
Дежурному Володя
— Спасибо! — крикнул
И бежит, —
Ведь время-то уходит.

В трамвай он прыгнул на ходу,
Но тут же — просто на беду! —
Вблизи свисток раздался.

То свистнул милиционер,
И наш Володя-пионер
Как раз ему попался.
Но лишь Володя объяснил,
Куда и почему спешил,
Тот стал добрее вроде
И говорит Володе:
— Опаздывать, дружок, нельзя.

Что скажут школьные друзья?..
Твой промах я исправлю,
С машиною отправлю.

Володя дома мигом
Схватил тетради, книги.

Выходит мама.
— Что за шум?
Да это ты?
— Ой, я спешу,
Потом, потом узнаешь.

Отдал ей Вова пестерёк
И побежал, не чуя ног.
— А вдруг да опоздаю?

* * *

Одно скажу я под конец.
Успел Володя.
Молодец!
Но всё ж хвалить его нельзя.
Сказали правильно друзья:
— Пора знать пионеру:
Всё надо делать в меру!

Николай Сёмин *Рисунки Е. Гилёвой*

Наша мужская средняя школа номер пять стояла у самого берега большого городского пруда. И теперь она на том же самом месте. Только сейчас это уже не мужская, а просто средняя школа номер пять.

Я учусь в ней уже четвёртый год и всё время сижу на второй парте в среднем ряду вместе с Васей Григорьевым.

А в начале учебного года к нам пришли девочки из девятой женской школы. Вместе с ними пришла и Нина Аникина. Все девочки такие аккуратные, и у каждой в волосах бант. У одной — зелёный, у другой — синий, у третьей — красный.

— Смотри, ну как есть бабочки,— шепнул мне Вася.

Я не успел сказать ни да, ни нет, потому что Клавдия Петровна подошла ко мне и сказала:

— Коля Шмыгин, встань.

Я встал.

— Коля Шмыгин,— повторила Клавдия Петровна,— прими к себе нового товарища. Будешь сидеть с Ниной Аникиной,

а Вася Григорьев сядет на третью парту вместе с Майей Каблуковой.

— Клавдия Петровна,— сказал я,— не нужно садить меня с девчонкой. Я лучше буду сидеть один.

— Здесь нет девчонок. Это твои новые друзья,— ответила Клавдия Петровна. — Кроме того, учти,— добавила Клавдия Петровна,— что Нина Аникина отличница и может помочь тебе, ну хотя бы по арифметике. Она и на коньках хорошо бегает, тебя может научить. Ведь ты ещё плохо катаешься. Я знаю.

— Хорошо, учту,— ответил я.

А сам подумал: что мне тут учитывать? Почти по всем предметам у меня у самого тройки, есть даже одна четвёрка по русскому языку. А арифметику мы с Васей Григорьевым как-нибудь тоже одолеем. Как-никак, а ведь русский — самый важный предмет. И на коньках тоже сами научимся кататься!..

Вот и начал я «дружить» с Ниной Аникиной. Первые дни у нас вообще никаких разговоров не получалось. Она скажет что-нибудь, а я молчу. А вот если ей что-нибудь скажешь, тут уж она в долгу не останется.

Я ей как-то очень вежливо сказал:

— Дай-ка, бабочка, списать задачку по арифметике.

А она с какой-то насмешкой отвечает:

— Нет у меня, дедушка, для тебя задачи. Сам решай, дедка.

Спрашиваю её:

— Что я тебе за дедушка?

А она в ответ:

— А что я тебе за бабушка?

— Не бабушка, говорю, а бабочка. Слушать надо. Бабочка — это название такого пёстрого насекомого, которое похоже на твои бантики.

— Сам ты насекомое,— ответила Нина, надулась и совсем перестала со мной разговаривать.

— Ладно,— сказал я Васе Григорьеву.— Не хочет говорить, ну и не надо! Нужны нам твои арифметика и коньки, нюня!

Мы совсем перестали обращать на Нину внимание. Ну и она на нас почти не смотрит. Будто нет нас. Так прошло месяца два. А потом случилось вот что.

— Нина Аникина,— сказала Клавдия Петровна,— напиши на доске решение домашней задачи.

Мы знали, что Нина не может достать из своей сумки тетрадку, потому что во время перемены мы обмотали её сумку железной цепочкой, соединили концы цепочки большим висячим замком и закрыли его. Нина вышла без тетради и стала у доски.

— А где же твоя тетрадь? — спросила Клавдия Петровна.

— Я, Клавдия Петровна,— сказала Нина и вдруг очень покраснела, — не знаю, наверное, кто-нибудь взял сумку по ошибке.

— Хорошо,— сказала Клавдия Петровна,— сумка разыщется, а не можешь ли ты написать решение задачи наизусть?

— Конечно, могу,— сказала Нина и взяла в руки мелок.

Нина хорошо решила задачку на доске. Даже и я понял, как эту проклятую задачу решать, и сразу быстро списал её себе в тетрадь.

Клавдия Петровна поставила Нине пятёрку и сказала:

— Молодец, Нина Всё сделала правильно. И ход решения задачи правильный. Только вот постарайся найти свою сумку и к концу уроков покажи мне тетрадь.

— Ну, теперь в перемену будет суматоха,— шепнул мне Вася, снимая замок.

Я тоже понимал, что медлить нельзя, и быстро, без всякого шума спрятал замок и цепь.

Когда Нина вернулась на своё место, она увидела, что её сумка открыта и все тетради лежат на своём месте.

— Клавдия Петровна,— сказала Нина,— сумка нашлась. Вот моя тетрадь.

— А где же была твоя сумка? — спросила Клавдия Петровна.

— А она, наверное, тут и лежала, только около самой стенки, и я поэтому её не заметила.

В это время раздался звонок, и все пошли на перемену. После уроков я и Вася, как всегда, пошли вместе домой. Был

солнечный день. Только что выпал первый снег. Всё сияло и сверкало. Только мне было как-то невесело.

Мы подошли к кино. Смотрим на афишу. Видим, идёт «Кортик». Хорошая картина.

— Пойдём в кино,— говорит Вася,— посмотрим картину ещё раз.

— Не могу,— отвечаю я Васе.— Мне в час нужно быть дома, потому что мама уходит к двум на работу.

— Ну, ладно,— заявляет Вася.— Раз так, то я пошёл сам. Будь здоров!

Я уже хотел сказать Васе, что так хорошие друзья не делают, когда увидел Нину. Идёт и улыбается. Наверно, радуется своей пятёрке.

Тут я и говорю Васе:

— Есть чудесный план.

— У тебя всегда чудесные планы,— отвечает Вася,— а какой план?

— А вот какой: давай возьмём Нинку в плен. Пусть не будет такая гордая. А если не сдастся добровольно, закидаем её снежками.

— Взять в плен девчонку, конечно, пустяк,— отвечает Вася.— Но она сразу поднимет крик. А здесь народу много. Заступятся.

— А мы отойдём дальше на квартал,— говорю я.— Там народу мало ходит, и мы устроим засаду в переулке. Захватим врасплох.

Так мы и сделали.

Когда Нина подходила к переулку, мы выскочили ей навстречу со снежками.

— Сдавайся в плен, отличница,— крикнул я.

— Спасайся, бабочка, — поддержал меня Вася.

Мы дали первый залп в воздух. Так всегда делают и часовые, и пограничники, и милиция тоже. Первый выстрел — предупредительный, поэтому он даётся в воздух. Но Нина не сдалась. Она быстро скатала несколько снежков и стала отбивать нашу атаку.

— Русские не сдаются и не бегут, сами спасайтесь,— крикнула она.

Мы уже прицелились, чтобы дать настоящий залп, как вдруг крепкий снежок попал мне прямо в нос. Здорово больно стало. Посмотрел я на Васю и вижу, что он снег из-под воротника вытряхивает. А Нинка тут ещё, как назло, стоит, никуда не убегает, да ещё смеётся во весь голос.

Эх и разозлился же я.

— Ну, держись,— кричу Нинке.— Сейчас другое запоёшь.

Но тут, как нарочно, на улице показались восьмиклассницы из нашей школы. Пришлось нам удрать.

На следующее утро мы шли в школу как-то неохотно.

— Давай не пойдём сегодня в школу,— сказал мне Вася.— А то Нинка ведь наверняка наябедничала, и нам здорово влетит. Знаешь ведь сам, как за девчонок все заступаются.

— Нет, лучше пойти в школу,— ответил я,— а то станут допытываться, почему нас нет. Ещё хуже будет.

Мы пришли в школу и целый день ни с кем не говорили и держались ото всех в стороне. Но на нас никто не обращал внимания.

— Может, ничего и не будет,— шепнул мне Вася на большой перемене.— Может, Нинка и не наябедничала.

Так ничего не случилось ни в этот, ни на другой день. Прошло недели полторы.

В субботу Клавдия Петровна проводила классное собрание. Говорили о том, что скоро Новый год и что нужно его хорошо встретить, хорошо провести зимние каникулы. Потом говорили об отличниках.

Лучшими учениками в классе оказались Нина Аникина и Валя Ботвинкин.

Клавдия Петровна велела им принести свои фотографии для школьной Доски почёта. В самом конце собрания вдруг Нинка поднимает руку, просит слова и встаёт.

Ну, думаю, пропали. Смотрю на Васю, а он весь побледнел.

Да и, в самом деле, кому приятно оказаться в таком положении.

— Разрешите мне, Клавдия Петровна, сказать несколько слов,— просит Нина и улыбается как всегда.

— Говори, Нина,— разрешила Клавдия Петровна.

— В пятницу, 31 декабря,— начала Нина,— на катке «Стадиона пионеров и школьников» будет большой праздничный карнавал на льду, посвящённый встрече Нового года. Участники карнавала приглашают придти всех ребят и вас тоже, Клавдия Петровна.

Мы одновременно вздохнули.

В пятницу вечером все ребята нашего класса собрались на катке. Конечно, мы с Васей были самыми первыми. Немного опоздав, пришла и Клавдия Петровна. Вечер был хороший. Небо синее, звёздное. Каток сверкал огнями, играла музыка. Ребята бегали по льду, играли в пятнашки, катались парами. Потом начался парад участников праздничного карнавала. Тут были и украинцы в белых вышитых сорочках, и узбеки в разноцветных халатах и тюбетейках, и латыши в чёрных жилетах и белых чулках.

Первая пара несла большое красное полотнище, на котором ярко белели слова: «Да здравствует дружба народов СССР». На втором полотнище было написано: «С Новым, счастливым годом, ребята!».

После торжественного круга на льду выступили танцоры. Украинцы танцевали гопак, карелы — танец рыбаков, белорусы — крыжачок. Танцорам много хлопали.

Потом под звуки марша, в лучах прожектора на лёд выехал мальчик в синем костюме. Это был ведущий программу — ученик городской детской школы фигурного катания.

— Сейчас, — сказал ведущий, — посмотрите выступление чемпионов города по фигурному катанию на коньках. Выступают ученица четвёртого класса пятой школы Нина Аникина и ученик седьмого класса двенадцатой школы Серёжа Комаров.

Музыка заиграла что-то радостное и стремительное, и на лёд выехали чемпионы.

Нина была в белом шерстяном трико и короткой юбочке, отороченной мехом, на голове у неё — белая шапочка.

Нина стремительно понеслась вперёд, затем закружилась на одном месте. Серёжа не отставал от неё. Потом Нина сделала большой прыжок и покатила на одной ноге, широко расставив руки и наклонив корпус.

— Вот даёт ласточку, — шепнул мне Вася.

— Да, класс! — вздохнул я.

После показательных выступлений началось общее катание. Все ринулись на лёд. Мы с Васей тоже получили коньки. Но катались мы неважно. У меня ноги то и дело разъезжались в разные стороны, а у Васи, наоборот, коньки цеплялись один за другой.

На катке всё прибавлялось ребят. А тут ещё и Клавдия Петровна к нам подъехала на коньках. Она ведь ещё совсем молодая.

— Что же вы, ребята, не катаетесь? — спрашивает нас Клавдия Петровна.

— А мы отдыхаем,— ответил Вася и неуклюже отъехал в сторону. Я покатил за ним, стараясь держаться уверенно и красиво.

Нина стояла спиною к нам около трибуны и разговаривала с какой-то подругой.

— Нинка, — сказал я, — а ты здорово катаешься. Даже завидно.

— А ну давайте, пробежим вместе один круг, — сказала Нина.

— Нет, не буду с тобой бегать, — сказал Вася. — Охота была срамиться. Я ведь теперь знаю, что ты чемпионка.

— Ну и что ж, что чемпионка, — ответила Нина. — Чемпион — дело не вечное. Сегодня — я, завтра, может быть, — ты или Коля.

Первый круг мы прошли не в очень быстром темпе, но здорово вспотели. Я и Вася, конечно.

— Слушайте, ребята,— сказала Нина.— Туловище не должно мотаться из стороны в сторону, как у вас. А вот ноги нужно выбрасывать в стороны. Ничего, сделаем ещё круг.

С катка мы шли домой все вместе.

У нас ведь одна дорога — и в школу, и на каток. Только раньше мы почему-то ходили отдельно.

Евгений Фейерабенд *Рисунки Н. Крижановской*

Расцветает яблонька
По весне в лесу —
Любоваться некому
На её красу.

И порой весеннею
Яблоньке лесной
Стало жить невесело
Без подруг одной.

Белый цвет раскроется
Теплым майским днём. -
Ни в селе,
Ни в городе
Не споют о нём.

И сказала яблонька:
— Радости мне нет:
Попусту осыплется
Мой весенний цвет!

Но уже проведала
Старая пчела,
Что лесная яблонька
Утром расцвела.

Издали почуяла
Сладкий аромат,
Дочерей окликнула,
Созвала внучат.

И летит с гудением
Весь пчелиный рой
К яблоньке-красавице
Утренней порой.

Мчатся под берёзами
Друг за дружкой вслед.
Вот и наша яблонька!
Вот он — белый цвет!

Вьются пчёлы радостно:
Каждая возьмёт
Из цветка раскрытого
Сладкий-сладкий мёд.

Да ещё на пасеку
Для постройки сот
Воску золотистого
Пчёлка принесёт.

Подлетает к деревцу
За пчелой пчела.
Не напрасно яблонька,
Видно, расцвела!

Кривое болото

Камилла Никитенко *Рисунки Е. Гилёвой*

Толька Куприянов влетел в избу взбудораженный и прямо с порога спросил:

— Мам, ужинать скоро?

— Скоро,— откликнулась мать и, вытаскивая из печи ухват, искоса взглянула на сына.

«Что-то уж больно подозрительно блестят глаза у парнишки! Не иначе, опять придумал что-нибудь непутёвое... И в кого он такой уродился? Ведь по хозяйству всё сделает, в школе учительша ихняя, Анна Сергеевна, не нахвалится: развитой, говорит, умный, большие способности... А вот на улицу из-за него хоть не выходи: все соседки с жалобами — на озорство куда какие способности! То у Вдовиных: начнут люди спать ложиться, свет погасят, он им давай в окна фонарём сигналить; то козе чьей-нибудь в ясли поверх корму перцу насыпет, та как пойдёт чихать — весь дом всполошится! То на днях заснул на рыбалке дед Астафьев, так ему Толька на-

цепил на крючок старый ботинок. Проснулся дед, ахнул: ну, думает, сом, не иначе! Что ругани-то потом было!.. А уж девчонкам от него прямо житья нет. Чего он опять придумал?» И для проверки спросила строго:

— Ты, говорят, опять козу тётки Храмовской чернилами облить собираешься?.. Ох, смотри!..

— Что у меня всего и свету в окошке, что ихняя коза,— обиделся Толька.— Подумаешь! Купили козу, так теперь важнее этой козы ничего у людей на свете нет, что ли?.

Со двора вошёл отец, утирая лицо полотенцем. Он вернулся со смены, усталые глаза глядели усмешливо:

— Руки-то мыл, «свет в окошке»?

— А то как же? Конечно! — глазом не моргнув, соврал Толька. — Стану я с немытыми руками за стол садиться, ещё микробов нанесёшь!

Но тут он заметил краем глаза мазутную полоску на тыльной стороне ладони и, улучив минуту, шмыгнул за дверь к рукомойнику.

Если бы мать знала, какую затею они задумали, не сошло бы это ему с рук просто так... А то — коза! Подумаешь, занятие!..

В шесть часов утра, в воскресенье, к большому камню, где обычно оставлял на ночь лодку дед Булда, с разных концов Толбаги пришли три мальчика.

Длинный и очкастый Митька Стулов, лучший сельский гармонист, первым в классе прочитывавший интересные книги, которые он доставал везде, где можно достать, молча сидел на берегу. Лёшка Безруков и Славка Лазаренко бросали в воду камешки — кто дальше.

— До того берега, однако, не докинешь,— с сожалением заметил Лёшка: — широкая нынче река.

Митька согласно кивнул, обернулся в сторону Толбаги и произнёс, оживившись:

— Толька бежит!

— Здорово, ребята! — Толька бежал и потому говорил, немного запыхавшись. — А Латыш где? Не пришёл?

— Латыш с батей чуть свет на Чёрное озеро уехали рыбачить,— пояснил Лёшка,— и наш Бориска с ними увязался.

— Жалко,— высказал Толька общее мнение. Дело в том, что Витька Латынцев, или попросту Латыш, как нельзя больше подходил для задуманного предприятия — смелый, находчивый, товарищ что надо... Но всем ведь известно: отец у Латыша — кремень! Раз сказал: «Собирайся на рыбалку» — хочешь-не хочешь, а о другом думать не приходится.

— Хлеба взять не забыл?— спросил Лёшка.

Вместо ответа Толька выразительно стукнул по своим оттопыренным карманам.

— А я колбасы прихватил,— с довольным видом сообщил Митька.

— Ну, ты у нас известно дело, мамкин сынок!— усмехнулся Лёшка. А Славка, почувствавав, что сейчас и в его огород прилетит камешек (для этого было немало оснований), начал торопить ребят с отправлением:

— Ну, едем, что ли?

Лёшка снял с прикола лодку, выпрошенную вчера для этой цели у деда Булды, и ребята забрались в неё один за другим. Митька взял в руки шест и, упираясь им в дно Индяжинки, сильными толчками погнал лодку на другой берег.

Толька сманил ребят на старые шахты. Обычной дорогой, в обход Кривого болота, до шахт считали пять километров, но если перевалить Багуловую сопку и пройти через болото, то путь сократится вдвое. Когда-то в шахтах добывали слюду, но потом запасы её иссякли, и вот уже лет пятнадцать там никто не работал.

Толбагинская бабка Вдовиха доверительно говорила надёжным людям, что в старых шахтах живёт девица-Слюдяница, она-де и жилу слюдяную в сопки увела, и нет теперь к ним подходу ни злому человеку, ни доброму. Верили бабке или нет,— трудно сказать, но Кривое болото пользовалось на станции дурной славой. При нужде его обходили стороной, а отпуская ребят за речку, строго наказывали не ходить к нему близко.

Редко кто решался переходить болото: далеко отстояли в нём кочки одна от другой. Стоило оступиться, без посторонней помощи из трясины и думать было нечего выбраться... Прошлой осенью, пробираясь на дальний участок, чуть не погиб там работник лесхоза. Он уже провалился по грудь, и тут его слабый крик услыхал Илья Павлович Латынцев, который вместе с дедом Булдой возвращался с охоты обходной тропой. Человека спасли, но он оказался не жилец на свете: схватив горячку, так и умер, не приходя в сознание. Бабка Вдовиха лечила его и стала сваливать всё на то, что за безбожие девица-Слюдяница завлекает людей в трясину, а покойник-то безбожник был — разве такому святая молитва поможет? Дед Булда чертыхался и отплёвывался, слушая эти речи. Члены местного партбюро ходили по домам с беседами, но некоторые, отмалчиваясь, обходили бабку стороной — дело тёмное, может, она и колдунья — кто знает?..

Толька давно уже точил зубы на бабку Вдовиху и девицу-Слюдяницу, и поход этот задумал для их посрамления. Бабку Вдовиху с её бегающим мышиным взглядом и двумя жёлтыми обломанными клыками в тёмном провале рта Толька не взлюбил ещё с давних пор...

Было ему пять лет, когда он впервые познал людскую несправедливотсь и вплотную столкнулся с бабкой Вдовихой. Случилось это так. В летний солнечный день, стянув со стола ломоть хлеба, Толька появился на улице, и дойдя до избы Вдовиных, увидел кур и остановился. Ему пришло на ум сделать доброе дело — накормить кур. Мальчик направился к завалинке, покрошил хлеб. Сбежавшиеся на Толькин зов птицы торопливо уничтожили крошки. Тольке это пришлось по душе, и он раскрошил весь кусок, но на этот раз насыпал крошки на завалинку. Что тут поднялось!.. Куры вскакивали на завалинку, толкали друг друга, кудахтали... Прибежал на шум даже петух Свириных, прозванный Танком за драчливый и злобный нрав. Его боялись все маленькие ребятишки; не удивительно, что Толька присмирел, увидев петуха, и перестал смеяться. Но петух не обратил на него внимания и вскочил на завалинку. Он разобрался, из-за чего шум, отправился было восвояси, поднял голову и увидел своё отражение в стеколке окна. Может

быть, он не узнал себя и решил, что какой-то неведомый дотоле соперник вторгся в его законные владения, или, может быть, что-то в собственной своей физиономии ему не понравилось, но он размахнулся и изо всей силы долбанул своим крепким клювом в стеколко. Стеколко было старое, дышало на ладан, и от такого удара разлетелось на куски. Разъярённая бабка выскочила из избы, схватила Тольку в охапку и пребольно оттаскала его за волосы. Толька ревел не так от боли, как от обиды, и укусил бабкину руку. За это ему влетело ещё и от матери...

Когда Толька подрос, он услыхал однажды, как бабка, идя домой, бормотала анафему сельским комсомольцам, и, узнав, что Райке Родионовой родная тётка запретила вступать в комсомол, Толька понял, чьи наговоры тут возымели действие. Райка, конечно, в комсомол вступила, но трёпку от тётки за это выдержала страшную...

Толька мстил бабке как мог: светил по ночам в окно недавно купленным фонарём, вмазывал бутылочные горлышки в слуховое оконце, заставлял чихать козу, но всё это было похоже на простое озорство и не удовлетворяло Тольку. И вот однажды, пробравшись в десять часов вечера в клуб, где учитель географии Сергей Николаевич читал лекцию о борьбе с суевериями, он, наконец, понял, чем можно по-настоящему посрамить проклятую бабку. Надо подговорить ребят пойти на старые шахты через болото и всем доказать, что ничего такого в этих шахтах и в болоте нет и не было сроду...

Митька Стулов и Латыш горячо его поддержали. Лёшка Безруков, верный ученик деда Булды, усмотрел в этом предприятии интересную и не лишенную опасности прогулку и согласился принять в ней участие. Что же до Славки Лазаренко, то Славка был немного трусоват, но любил приключения и сразу заявил, что сам Майн-Рид не отказался бы от такого похода.

Багуловую сопку можно было и обогнуть, чтобы не карабкаться по кручам, но раз решили идти прямо, значит, — прямо. Приходилось цепляться за кусты, камни и небольшие выступы... Наконец, Славка, шедший последним, тоже взобрался на вершину и возбуждённо заговорил:

— Ветка как затрещит!.. Ну, думаю, всё — сорвался... А тут сбоку Митька руку тянет,— держись, говорит...

Славке страшно, руки у него дрожат, губы непослушно кривятся, когда он хочет снисходительно улыбнуться, но он горд и счастлив: ещё бы! Настоящее приключение! То-то ахнет испуганная мама, когда он со спокойным и невозмутимым видом бывалого человека, путешественника, закалённого в лишениях и опасностях, будет рассказывать ей об этом!

Спустившись с другой стороны сопки, ребята вскоре вышли на сырой луг. По дороге попалась малозаметная тропка в обход болота, но мальчики пересекли её и двинулись напрямик. С каждым шагом почва под ногами становилась сырее, зачавкала грязь... Пришли.

Славка посмотрел вперёд. Далёкой и неприступной показалась ему сопка со слюдяными шахтами на другом краю болота... Скорей бы уж начинать переход!

— Пошли, ребята, чего стоять?..

— Погоди, — остановил его Толька, — вперёд пойдёт Митька, у него ноги длинные,— при этих словах Толька, бывший меньше всех ростом, с завистью покосился на Митькины ноги,— да и видит он в очках неплохо. Потом пойду я. Потом...

— Потом я,— спокойно отрезал Лёшка,— понял? У меня с собой и верёвка припасена. На всякий случай,— и он показал ребятам верёвку, обмотанную вокруг пояса.

Толька кивнул:

— Ладно. Значит, Славка последний. Смотри, вставай на те кочки, на которые Лёшка встанет, а на другие не вставай...

— Коли сорвёшься, сразу давай голос,— прибавил Лёшка.

— Ага, и руки вот так раскинь,— и Митька взмахнул широко своими длинными руками.

— Стулова, однако, с такими руками никакая трясина не возьмёт,— усмехнулся Лёшка.— Ну, ладно, пошли.

Ребята двинулись цепочкой, удаляясь от края болота. Чем дальше, тем реже и неустойчивее становились кочки. Они то подозрительно опускались вниз, то качались из стороны в сторону, как пьяные, и норовили выскользнуть из-под ног.

Митька шёл первым. Сначала он то и дело наклонял голову набок, как аист, и подолгу стоял на одной ноге, раздумы-

вая, куда поставить вторую. Но, когда прошли больше полпути, Митьке надоела осторожность, и он решил прыгать через кочку, чтобы двигаться в два раза быстрее.

Славка уже не раз пожалел, что ввязался в эту экспедицию. Попробуй, удержись на горбах таких кособоких уродов! А под ними не что-нибудь — трясина, немеренная глубина... Но назад возвращаться было и стыдно, и боязно — вперёд шли все, а назад пришлось бы идти одному, и он не отставал от Лёшки.

Лёшка ступал по кочкам уверенно, а Толька представлял себе, как они, вернувшись домой, будут смеяться над бабкой Вдовихой и её таинственной девицей-Слюдяницей... Но эти утешительные мысли вовсе не мешали ему зорко всматриваться в кочки и следить за Митькиными движениями. Вдруг Митька перешёл на широкие прыжки.

— Эй, эй, ты чего задумал? — крикнул Толька.

Митька остановился и оглянулся назад:

— А я через кочку прыгаю! Помнишь, по физике: проигрыш в силе — выигрыш в расстоянии. Смотри! — и Митька шагнул своими длинными ножищами, как бы подпрыгивая, и ещё дальше оторвался от Тольки.

«Хорошо тебе, чёрту длинному,— сердито подумал Толька,— ты со своими ногами за два дня до Москвы доскачешь...»

Самолюбие Тольки было сильно задето. Он никак не мог примириться со своим маленьким ростом, а сейчас ему было особенно обидно. Он попробовал прочность кочки, на которой стоял, примерился, чуть согнул ноги в коленях и, сильно оттолкнувшись, перемахнул через кочку. Ага, есть! Значит, и он может не хуже Митьки!.. Снова примерился, такой же сильный бросок — р-раз!.. Но то ли он не рассчитал как следует расстояние, то ли отцовские сапоги были тяжелы для такой гимнастики, но кочка подвернулась. Толька не удержался, взмахнул руками, и обе ноги его очутились в трясине. Всё произошло так быстро, что он не успел крикнуть... Жидкий холод наполнил сапоги и медленно полз дальше...

— Толька, держись! — где-то близко крикнул Лёшка. — Митька, Митька! Вертайся назад, слепой...

Митька оглянулся на крик и стремительно заскакал назад.

Толька успел ухватиться за кочку и держался за неё обеими руками. Лёшка, стоя неподалеку, разматывал верёвку дрожащими руками.

— Брось, чудак, верёвку! — кричал Митька. — Руку, руку ему дай...

Лёшка перестал разматывать верёвку и протянул Тольке руку. Но он стоял далеко и не мог дотянуться до той кочки, за которую держался Толька. Славка же не мог сдвинуться с места. Его сковал ужас, ему казалось, что, если он сделает хоть шаг вперед — он тоже провалится. Славка видел, как Митька зашёл с другой стороны, нагнулся и протянул свою длинную руку:

— Давай держись, Толька...

Толька ухватился за Митькину руку, а Славкины пальцы непроизвольно сжались, словно это его вытаскивал Митька.

— Лёшка,— голос Митьки от натуги звучал хрипловато,— заходи отсюда, помогай...

Теперь у Тольки было две точки опоры, он тянулся изо всех сил, и эти двое тоже тянули. Холод медленно отступал... ещё... ещё немного.

— Ну-ну-ну-ну, давай ещё маленько,— приговаривал Лёшка. Одна нога Тольки медленно освобождается из трясины, теперь её надо поставить на кочку... Вот так... Теперь вторую вытащить уже легче... И лишь тогда, когда Толька освободил обе ноги, Славка смог двинуться с места. Он сделал несколько нерешительных скачков и остановился...

— Айда домой,— безапелляционно решил Лёшка. Даже сквозь брызги грязи было заметно, как осунулось и побледнело за эти минуты Толькино лицо. Он сделал усилие и разлепил запекшиеся губы:

— Не пойдём, значит, на шахты?..

— Вот чудак-человек!— неуклюже взмахнул длинными руками Митька. — Куда же ты в таком виде пойдёшь?

— Ну, не сегодня,— Толька упрямо мотнул головой,— в то воскресенье...

— В то воскресенье обязательно пойдём!—заверил Лёшка.

— Обязательно!— подхватил Славка, обрадовавшись, что и он, наконец, может принять участие в общем разговоре.

Но все посмотрели на него с удивлением, словно не понимая, зачем он здесь, и никто не отозвался на его горячий возглас.

* * *

Несмотря на то, что мальчики дали друг другу слово молчать о неудачном переходе через Кривое болото, вся Толбага говорила о нём уже на другой день. Брат Митьки Стулова, Сашка, знал обо всём и от обиды, что его не взяли с собой в тот раз и что это не он проявил отвагу и ловкость, спасая Тольку Куприянова, рассказал матери всю историю.

Анна Андреевна была женщиной решительной. Для неё вопрос жизни ребят был куда важнее посрамления бабки Вдовихи, и она не стала заботиться о сохранении тайны. Всем участникам похода влетело. Не полагаясь на внушения, Анна

Андреевна решила в следующее воскресенье отправить обоих сыновей к тёте в Новопавловку — от греха подальше...

Илья Павлович Латынцев воротился из кузни домой обеспокоенный: подумать только! Не захвати он с собой Витьку на рыбалку, был бы и его сорванец в этой компании... Хорошо ещё, что так обошлось, мог ведь и утонуть парнишка Куприяновых. За обедом Илья Павлович рассказал обо всём жене. Витька в горнице учил уроки. Каждое слово отца ледяным комочком падало Витьке прямо в душу. Значит, все уже знают об этом... Значит, Тольку отец посулился запереть в чулан на воскресенье, и всех других ребят ждёт наказание... И ведь ничего бы этого не было, если бы он, Витька, пошёл тогда с ними — он же знает настоящий ход через болото, два раза он с отцом и дедом Булдой шёл той дорогой с ружьём за плечами. Ребята, конечно, пойдут опять, он должен идти с ними!..

— Виктор! — окликнул из кухни отец.

Витька отодвинул табуретку и остановился в дверях.

— Виктор, ты вот что запомни... Соберутся мальчишки идти опять на Кривое, ты не смей...

Витька удивлённо вскинул глаза:

— Да ведь я, батя, дорогу знаю!

Отец нахмурился:

— Знаешь или нет — тебя никто не спросил. Слышал, что отец говорит — и думать не смей идти на Кривое со всеми... Понял?

Всем своим беспокойным и нежно-суровым отцовским сердцем любил кузнец старшего сына, втайне даже гордясь его мальчишеской лихостью, стремлением к справедливости. Но, чем больше любил, тем сильнее тревожился: может пропасть малец ни за что!..

Витькины щёки слегка побледнели. Он поднял опустившиеся было тяжёлые ресницы и коротко выдохнул:

— Пойду.

Витька понимал, что отец любит его и беспокоится о нём, потому и запрещает идти, но, кроме этой взрослой правды — правды отца, была ещё другая, Витькина, правда, и вот её-то, эту правду, и хотел объяснить отцу Витька. Но разве

отец захочет понять, что он считает себя виноватым в неудаче похода ребят? Он и слушать не будет! Вот уже начинается...

— Ты как сказал? — грозно спросил отец.

— Сказал, пойду...

— Ах ты щенок...

Илья Павлович в гневе не знал удержу. Он опомнился только тогда, когда почувствовал, что жена держит его за руки и что-то торопливо говорит ему, и понял, что ударил сына. Но Витька не плакал. Лишь побелевшие губы вздрагивали чуть заметно. Молча подошёл он к вешалке, снял картуз и, задержавшись на пороге, бросил отцу:

— Коли добром бы сказал, может, и не пошёл бы... А теперь, так и знайте, хоть убейте, хоть запирайте,— всё равно уйду, — и вышел.

— Ну, что ты скажешь,— растерянно опустился на лавку Илья Павлович,— гармонь ему купить, что ли?.. А то ведь и впрямь уйдёт! Упрям идол, весь в отца!

На все последующие осторожные вопросы Ильи Павловича Витька упрямо отмалчивался. Тот чуял, что дело неладно, но подступить к сыну вплотную уже не решался. Увидав както на улице старшего Безрукова, он подозвал его к себе и спросил напрямик:

— Лёшка! Скажи по правде, собираетесь с Витькой моим на Кривое? — Лёшка глянул на кузнеца исподлобья и усмехнулся уголком рта:

— Нет, дядя Илья, мы решили это дело оставить. Кому охота в болоте тонуть! Вот на рыбалку в субботу с ночёвкой хотели испробовать. Пустите Витьку с нами?

— А много вас?

— Да с Виктором, коли пустите, трое, а может, ещё народ наберётся,— осторожно ответил Лёшка. Илья Павлович ему не очень поверил, но на душе стало всё-таки спокойнее: Витька — страстный любитель ночной ловли с острогой. Вряд ли он пропустит случай порыбачить и пока бросит, верно, думки о Кривом болоте.

А Лёшка в школе передал Витьке весь разговор и прибавил значительно:

— В субботу идём на ночную рыбалку, поимей в виду...

Над Толькой Куприяновым все смеялись. Он ходил хмурый и даже перестал задирать девчонок к великому неудовольствию Вальки Кучумовой, которой теперь и поспорить-то было не с кем... Как-то его вызвал Сергей Николаевич. О чём они говорили, Толька никому не сказал, но после этого воспрянул духом и сразу же щёлкнул по затылку Надю Плесовских и, получив увесистую «сдачу», ничуть не обиделся и бодро заорал, шагая по коридору:

— Вихри враждебные веют над нами!..

В конце большой перемены, в субботу, посовещавшись с Безруковым, Латынцев отозвал в сторону Тольку:

— Куприянов! Иди-ка, дело есть...

Толька подошёл:

— Ну?

— Пойдёшь с нами завтра на Кривое?

Толькины глаза вспыхнули. Не такой Латыш человек, чтобы зря болтать!

— Кто идёт? — спросил.

— Я, Лёшка и Борька Безруковы. Что бы ты про нас ни услыхал, молчи,— предупредил Витька.

— А где встретимся?

На этот вопрос Латыш ответить на успел: раздался звонок. Откладывать дело до другой перемены не хотелось, и Витька пообещал:

— Сейчас я тебе на географии записку напишу!

Написать записку на уроке Сегрея Николаевича и благополучно переправить её по назначению было делом нелёгким. Один Юрка Федаев да ещё Латыш пускались иногда в это рискованное предприятие. Витька сидел на первой парте, и поэтому действовать надо было особенно осторожно. Пока Сергей Николаевич отмечал в журнале отсутствующих и называл тему урока, Латыш, не вынимая из-под парты рук, достал из портфеля тетрадку, осторожно оторвал краешек последнего листка... Тут пришлось остановиться — Сергей Николаевич задал первый вопрос (вдруг спросит?). Но к доске был вызван Митька Стулов, и Латыш всё так же, не вынимая из-под парты рук, начал писать карандашом:

— В 6 утра... На Багуловой... у трёх сваленных сосен...—

писал Витька медленно, всё время напряжённо следя за фигурой учителя. С таким же тревожным вниманием глядел на Сергея Николаевича и Толька Куприянов. Но тот ничего не замечал, подбадривал запинающегося Митьку, записывал что-то в журнал... Витька Латыш поднял руку, полуобернувшись в сторону Куприянова. Мальчики обменялись быстрым взглядом, и в это же время другая рука Латынцева из-за спины положила на парту Вовке Бухтину белый квадратик записки. Тут Сергей Николаевич вызвал Латынцева, и, пока тот отвечал, покрасневший от волнения Вовка передал записку Гале Горбоносовой. Теперь остался последний этап. Галя должна передать записку Тольке с первого ряда на второй. Записка у неё в руках... минута и...

— Горбоносова!

Галя поднимается и смотрит на учителя, щёки её начинают медленно розоветь, а пальцы, сжимающие записку, вздрагивают. А Сергей Николаевич смотрит в журнал и говорит, как ни в чем не бывало:

— Передай мне, пожалуйста, ту бумажку, которая у тебя.

Толька видит, как мучительно колеблется Галя. Она ни за что не будет лгать! Если бы это была не Галя... Ещё вчера он читал, как один мальчик съел бумажку с приказом командира, когда его окружили враги... От Вовки Бухтина этого можно было бы потребовать, но от Гали... Что делать?.. Всё это промелькнуло у Тольки в голове в какую-то долю секунды. Галя сделала шаг из-за парты, пальцы её вздрогнули сильнее, и записка упала на пол. Это вышло нечаянно, но размышлять было некогда. Коршуном кинулся Толька на упавшую записку на глазах всего класса, сунул её в рот и начал торопливо жевать. Сергей Николаевич снял очки, вытер их носовым платком и сказал вежливо:

— Приятного аппетита, Куприянов.

От неожиданности Толька поперхнулся и закашлялся.

— Поди выпей воды, и тогда вернёшься, — посоветовал учитель, и Толька под дружный хохот класса выскочил за дверь.

Когда он вернулся, урок шёл своим чередом. Перед самым

звонком Сергей Николаевич, задавая повторять Полесье, спросил:

— Кто из вас помнит, ребята, основную особенность Полесья? Володя Бухтин? Ну, что ж, пожалуйста!

— В Полесье много болот,— быстро ответил Бухтин и, словно испугавшись, что в такую короткую фразу уместились все его познания, повторил уже менее уверенным тоном: — Полесье богато болотами...

Сергей Николаевич кивнул:

— Совершенно правильно, Бухтин, садись. Ну, а теперь... Латынцев... Допустим, Латынцев, ты живёшь в Полесье, и тебе надо пройти через болото по незнакомой местности. Какие вещи ты возьмёшь в поход?

Витька перечислял: верёвку, спички, топор, компас... Учитель снова кивнул и предложил классу найти Полесье в учебниках. Проходя по рядам, он наклонился вдруг к Латышу и что-то сказал ему на ухо. Тот оторопел от неожиданности и взглянул с испугом. Но Сергей Николаевич не обратил на это внимания и вёл себя так, словно ничего не произошло.

Вечером Витька и Лёшка выехали на лодке, где лежали рыболовные снасти. Но едва последние толбагинские домики скрылись за поворотом, осторожно подвели лодку к берегу, вытащили на траву и спрятали в кустах. Дождавшись полной темноты, мальчики вернулись в деревню. Лёшка толкнул дворовую калитку и тихонько окликнул собаку. Друзья пробрались на сеновал, там и заночевали.

Ещё до света Лёшка разбудил приятеля. В доме все спали. Тузик тоже спал под крыльцом. Он приоткрыл один глаз, лениво шевельнул кончиком хвоста и тут же снова спрятал нос в густую шерсть — холодно вставать да и спать хочется. Всё равно свои!

Добравшись до лодки, мальчики спустили её на воду и дождались Борьку. Он прибежал, запыхавшись, и во время переправы говорил:

— Я мамке сказал: пойду Витю с Лёшей встречать, а сам в карман хлеба! Она ничего — пустила... А как выхожу во двор, тётя Дуся Лазаренкова Славку дома запирает. Они с Николаем Фёдорычем в Петровский тридцать седьмым

едут, так она и ставни позапирала. Славка кричит: не запирай, мол, мамка, я и так никуда не сбегу. А она ему: посиди, под замочком, а то придёт твой Латынцев, живо за ним поскачешь! А Стуловы обои с товарным к тётке едут. Я бегу, а Митька с подножки кричит: «Борька! Я, говорит, за сахаром еду. И Сашка тоже. Девице-Слюдянице там кланяйтесь!»

— Всё это из-за Сашки,— буркнул Алексей,— кабы он не разболтал, никто бы и не знал про Кривое...

Перебравшись на тот берег, долго прятали лодку в кустах. Место заприметили и, перевалив Багуловую сопку, остановились на лужайке у трёх сваленных сосен. Чтобы не замёрзнуть, наладили костёр и стали поджидать Тольку. Утро было удивительно хорошее. Небо чистое, лишь одно неосторожное облачко зацепилось краем за макушку сосны, да так и осталось над сопкой. Вряд ли каждый из троих, сидевших у костра, сумел бы рассказать, что было у него на душе. Это чистое утро, далёкие синие сопки, костёр в лесу — вся эта сторона с её небом, цветами и родниковой свежестью воздуха была их родной матерью, а они—её детьми. Они выросли здесь, знали каждый куст и каждую тропочку, здесь учились читать не только учебники, но и огромную книгу леса, здесь вместе с материнским молоком впитали в себя неуловимую прелесть этого края, впитали так крепко, что вне этих мест жизнь казалась бы им не такой прекрасной и полной. Они сидели притихшие и слушали звонкую утреннюю тишину, откликаясь на неё каждой клеточкой своего тела.

Вдруг в этой чуткой тишине хрустнула попавшая под ногу ветка. Ребята вздрогнули и обернулись. Прямо из кустов на них смотрела широкая и лукавая физиономия Стёпки Свирина. Он был старше их, хотя и учился с ними в одном классе, слыл человеком спокойным и рассудительным и ни в каком озорном деле участия не принимал.

— Вот они где, голубчики! — добродушно ухмыльнулся он. — А я чуть было мимо не прошёл! — и, подойдя к костру, добавил без обиняков: — вот что, ребята, возьмёте меня с собой?

К Стёпке все в классе относились с уважением, и, несмотря на то, что решение его показалось друзьям удивительным,

возражений оно не вызвало.

— Фонарь есть?— спросил Лёшка.

— Есть.

— А дома не хватятся? — полюбопытствовал Борька.

— А пу-усть хватятся,— добродушно протянул Стёпка,— обойдётся!

— Да лодку-то ты где взял?— не унимался Лёшка.

— А зачем мне лодка? Я и на пароме приехать могу. Сегодня в совхоз машина с лесом пришла, так я на пароме с ней и переехал...

Неторопливая Стёпкина речь была прервана каким-то не то шумом, не то треском, и на полянку из зарослей не вышел, даже не выбежал, а прямо скатился по отлогому склону Толька Куприянов.

Узнав после уроков, что содержала злополучная записка, Толька решил во что бы то ни стало удрать из дому. В субботу он пораньше управился с уроками, сделав вид, что не

замечает внимательных взглядов отца, и отправился спать. Проснулся задолго до шести, осторожно выскользнул из кровати, оделся и двинулся к дверям. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как сильная отцовская рука схватила его и над самым ухом раздался зловещий шёпот:

— Ты куда, шельмец?..

Толька обомлел. Попался! Кончено... Но какое-то непонятное упорство овладело им, он начал вырываться и сердито зашипел:

— Пусти... пусти меня...

— Э, нет, не пущу,— заявил отец.— Чуяло мое сердце... Мало было тебе один раз девицу-Слюдяницу испытывать!..

— Это никакая не Слюдяница,— попробовал заспорить Толька, но отец оборвал дискуссию:

— Помолчи-ка да иди за мной...

Пришлось повиноваться. В кухне отец включил свет и внимательно оглядел Тольку, одетого с головы до ног:

— Так...

По другую сторону сеней находился старый чулан... Толька слышал, как лязгнул за его спиной железный засов, и сердце его тоскливо сжалось. В шесть утра у трёх сосен его будут ждать ребята. Подождут до полседьмого и уйдут. Скажут, Куприянова мать не пустила! Вот стыд, так уж стыд... Перейдут без него Кривое болото, а на него все будут показывать пальцами: девица-Слюдяница, мол, утопила, а Слюдяницы-то и нет никакой! Толька заметался по чулану. В наружной стене светлело окошечко. Соблюдая осторожность, мальчик подтащил к нему пустую бочку... вынул стекло, разулся, выкинул в отверстие сапоги один за другим и вылез сам.

Чтобы не бежать мимо водокачки и не попасться на глаза какой-нибудь заботливой хозяйке из числа тех, что ходят по воду спозаранку и любят расспрашивать встречных, Толька побежал в сторону, обогнул домик Федаевых и носом к носу столкнулся с Валькой Кучумовой, которая гнала корову не в стадо, а сама по себе, очевидно, в Култук.

— Толька? Куда это ты? — удивилась она.

— Много будешь знать, Валечка, скоро состаришься,— не удержался от ехидства Толька, пробегая мимо.

Но лодки на берегу не оказалось... «Отец!» — решил Толька. Конечно, отец! Он и лодку угнал куда-то заранее, он и встал раньше, чем Толька... Шагах в трёхстах левее от берега отвалил паром с грузовиком леса. Кабы не отец, ехал бы он сейчас с плашкоутом!.. Толька кинулся в противоположном направлении — Култукской роще. Там километра за полтора или два должен быть брод, который они открыли с Юркой Федаевым в позапрошлое лето. Придётся дать крюку без малого в пять километров, да что делать! Завернув за береговой выступ, Толька увидел неподалеку лодку, в ней лежали удочки, а около суетился незнакомый Тольке человек.

— Дяденька!! — благим матом заорал Толька и припустил что было сил.— Дяденька!! Постойте, дяденька!..

Человек обернулся, посмотрел на него с удивлением. Мальчик с разгону влетел в воду, подняв тучи брызг:

— Дяденька, ох... дяденька, перевезите меня на ту сторону... — Дяденька недружелюбно покосился на маленькую фигурку и хмыкнул:

— А кто ты таков, чтобы я тебя перевозил? И зачем тебе на ту сторону занадобилось?

— Корова там... Вчера ещё потерялась... Мамка мне не знай чего сделает, ежели что,— выпалил он первое, что пришло ему в голову.

— Корова! — с неудовольствием проговорил дяденька. Видно было, что он вовсе не так уж рад непрошенному пассажиру.— Ишь ты, корова... Вот взгреет тебя мать по первое число! Садись уж, что ли...

Само собой разумеется, Толька не заставил себя долго просить. В лодке он обулся и, когда причалили, с криком «спасибо, дяденька!» выскочил на берег и бросился по тропе к Багуловой сопке. Хозяин лодки посмотрел ему вслед, с сомнением покрутил головой и недоверчиво пробормотал:

— Корова!..

Рассказ выслушали молча. Потом Степан сказал раздумчиво:

— Валька Кучумова могла кому-нибудь сказать... Не то

чтобы она вредная была или что, а любит новости рассказывать... Ну, и...

— Пошли! — решительно поднялся Латыш.

Торопливо засыпали костёр. Витька обернулся к Тольке:

— Слушай, а про чего ты с Сергеем Николаевичем говорил, тогда ещё, помнишь... давно...

— Да так,— неохотно отозвался Толька,— просто я ему говорил, что там Вдовиха про болото и шахты болтает...

— Ну, а он?

— А он говорит, не надо было тебе за Митькой длинноногим гоняться, а то испортил хорошее дело, говорит. Надо было бабку разоблачить... А ты почему спрашиваешь?

— А я думал,— отозвался Витька,— что он знает про нас, про сегодняшнее.

— А что? — всполошились все.

— Да вот вчера он меня про болото спросил, помните?

— Ну?!

— Ну, я там топор говорю, компас брать с собой... А он подошёл и тихонько так, чтобы никто не слышал, говорит, и рыболовную снасть, говорит, тоже... Я смотрю на него — неужели знает? А он будто ничего и не сказал такого.

— Может, это тебе показалось,— нерешительно предположил Лёшка,— а он ничего вовсе и не говорил? — но всем ясно было, что он говорит это так, для успокоения, и даже сам не очень верит сказанному.

Латыш привёл ребят не в то место, откуда они начинали переход в прошлый раз, но взял правее, дошёл до малой берёзки с двумя застарелыми зарубками внизу ствола и надломанной верхушкой и остановился:

— Здесь.

На этот раз шли по болоту осторожно, каждую кочку прощупывали палками, проверяли устойчивость. Витька шёл впереди. Он основательно проверял кочки, боясь ошибиться. Время от времени оглядывался — не отстал ли кто. Видно было, что он знает настоящую дорогу: кочки были не те кособокие шаткие уродцы, как в прошлый раз, а куда надёжнее и расположены более часто.

Когда вышли на сухое место, Латыш посмотрел на новую

пологую сопку, где находились шахты. Собственно, это были уже не шахты, а очень глубокие ямы с высокими грудами камней и щебня по краям. Ему показалось, что на краю одной из этих ям шевелится какая-то странная серая фигура. Шевельнулась — и исчезла, будто и не было её тут. Мальчик вздрогнул. Невольно пришли на память слова бабки Вдовихи. умеет девица-Слюдяница для отвода глаз человеческих обернуться зверем или же птицей какой-нибудь...

Взошло солнце. Лёшка забрался наверх первым и победоносно подбоченился:

— Вот вам и шахты!

Раньше здесь, на утоптанной площадке, был установлен ворот, его вращали лошади, и с ворота по тросу вниз спускались рабочие, а наверх поднимали слюду. Для спуска и подъёма служили специальные бадьи. Но всё это давным-давно куда-то девалось: не то на другие шахты вывезли, не то просто на дрова растащили, и ребятам нужно было спускаться в шахту самим. Стены шахт шли книзу воронками, и лишь на глубине нескольких метров находилась небольшая площадка, а от неё немного вбок уходил чёрный узкий ход — в землю.

— В которую полезем? — спросил Борька.

Латыш судорожно глотнул воздух, облизнул сухие губы и показал на ту, где исчезла фигура. Он присел на корточки, оттолкнулся и заскользил по мягкой земле в воронку. Через площадку он проскочил, не задерживаясь, и скрылся в проходе. Следом за ним полетели сразу Толька Куприянов и Борис. Борьку перед самой площадкой подбросило на маленьком выступе. Он зацепился за землю неуклюжим ботинком и упал головой и руками в темноту прохода. Под руку попалась мягкая коряга, Борька ухватился за неё, намереваясь подтянуться, но коряга дёрнулась и сказала голосом Тольки Куприянова:

— Борька, отдай мою ногу. Тебе что, своих двух мало?

Борька немного оправился после падения и даже попытался сострить:

— А я хотел в запас третью подобрать, вижу, лежит какая-то.

Но тут ему пришлось спешно ретироваться — сверху, вместе с лавиной земли и мелких камешков рушился плотный и крепкий Свирин. Следом катился Лёшка. На площадке они столкнулись, застряли и стукнулись головами.

— Ой-ой-ой,— потирал затылок Лёшка, забираясь в тёмный коридор. — Мне, однако, и без всяких фонарей светло стало! Как по голове р-раз! Целый костёр из глаз высыпался...

В темноте замигали фонариками. Стены земляного коридора были низкие, тесные, серые. Пол покатый, видно, коридор ещё глубже уходил в землю. Голоса звучали приглушённо, не так, как наверху.

— Первым пойду я,— заявил Латыш,— последним — Стёпа. Я к поясу конец верёвки привязал, а другой конец на, Стёпа: ты привяжешь... Кто упадёт, тянуть всем. Кто идёт посередине, правой рукой за верёвку держитесь, а левой — фонарём светите. Да под ноги глядите...

Ребята двинулись в путь. Время от времени сверху с тихим шорохом срывались комочки земли и скатывались на спину или за шиворот идущим. Переговаривались лишь изредка и вполголоса. Пол постепенно выравнивался и скоро стал совсем горизонтальным. Местами в стенах коридора стали попадаться вкраплинки слюды. Они поблескивали в свете фонариков. Засмотревшись на одну из них, Борька шагнул вперёд, не обращая внимания на то, что в этом месте была глубокая трещина, и провалился в неё одной ногой. Латыша так и дёрнуло назад верёвкой. Он покачнулся, упёрся в пол обеими ногами, схватился за верёвку вместе с подоспевшим Толькой. Лёшка сразу кинул верёвку и побежал вперёд, схватил брата за куртку:

— Стой, куда ты один, без меня,— пыхтел он, помогая ему выбраться. Когда все миновали трещину, Латыш обернулся к другу:

— Испугался, Бориска?

— Малость было,— виновато усмехнулся тот.

— Ну и что! — вызывающе ощетинился Толька.— Я тоже испугался, хоть это и не я провалился.

— Конечно! — горячо поддержал Витька.— Меня тоже верёвка как дёрнет! Аж сердце в пятки!..

— А фонарь не бросил,— лукаво прогудел Стёпка.

— Фонарь, однако, дорогой,— возразил Борька,— второго не купят. Как тут бросишь...

И снова мальчики двинулись по коридору.

— Поворот! — предупредил Латыш.

Сразу же за поворотом открылся небольшой забой, что-то вроде маленькой подземной комнатки. Там и стены, и потолок, и пол — всё было слюдяное. В свете фонариков слюда искрилась и блестела, переливаясь всеми цветами радуги. Словно это была парадная горенка самой девицы-Слюдяницы...

— Вот это да! — сказал Борька.

И вдруг в настороженной подземной тишине явственно послышался звук осыпающейся земли. Ребята насторожились. Латыш почувствовал, как замерло сердце и сразу стало сухо во рту. Звук повторился, на этот раз яснее и ближе, словно кто-то шёл навстречу ребятам, тяжело ступая. Бежать? Но с места сдвинуться невозможно, ноги сами пристали к земле...

— Все фонари в ту сторону! — шёпотом скомандовал Витька. Пять фонариков ударили светом в темноту второго коридора, ведущего в комнату с другой стороны. Стало невыносимо тихо.

— Стой! Кто идёт?! — звонким от напряжения голосом выкрикнул Борька.

— Уберите огонь, ребята, а то я ничего не вижу,— раздался до того знакомый голос, что не узнать его было просто невозможно.

— Сергей Николаевич! — в восторге заорал Витька.— Это вы, Сергей Николаевич?

И в самом деле, с той стороны вышел Сергей Николаевич, и с таким невозмутимым видом, словно встречаться с ребятами под землёй — для него дело самое обыкновенное.

— Здравствуйте! — напомнил он, улыбаясь. — Мы с вами сегодня ещё как будто не виделись, нет?

— Сергей Николаевич, а я вас видел,— признался Витька,— только я не знал, что это вы. Ох, и испугался! Сергей Николаевич, а как вы узнали, что мы сюда сегодня придём?

— Это Сергей Николаевич догадался, когда я записку съел,— покраснел Толька Куприянов.

— А что, вкусная была? — поинтересовался Сергей Николаевич.

— Нет, хлеб лучше! — помотал головой Толька.

— Ой, смотрите! —ахнул Стёпка,— сколь народу в обход Кривого сюда идёт!..

Все посмотрели в ту сторону. В обход болота, всё приближаясь к сопке, шли человек семь взрослых. Среди них легко можно было разглядеть высокую фигуру кузнеца Ильи Павловича, отца Куприянова, тётеньку Свирину... Не утерпела-таки Валька Кучумова... Латыш торопливо поднялся:

— Ну, мне надо тикать. Увидит батя, на месте убьёт.

— Убить не убьёт,— рассудил Толька,— но на глаза попадаться не рекомендуется,— и он покосился выжидающе на

Сергея Николаевича. Тот поднялся с места не спеша, посмотрел на ребят, улыбнулся:

— Ничего. Посидите немножко, я сейчас вернусь.

Пять пар внимательных ребячьих глаз следили за тем, как он спустился вниз, как подошедшие люди окружили его и стали здороваться. Снизу долетел пронзительный голос тётеньки Свириной:

— И в голову мне не пришло, что мой дурень с ними увяжется!

Стёпка виновато заулыбался, и рука его потянулась к затылку. В глазах ребят отразилось молчаливое сочувствие.

Сначала внизу говорили все, потом стало тихо, говорил один Сергей Николаевич.

— Он уговорит,— решил Лёшка.

— Интересно, как он их уговаривает? —любопытствовал Толька.

А учитель говорил тем временем, что ребята и он давно условились провести эту экскурсию, чтобы доказать всем, что Кривое болото проходить можно, чтобы проучить Вдовиху. Такого оборота дела никто не ожидал, и родители растерянно переглядывались. А когда Сергей Николаевич похвалил и поблагодарил их за то, что они воспитали таких дружных и смелых ребят, охота ругаться и проучить как следует негодных упрямцев пропала окончательно...

Ох, и замирало же у Витьки сердце, когда он подходил к отцу!.. Но тот ничего, взял его за плечи, сказал даже чуть виновато:

— Ну, пошли обедать, герой... Оголодал, небось?

А тётенька Свирина ткнула Степана под бок и прошептала:

— Что же ты, дурень, матери не сказал, что с учителем идёте? Срамись вот теперь из-за тебя...

Золотые руки

Самуил Гершуни *Рисунок В. Васильева*

Мой братишка дверь чинил,
К стенке полочку прибил,
Обернул бумагой книжку.
Похвалили все братишку.
И тогда сказала наша мама:
— Эти руки — золотые прямо!
Руки брата я потрогал.
Руки теплые немного,
Как мои,
Совсем простые,
И ничуть не золотые.
Почему ж тогда сказала мама:
— Эти руки — золотые прямо?

Александр Крутиков *Рисунки Н. Мамчича*

Кто не видел около селений, в полях и лугах геодезических вышек пирамидальной формы, с лестницами, площадками и разными перекладинами внутри?

Такие пирамиды строятся на возвышениях по всему району, где предполагается съёмка местности. По данным съёмки составляются топографические карты, без которых нельзя обойтись. Они необходимы при создании проектов строительства предприятий, каналов, путей сообщения, при планировке городов и населённых пунктов.

Пирамиды строятся одна от другой на расстоянии не больше чем сорок километров так, чтобы с одной пирамиды были видны остальные. Они служат геодезистам опорными пунктами для составления плана местности: по отношению к ним определяется расположение зданий, перекрёстков дорог, границ полей и т. д. Но и сами пирамиды должны быть определены на местности совершенно точно: должны быть известны их координаты, то есть расстояние от каждой из них до

экватора и Гринвичского меридиана, иными словами — широта и долгота.

Чтобы получить координаты, нужно с каждой пирамиды измерить углы между направлениями на остальные видимые пирамиды.

Получив однажды летом такое задание, я приехал в район Камы, ниже Молотова. Начать решил с крайней к югу Оханской пирамиды, которая стояла у самого берега Камы.

Но сразу же встретилось затруднение: сделать отчёты по направлению на пирамиду у Большой Сосновы, к западу, чтобы получить угол с направлением на Очерскую пирамиду, к северо-западу, никак не удавалось: большесосновская пирамида была за увалом, а на нём к тому времени выросла высокая трава, и верх пирамиды невозможно было рассмотреть. Вдобавок и погода стояла серенькая.

Пришлось отложить измерение этого угла до солнечной погоды, заняться пока измерениями других с той же Оханской пирамиды.

Через час работы я сделал перерыв, во время которого поглядывал с пирамиды на землю. И тут я обратил внимание, что под пирамидой, задрав головы кверху, стоят двое ребятишек. По тому, что один был на две головы выше своего товарища, я узнал, что это мои новые знакомцы — любознательный Гриша и его молчаливый друг, которого я и по имени не знал.

Я сделал знак ребятам, чтобы они шли ко мне.

Гриша сейчас же двинулся к лестнице. Длинный товарищ последовал за ним.

Сотню ступенек от земли до площадки с инструментом я никогда не одолевал сразу. Они же поднимались, не передохнув. Их фигуры то и дело мелькали на лестницах, шедших по диагоналям.

Наконец, они добрались до самой верхней площадки с инструментом, на которой работал я.

— А как вы узнали, что я здесь? — спросил я.

— С того берега видно, как инструмент блестит,— отвечал Гриша.— А чего вы здесь делаете?

— Измеряю углы между направлениями на все другие пи-

рамиды. Видишь, какой инструмент у меня, с двумя зрительными трубами? Это — теодолит-универсал.

— А мне дадите посмотреть на которую-нибудь вышку? Хоть одним глазком?

Я рассмеялся:

— А в трубу только одним и смотрят, другой прищуривать приходится! Ладно, посмотришь, только пока стойте оба тут и не мешайте мне.

Я стал наводить трубу инструмента по очереди на все видимые пирамиды, начиная с Югокамской на востоке, кончая Очерской на северо-западе.

— А у Большой Сосновы ещё вышка есть,—заметил Гриша.

— Есть-то есть, да её не видно,—отвечал я ему.

— Это увал мешает,— сразу сообразил паренёк.

— Собственно, не увал, а трава на нём: весной-то, до травы, её было видно, иначе бы и строить там не стали.

— Значит, только когда траву скосят, придётся измерить-то? Катавасия! — по-взрослому покачал он головой.

Той порой видимость стала лучше, хотя на большесосновскую пирамиду по-прежнему не было никакого намёка. Но надежды я не терял: день стал светлее, мог и совсем разгуляться, и пирамида могла оказаться доступной для наблюдения. Надо только было принять особые меры.

Установив надёжно теодолит, я навёл трубу точно на крест соборной колокольни в Молотове — она уже стала видна — и сделал контрольный отсчёт. Стоило в любую минуту навести на кресть вновь, чтобы убедиться, что отсчёт тот же, инструмент не сдвинулся.

Этим я высвободил вторую, поверительную трубу инструмента, поменьше. Её я навёл так, что, если бы невидимая пирамида показалась из-за травы, я бы сразу её увидел.

Солнце всё ещё было за облаками, и я принялся пока за другие отсчёты.

Гриша поглядывал то на ящик от инструмента, то по направлению на Большую Соснову. Я понял, что ему хочется встать на ящик и следить в малую трубу за большесосновской пирамидой. Я разрешил, наказал только к инструменту не прикасаться.

В середине дня сделали перерыв для обеда. Разложив, что у меня было на газете, пригласил «к столу» и ребят.

— А у нас тоже есть кой-что,— отвечал Гриша и подозвал товарища. У того в кармане оказался порядочный свёрток, а в нём хлеб, пара яиц и жареная рыба.

— Да куда же это вы с обедом направились?

— А сюда, к вам. Если не прогоните, и дальше будем приходить.

— Ладно,— сказал я,— присматривайтесь. Может быть, сами станете потом геодезистами.

Приятели смущённо улыбнулись.

К вечеру, когда я ещё раз измерил прежние углы, небо стало совсем чистым, только на западе застряло облачко, закрывая солнце. Так и хотелось его сдвинуть с места!

С досады я сел на ступеньки лестницы и загляделся на Каму. Великолепная река катила свои воды не спеша. Рыба играла на солнце: то и дело на поверхности воды виднелись расходящиеся круги. По народным приметам это предвещало хорошую погоду. И вдруг на воде появился малиновый отсвет: облачко уже рассосалось, небо полыхало яркими красками заката...

Взглянуть в большую трубу было делом одной секунды. Над травой ясно обозначилась верхушка пирамиды. Появилась возможность измерить отложенный угол. Я быстро произвёл все необходимые вычисления и только тогда вздохнул облегчённо и оглянулся на ребят.

Гриша, стоя на ящике, пытался увидеть появившуюся невидимку-вышку через мою голову. Но за сорок километров простым глазом, конечно, ничего не увидел и досадовал, закусив нижнюю губу.

Я дал ему взглянуть в большую трубу — лицо его моментально расплылось в счастливой улыбке.

— Она!— вскрикнул Гриша.— Вот чудо-то! Почему стала выше травы?

— Она не стала выше травы, — сказал я.— Это явление называется рефракцией.

— Рефракцией?! — повторил Гриша.

— Да. Видишь ли, световой луч от большесосновской пи-

рамиды проходит к нам через слои воздуха разной плотности. Выглянуло солнышко, ещё больше изменило плотность воздуха, и луч стал представлять из себя выпуклую линию, поэтому верхушка пирамиды стала видимой выше того места, где она находится в действительности.

— Она как будто подскочила?! — воскликнул Гриша.— Вот интересно-то!

Скоро на западе всё померкло. Напрасно пытался Гриша ещё раз увидеть в трубу пирамиду-невидимку. Она снова спряталась за траву.

Мы сложили инструмент и начали спускаться с пирамиды, обсуждая редкостный случай.

Сюрприз

Николай Садовый — *Рисунки В. Яковлева*

Действующие лица

Стёпа — вожатый звена.
Костя и Вася — пионеры его звена.
Лена — председатель совета отряда.
Мальчик в тюбетейке.

На лужайку быстро выходит Стёпа, за ним едва поспевают Костя и Вася. Стёпа садится на кочку и жестом приглашает товарищей сесть. Все садятся.

Костя. Что за секреты, Стёпа? Зачем ты нас сюда притащил?

Стёпа. Срочное задание! Вам известно, что к нам едет герой?

Вася. Какой герой? Лётчик?

Стёпа. Никакой не лётчик, а герой — пионер Рябов. Все газеты писали, как он спас от пожара колхозный амбар, а сегодня он приезжает к нам.

Костя. Какое же тебе дали задание?

Стёпа. Никакого!..

Костя и Вася озадаченно свистят.

Стёпа (многозначительно). Мы должны приготовить сюрприз!

Вася. Сюрприз?

Стёпа. Ну, да! Скажите, нравится вам, что наше звено всё время ругают? (передразнивает кого-то «Инициативы у вас нет, инициативы...» Нравится, да?

Костя. Кому же нравится, когда его ругают!

Стёпа. А за что нас ругают? Чем мы хуже других?

Вася. Верно, чем мы хуже?

Стёпа. Вот давайте и докажем всем, на что мы способны.

Вася. А как мы это докажем?

Стёпа. Для этого я вас сюда и позвал. В моей голове созрел гениальный план. Во-первых, мы преподнесём герою цветы. Здорово придумано?

Костя. Здорово-то здорово. А только где мы их возьмём?

Стёпа. Надо подумать. (Озирается по сторонам, потом стукает себя рукой по лбу). Есть! Нашёл! На ловца и зверь бежит. (Кричит в сторону). Эй, пацан!.. Иди скорее сюда! (Входит мальчик в тюбетейке. В руках у него букет). Какой чудный букет! Ну-ка давай его сюда! (Забирает букет и снова садится).

Мальчик (Стёпе). Мне нужен букет, это подарок.

Стёпа. Какое совпадение! И мне он нужен для подарка! (Обращаясь к товарищам). Итак, половина дела сделана — букет мы достали. А всё остальное я беру на себя. Я беру букет в левую руку...

Мальчик. Отдай букет! Мне некогда!

Стёпа. Ах, тебе некогда! Так ты иди. Понимаешь, мне до зарезу нужен букет.

Мальчик. Мне он тоже нужен!

Стёпа. Давай, давай, проходи! Ещё, может, увидимся, так я с тобой рассчитаюсь. (Наступает на мальчика, выпятив грудь). Ну?! Кому я говорю? (Мальчик сжимает кулаки, но потом, махнув рукой, уходит). Ушёл-таки! Видали! Букета ему стало жалко! А у нас мероприятие срывается!

Костя. А всё-таки, Стёпа, зря ты отнял у него букет.

Стёпа. Ничего, ничего... Тоже мне, нашлись защитники. Итак, поехали дальше. Значит, я беру букет в левую руку и подхожу к герою... Вася, ты встань в сторонке, будто ты и есть герой.

Вася встает в величественную позу и свысока посматривает на Стёпу. Тот подносит ему букет, жмёт руку и, откашлявшись, декламирует:

О, известный герой
С величавым лицом,
Ты мне тайну открой,
Как мне стать храбрецом?

Вася. Что это такое?

Стёпа. Глупый вопрос! Ты что стихов никогда не читал?

Вася. Таких не читал.

Стёпа. Так это же я сам сочинил! Специально. Здорово?

Костя. Здорово. Только почему ты написал с «величавым лицом»? Ты что, видел его?

Стёпа. Откуда же я его видел? Это я так, для особой торжественности.

Вася. Всё это хорошо. А дальше-то что?

Стёпа (с недоумением). Что — «дальше»?

В а с я. Ну да, что нам-то с Костей делать?

С т ё п а. Верно, что же вам-то делать?

Л е н а (кричит за сценой). Стё-о-па! Где ты? (Немного погодя появляется на лужайке, отдувается). Фу, еле нашла вас. Вы ещё ничего не знаете? Ведь Володя Рябов уже приехал.

В а с я. Какой Володя Рябов?

Л е н а. Герой. Какой же ещё?

С т ё п а. Великолепно! Ребята, за мной! (Лене). Да, у нас новость: я тут стишки сочинил — специально для героя. И букетик раздобыл — тоже для героя. (Забирает у Васи букет и важно вышагивает по сцене).

Л е н а. Букет? Это очень кстати. А то Володя говорит, что какой-то озорник отобрал у него букет, который он хотел подарить нашему отряду.

С т ё п а. (обескураженно). Ой, как нехорошо получилось...

Л е н а. Отвратительно! Как бы узнать, кто это так отличился? Ты, Стёпа, не займёшься этим делом?

С т ё п а. Кто?.. Я?.. Ах, да... Видишь ли... Впрочем, ладно! Я всё узнаю. (Товарищам). Ребята, за мной?! Я всем покажу этого озорника! (Колотит себя в грудь).

Все уходят.

ГОВОРИТ УКРАИНА

Советская солнечная Украина славится не только богатыми урожаями полей и садов, но и своими песнями и поэтами, композиторами, художниками. Далеко за пределами нашей страны известны произведения писателей А. Головко, П. Панча, И. Ле, Ю. Яновского, А. Корнейчука, О, Гончара, Ю. Смолича, поэтов М. Рыльского, П. Тычины, М. Бажана, В. Сосюры. Большой отряд составляют писатели, пишущие для детей. Среди них и широко известная сказочница О. Иваненко, и писатель О. Донченко, и поэты Н. Забила, М. Пригара, М. Познанская, Г. Бойко, В. Бычко, И. Нехода и другие, чьи книги издаются не только на Украине, но и переводятся на русский язык, на языки народов нашей страны и стран народной демократии.

В нашем сборнике мы публикуем подборку из произведений украинских поэтов в переводе свердловских литераторов. В следующих выпусках сборника будут даны подборки из произведений писателей Белоруссии, Казахстана, Таджикистана и других республик.

Уралочка

Игорь Муратов ***Рисунки В. Васильева***

Виднеется сквозь хвою
Свод неба голубой,
И тихо надо мною
Шумит сосновый бор.

С подружками учиться
Иду я в ранний час,

И сердце веселится,
И радует всё нас.

А ёлки да сосёнки
Напоминают мне
Военный год, девчонку
В далёкой стороне.

Не гаснет дружба наша,
Я вспомнила тебя,
Подруженька Наташа,
Уралочка моя!

В те дни война шагала,
В мой край пришла, как ночь.
Меня в горах Урала
Приветили, как дочь.

Несли нам смерть фашисты,
Но брат мой был боец,
Он бил их в небе чистом,
В лесах их бил отец.

Мать тоже помогала
Героям на фронтах:
Надёжное ковала
Оружие в цехах.

Вот там, на Уралмаше,
Сошлась одна семья —
И я, и ты, Наташа,
Уралочка моя!

Подружка сероокая,
Со мною запевай:
«Стоит гора высокая,
А пид горою гай...»

В моём краю воспеты
Леса, поля, цветы.
Про камни-самоцветы
Знавала сказы ты!..

Весною вся природа
Красуется, горда...
Проходят дни и годы,
А дружба — никогда!

Не гаснет дружба наша,
Как самоцвет горя,
Подруженька Наташа,
Уралочка моя!

Перевёл с украинского Е. Ружанский.

Первого сентября

Валентин Бычко

Я проснулся рано-рано,
Побежал скорей к Ивану,
Заглянул к нему в окно.
Пусто в комнате Ивана:
Друг поднялся спозаранок,
Он на улице давно.

Мы пойти решили к Люде.
Вот сейчас её разбудим,
Скажем:
— Спишь так долго зря.
А потом помчимся к Нате:
— Надо в школу! Встань с кровати,
Ведь начало сентября!

Вдруг увидели мы: вроде
Люда с Натою проходят.
Сумки новые в руках...
Мы, конечно, удивились:
Рано в школу снарядились —
Полвосьмого на часах!

Люду с Натой мы спросили:
— Вы куда чуть свет ходили?
Кто так рано вас поднял?
А они:
— Ходили в школу.
Только сторож дед Микола
«Рановато!» — нам сказал...

Мы пошли все вместе к Васе,
Вася ж только в первом классе.
Надо малыша поднять.

Он навстречу нам попался,
Говорит:
— Проспать боялся:
Не ложился вовсе спать.

Из ворот мы выбегаем,
А кругом звенят трамваи,
И кондукторы нас ждут.
Мы им кланяемся низко:
— Мы пешком, ведь школа близко,
Поезжайте, в добрый путь!..

Вот уж до угла доходим,
Вот дорогу переходим,
Слышим вдруг Ивана крик:
— Подождите, ребятишки!
Позабыл я дома книжки,
Я слетаю в один миг!..

— Ой! — воскликнула Людмила, —
Я чулок надеть забыла!..

Ната ручку не взяла.
Долго я в карманах шарил
Нет карандаша! Оставил —
Вот так славные дела!..

Галя вымыться забыла,
По всему лицу чернила.
Что ж, домой пойдём опять!
По домам все разбежались,
Не шутили, не смеялись, —
Как бы нам не опоздать!..

А когда пришли мы в школу,
Повстречал нас дед Микола
И сказал нам:
— Вот так раз!
Где ж вы были, лежебоки?
Все давно уж на уроке.
Ну, скорей
бегите в класс!

Перевела с украинского Н. Круглик.

Картина

Платон Воронько

Есть у мальчика
Картина —
Лучше прочих всех!

Не картина,
А витрина!
Над горою
Там долина,
Зреют яблоки,

Малина,
Сверху валит снег.

На ветвях
Сидят зайчата,
На пруду
Плывут цыплята,
Ёжики летят.
Светит солнце,

Блещут звёзды,
Желудей
Большие гроздья
На сосне висят...

Вот картина —
Загляденье!
Не рисунки —
Удивленье!..
— Кто ж тебе картину дал?
— То я сам нарисовал!

Перевёл с украинского Е. Ружанский.

Рыбак

Грицко Бойко

Снова мне не верит Майя,
Хоть сказал я правду ей:
— На один крючок
поймал я
Двух
огромных
окуней!

Бросил в речку их,
к плотичкам,
Пусть резвятся там на дне —
Всё равно моя сестричка
Не поверила бы мне...

Перевёл с украинского Н. Кущум.

Мальчик идёт из школы...

Иван Нехода

Мальчик идёт из школы,
Весел —
    «пятёрке» рад!
Юные и весёлые
Тихо дубки шумят.
    Их посадили люди,
    Им у дороги расти —
    Пусть тут прохлада будет
    Тем, кто устал в пути!
У мальчика длинная палка,
Сумка через плечо...
Бьёт он дубки — не жалко,
Листья и ветки сечёт.

«Эх, мне теперь всё можно!»
Весел —
    «пятёрке» рад.
Раз! — и в пыли дорожной
Саженцы дуба лежат.
Палка — не палка, а сабля!
Мальчик — в степи герой!
Руки пока не ослабли,
Рубит он саблею той.
    Мальчик! Не дело героя —
    Саженцы уничтожать.
    Можно «геройство» такое
    Лишь хулиганством назвать.

Годы растили их люди,
Ты же их стал губить...
Делом геройским будет —
Дерево посадить!
    Правда, ведь, пионерия?
Нам отставать не к лицу:
    Каждый посадит, верю я,
    По одному деревцу!
И разрастутся ветки,
Прошелестят не раз:
— Честь и спасибо вам, детки,
Что посадили нас!

Перевёл с украинского Е. Ружанский.

Андрейкины копейки

Леонид Первомайский

Не мог ещё мальчик Андрейка считать:
Ни вычитать, ни прибавлять.

К киоску с водою подходит Андрейка:
— Дайте воды на четыре копейки,
А потому что даю я вам пять,
Три вы обязаны сдачи мне дать...

— Вот как!— ему говорит продавец.—
Да, в арифметике вы молодец!
Сколько же три плюс четыре копейки?
— Девять,— подумав, ответил Андрейка.

— Значит, не три, если девять, а пять
Сдачи за воду должна я вам дать.
Пять у вас есть — вы имеете сдачу,
Вот вам стаканчик водички в придачу,
А как научитесь лучше считать —
Буду с сиропом я вам наливать!

Перевёл с украинского Е. Ружанский.

Черепаха

Леонид Первомайский

Чудный маленький автобус
По песку прополз на плёс

А! Он движется так тихо,
Потому что без колёс!

Перевёл с украинского М. Пилипенко.

Забывалко

Михайло Стельмах

На заре, зевнув спросонок,
На рыбалку мчит котёнок.
Вспрыгнул он на камень плоский,

Бросил с камня в речку лёску.
Быстро время пробежало —
Ни рыбёшки не поймал он.
Потому что позабыл —
Червячка не наживил.

Перевёл с украинского М. Пилипенко.

Идёт зима

Михайло Стельмах

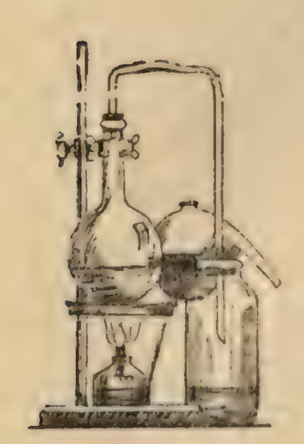
В галстуке синица
На ветвях вертится.
Удивились птицы:

Странная синица —
Кутаться к чему же,
Ведь ещё не стужа?
Телеграмму с бука

Дятел всем отстукал:
Мчит зима лесами,
Дед Мороз полями,
Оттого синица
В галстуки рядится.

Перевёл с украинского М. Пилипенко.

ЮНЫЕ ХИМИКИ

Белла Дижур *Рисунок В. Крылова*

В девятой школе города Свердловска, где учится Слава Качанов, много лет существует кабинет химии. В эту большую светлую комнату Славу тянуло, когда он ещё учился в младших классах. Да и не его одного! Прибегали сюда и Боря Павлов, и Боря Голомолзин, и Валерик Жолобов, и многие другие ребята.

Здесь всегда можно было увидеть удивительные вещи. Столы заставлены приборами, спиртовками, химической посудой. В шкафах стройные ряды банок с цветными порошками. На стенах — таблицы, диаграммы, портреты учёных.

Слава с завистью смотрел на старших ребят, которые чувствовали себя в этом кабинете хозяевами. Они взвешивали на весах цветные порошки, растворяли их в воде, грели на огне спиртовок. Особенно любил он смотреть, как из банок, трубок, зажимов и деревянных подставок старшеклассники готовили приборы для кабинета.

Иногда Пелагея Васильевна показывала малышам опыты. Из-под её рук выползали огненные «фараоновы змеи», вода

превращалась в «вино», кусочек сахара, положенный на лёгкую дощечку, «путешествовал» на дно большого сосуда с водой и возвращался оттуда сухим...

Сами собой загорались свечи. А иногда над головами ребят взлетали пустые консервные банки.

Слава мечтал о том времени, когда сам сможет проделывать такие опыты.

И вот, наконец, он перешёл в седьмой класс.

— Ты знаешь, у нас будет химия! — сказал он маме.

Но мама осталась равнодушной к этому известию. Химия, так химия! Лишь бы хорошо учился её сын.

А Слава уже сделался завсегдатаем химического кабинета. Он приходил сюда даже в те дни, когда по расписанию не было химии, помогал педагогам подготавливать столы для практических работ, расставлял на них приборы, реактивы. Он записался в химический кружок и так же, как другие ребята, занялся изготовлением приборов. Слава сделал камеру Тин-

деля для просматривания растворов и другой прибор для восстановления металла из окиси и начал присматриваться к тому, как Лена Лошкарёва выращивает кристаллы.

Лена приготовляла раствор медного купороса. Сначала брала немного этой соли. Растворяла её. Затем прибавляла ещё немного. Раствор делался всё синее и синее. Наконец, на-

ступал момент, когда новый кристаллик, брошенный в раствор, больше не растворялся. Это уже значит: получился насыщенный раствор. И с этого дня Лена начинала следить за кристалликом, который бросила последним. Он вырастал на глазах. На него оседал медный купорос из насыщенного раствора. Выпадали и новые кристаллики. Лене очень нравилось смотреть, как они образуются и растут.

Нравилось это и Славе. Он тоже приготовил насыщенный раствор сахара, вырастил сахарный кристаллик, но... не выдержал и съел его.

Лена смеялась над Славой. А Слава удивлялся: чему она смеётся? Хорошо ей, что у неё медный купорос! Его не съешь, хоть и очень красивы его голубые кристаллы. А сахар! Тут невозможно было удержаться!

Слава охотно работал в кружке вместе с другими ребятами. Разве расскажешь обо всём, что день за днём здесь создавалось! В короткий срок химический кабинет обогатился новыми стендами и макетами.

Вот, например, очень хороший макет, изображающий, как с самолёта разбрасывают удобрение. Его ребята сделали сами.

Они взяли большую доску и покрасили её зелёной краской. Это поле. В одном углу доски должен был быть пруд, и поэтому этот угол покрасили в голубой цвет, а сверху покрыли стеклом. На пруду ребята поместили гусей, в другом углу построили свиноферму, внутрь помещения провели электрический свет. Поставили столбики и, соединив их проводами, осветили электричеством всё поле. Около фермы посадили деревья.

А над всем этим водрузили самолёт, к которому протянули провод от электромотора «Пионер».

Как только включишь мотор, самолёт начинает свой полёт над полем. Он кружится, кружится, разбрасывая удобрения: калиевое, фосфорное, азотное. Запасы удобрения в мешочках сложены в самолёте.

Быстро пролетало время учёбы. Интересно было Славе ходить в школу. А однажды произошло вот что.

Школа начала готовиться к встрече Нового года, и Пелагея Васильевна сказала:

— Не устроить ли нам комнату чудес?

У Славы даже дух захватило при мысли, что он, может быть, примет участие в опытах, которые его так поражали, когда он был малышом.

— Пелагея Васильевна, разрешите я помогу вам в комнате чудес, — попросил он.

— Зачем же только помогать! — ответила Пелагея Васильевна. — Я думаю, вы с Борей Павловым и Валериком Жолобовым сами будете «кудесниками» и проделаете все чудеса.

Такого ответа Слава не ожидал. Ему оказано наивысшее доверие! Он теперь настоящий химик!

За много дней до новогоднего бала у химиков было всё готово. Они притащили в школу мамины халаты, из картона сделали себе остроконечные шапки, точь-в-точь, как у средневековых алхимиков.

Электрические лампы в классе были обёрнуты красной бумагой, и это придавало комнате таинственный вид.

И вот наступил канун Нового года. В зале, около ёлки, в буфете и в школьных коридорах толпилось много ребят. Но больше всего привлекала присутствующих комната чудес. «Кудесники» провели уже несколько сеансов. Не успевали одни зрители уйти, как появлялись другие.

На предварительном совещании было решено, что надо не только показывать, но и объяснять всем присутствующим, что это совсем не чудеса, а обыкновенные химические и физические опыты.

Слава взялся за объяснения.

— Вот взгляните! — говорил он изумлённым зрителям, когда на их глазах взлетела консервная банка. — Здесь произошёл взрыв гремучей смеси. А гремучую смесь мы приготовили из двух частей водорода и одной части кислорода...

Объяснил Слава и загадочное путешествие сахара на дно сосуда с водой. Сахар остаётся сухим потому, что его защищает воздух, который занимает какой-то определённый объём под стаканом и вытесняет воду, когда стакан с дощечкой опускается на дно.

Особенно понравился зрителям действующий вулкан. Жёлтую горсточку бихромата аммония подожгли лучинкой. И вот в центре горсточки образовалась ямка, точь-в-точь похожая на кратер вулкана. А из этого крохотного кратера начали выделяться газы и пепел зелёного цвета.

Слава незаметным движением руки посыпал на жёлтую горсточку немного пылевидного магния, и тотчас по стенам вулкана потекла горячая лава.

Но вот закончилось «извержение», и на месте «действующего вулкана» осталось немного зелёного порошка.

— Это — окись хрома, — объяснил Слава, — ею хорошо чистить металлические предметы, можете попробовать!

Вокруг бывшего вулкана столпились малыши в форменных курточках. Они до блеска начищали пуговицы и пряжки и отходили очень довольные.

* * *

Вскоре после Нового года ребята отправились на кислородный завод. Слава давно знал, что в одной из клеточек менделеевской таблицы помещается круглая буква «О», обозначающая кислород. Знал он, что кислород нужен для дыхания, поддерживает горение.

Но как-то трудно было это усвоить. Ведь кислород не виден, не имеет ни запаха, ни вкуса... В руки его не возьмёшь! Какой-то невидимка!

Всё это стало понятно, когда Слава вместе с другими ребятами в приборах собственного изготовления сам получил кислород. Затем в баночки, наполненные этим газом, поочерёд-

но опускались тлеющая лучинка, раскалённая железная проволока, кусочек серы. Всё это вспыхивало ярким пламенем.

«Вот он какой, кислород!» — подумал Слава.

Но особенно понятно и интересно было всё то, что узнали ребята во время экскурсии на кислородный завод. Они не могли видеть, как подвергают кислород сильному давлению, как

очищают его от других газов воздуха. Ведь всё это происходит в закрытых аппаратах. Но зато инженер показал им уже готовый жидкий кислород.

— Вот смотрите! — он подставил ведро под кран сосуда, где хранится жидкий кислород, и оттуда побежала кипящая голубая жидкость. Слава хотел потрогать её пальцем, но инженер сказал: — Осторожнее, заморозишь!

Инженер выплеснул жидкость из ведра на пол цеха, и она тут же испарилась. Пол остался сухим.

— Жидкий кислород кипит при температуре минус 180 градусов. Для него даже 0 градусов — высокая температура, — сказал инженер.

Он рассказал ребятам, что за сутки из большого сосуда, где хранится несколько тонн жидкого кислорода, несмотря на все предостережения, «улетает» не менее пяти литров.

Ребята захватили с собой из школы коробочку с ртутью. Поливая её струйками жидкого кислорода, они заморозили ртуть, превратив её в кусочек твёрдого металла. Правда, вскоре ртуть снова растаяла. Но всё же ребята успели воспользоваться ею, как молоточком. Забили гвоздь в стенку деревянного ящика.

Но самым интересным Славе показалось вот что. Он вместе с другими ребятами сделал совершенно «производственный» опыт. Им дали кусок железа и позволили разрезать его пламенем ацетилено-кислородной горелки, к которой подведены шланги от двух баллонов. В одном из них — кислород, в другом — ацетилен.

Сноп искр разлетелся во все стороны. Кислород помогал ацетилену сильнее гореть, и огонь делался таким жарким, что свободно разрезал кусок железа на две части.

«Вот так поддерживает горение!» — подумал Слава о кислороде. Теперь он хорошо понял, какое огромное значение имеет этот газ. Формула кислорода — круглая буква в менделеевской таблице — ожила для него.

Подвижный, вездесущий кислород, без которого не может обойтись ни одно живое существо, приобрёл в глазах Славы особое значение.

— Вот бы посмотреть ещё кислородное дутьё! — сказал Боря Павлов, который прочёл в газете о новотагильских металлургах, что они на 20 процентов увеличили производительность мартеновских печей, используя кислород во время плавок.

Слава тоже читал об этом.

«Если все заводы начнут применять кислородное дутьё, в стране будет больше стали», — подумал он.

Так день за днём увеличивались химические познания Славы Качанова.

И вот, решив, что он уже «настоящий химик», Слава сделал то, в чём позднее пришлось ему раскаяться. Помогая учительнице в подготовке к практической работе по щелочным

металлам, он вынул из банки кусочек металлического калия, завернул его в бумажку и быстро сунул в карман. Слава предвкушал, как опустит дома этот кусочек в ковш с водой, как будет бегать этот кусочек, выбрасывать искры, и в конце концов произойдёт маленький взрыв. Как испугается мама, а он успокоит ее, сказав, что это всего лишь химический опыт.

Вскоре Слава почувствовал, что в кармане у него стало очень тепло, а ногу слегка пощипывает. Стараясь не обращать внимания на усиливающуюся боль, он, прихрамывая, отправился домой.

Но каков же был ужас его матери, когда она обнаружила у своего сына дыру на брюках и ожог на ноге. Ожог этот пришлось довольно долго лечить. Но больше всего огорчило её, что Слава взял калий без разрешения. А мальчик уж и сам осознал свою ошибку.

— Я никогда больше этого не буду делать, — пообещал он педагогам, — только разрешите мне ходить в химический кабинет. Я очень люблю химию.

Славе поверили. И он по-прежнему вместе с такими же азартными химиками — Борей Павловым, Валериком Жолобовым, Юрой Забелиным, Леной Ладыгиной, Таней Черепановой и многими другими ребятами занимается в химическом кружке.

Пытливому, любознательному человеку наука эта раскрывает многие тайны природы, помогает в жизни, в работе.

ШАГАЮЩАЯ МАШИНА

Василий Фёдоров

В Свердловске находится прославленный гигант советской индустрии — Уралмашзавод. «Завод заводов» назвал его Максим Горький. И не напрасно. Уралмаш строит тяжёлые машины для оборудования фабрик и заводов: огромнейшие блюминги — станы для проката стали; щековые и конусные дробилки; шлаковозы и чугуновозы; нефтебуровые установки; гусеничные и шагающие экскаваторы... Машины, выпущенные здесь, работают на предприятиях и стройках нашей страны, за границей.

В шестой пятилетке Уралмашзавод создаст новые первоклассные прокатные станы, шаровые мельницы, буровые уста-

новки и сверхмощные экскаваторы. Сейчас конструкторами Уралмашзавода уже составлен проект нового экскаватора ЭШ 25/100.

Раньше из наиболее мощных экскаваторов завод выпускал лишь ЭШ 14/75. Может быть, ЭШ 14/75 покажется таинственным шифром? Однако таинственного тут ничего нет. Буквы «ЭШ» обозначают сокращённые слова «экскаватор шагающий». Четырнадцать показывает, сколько кубометров земли вмещает ковш, семьдесят пять — длину стрелы.

До 1956 года Уралмашзаводом таких экскаваторов было выстроено восемнадцать. Каждый из них заменяет работу десяти тысяч человек в день. Как сказочный великан, с большой глубины достаёт экскаватор полный ковш земли и легко переносит её в сторону на сто — сто пятьдесят метров.

В месяц экскаватор выкапывает триста девять тысяч кубических метров земли!

В 1950—1952 годах строился канал, соединяющий реки Волгу и Дон. На пути канала находилась возвышенность — водораздел. Необходимо было построить шлюзы: в сторону Дона — три и в сторону Волги — девять.

Гребень водораздела надо было срыть как можно глубже, чтобы уменьшить количество шлюзов. Это была необычайно трудная работа. Для неё потребовалось бы десять тысяч землекопов, которым пришлось бы трудиться здесь не один год; а для перевозки земли понадобилось бы много грузовых машин, железнодорожных составов.

И тут впервые применили четырнадцатикубовый шагающий экскаватор, построенный Уралмашзаводом. В несколько месяцев он срыл возвышенность, продлив канал на два километра.

Земля из канала относилась экскаватором на сто метров в отвалы.

После окончания строительства эти отвалы были засажены деревьями. Так образовались на канале свои «Жигулёвские горы».

С канала Волго-Дон экскаватор ЭШ 14/75 № 1 был перевезён на строительство Княжегубской гидростанции на Кольском полуострове, где он расчищал дно реки от камней и валунов, которых в этом районе очень много.

В далёкой Сибири, на реке Ангаре, близ Иркутска, строится самая большая в мире гидростанция. Туда и направили с Кольского полуострова эту машину. Из каналов он копал землю, доставал гальку со дна реки для бетонной массы.

Так широко шагал экскаватор: с Жигулей на Кольский полуостров и в Сибирь!

При постройке Цимлянской гидростанции на Дону образовалось обширное Цимлянское море. Из него отводился Южно-Украинский канал для орошения засушливых земель Ростовской области и Сальских степей. Путь этого канала преграждала высокая холмистая гряда, через которую решили пробить туннель до пяти километров. При входе и выходе туннеля нужно было вырыть глубокие и широкие выемки.Сюда был привезён второй шагающий экскаватор. Он выполнил все земляные работы без помощи каких-либо машин!

Но большая часть выпущенных Уралмашзаводом экскаваторов ЭШ 14/75 использована на вскрышных работах в угольной промышленности. Часто угольные пласты покрыты сверху слоем пустой породы. Пустую породу снимают, то есть «вскрывают» угольный пласт, чтоб брать его прямо из разрезов и карьеров, добывать открытым способом. Открытый способ производительнее и дешевле в три-четыре раза добычи угля в шахтах.

Применение шагающих экскаваторов с длинными стрелами на вскрышных работах значительно ускоряет вывозку пустых пород и добычу угля. Три экскаватора сейчас работают в тресте «Вахрушевуголь» (город Карпинск Свердловской области), семь — в Черемхово (Восточная Сибирь), один — под Москвой.

В тресте «Вахрушевуголь» работают два экскаватора. Они расположены на разных уровнях. Нижний снимает пустую породу угольного пласта и переносит её туда, где уголь уже выбран. Экскаватор, находящийся выше, берёт эту землю и переносит её ещё выше и дальше.

Стремление ускорить вскрышные работы в угольной промышленности привело к созданию более мощных экскаваторов, чем экскаваторы ЭШ 14/75.

Какой будет новая машина?

Конструкторы советовались с машинистами, горняками и решили, что новый сверхмощный шагающий будет иметь ковш ещё большей ёмкости — двадцать пять кубических метров! Ещё длиннее будет стрела — сто метров! Вес такой махины — две с половиной тысячи тонн! Экскаватор будет переносить грунт на двести метров и заменять двадцать тысяч человек. За месяц выкопает свыше полумиллиона кубических метров земли.

Особое внимание конструкторы уделили удобству и лёгкости управления. Кабина, где находится машинист, будет просторной, комфортабельной, с телефоном и радиосвязью. Летом в ней будет прохладно, зимой — тепло. Специальные установки очистят поступающий воздух от пыли, дыма и газов. Из кабины машинист сможет видеть весь забой.

Новый экскаватор выкопает и переместит за год семь-восемь миллионов кубических метров земли. Два таких экскаватора, разрабатывая, например, канал шириной до ста двадцати метров и глубиной до тридцати, смогут за год пройти восемь километров. Экскаватор ЭШ 25/100 будет самой мощной машиной в мире.

К тому времени, ребята, когда вы станете взрослыми, Уралмаш, может быть, создаст ещё более мощные машины с ковшами ёмкостью до пятидесяти кубических метров и длиной стрелы до ста шестидесяти метров, весом в пять-шесть тысяч тонн, и для перевозки её потребуется около пятисот вагонов! Может быть, кто-либо из вас поведёт эти первоклассные гиганты!

★★★

Заметки туриста

Эльза Бадьева

ВСТРЕЧИ С ДРУЗЬЯМИ

Станция Чоп. Пустынная, тихая... пограничная. На путях — одинокий вагон с надписью — «Чиерна-над-Тиссоу». Станция, и вагон, и весь маленький городок тонут в хрупкой синеве холодного весеннего утра. Только широкие окна вокзала ярко освещены. Но и там, в просторных высоких залах, пусто. Мало, очень мало здесь пассажиров.

Пока оформляют документы, мы выходим на привокзальную площадь, окружённую плотным хороводом домов, спокойных, спящих в этот ранний час. Ни сам городок, ни его площадь, пожалуй, ничем не примечательны. И здание вокзала, красивое, светлое внутри и снаружи, украшенное художественной

лепкой, очень похоже на лёгкие светлые вокзалы наших южных городов. Но ходим мы по этому, ничем не примечательному городку с особым чувством.

Это — последнее советское селение. Город, который не скоро найдёшь на карте, о котором большинство из нас и не знало прежде, стал вдруг неповторимо дорогим.

Но вот окончены таможенные церемонии. Пограничники возвращают нам паспорта с визой на выезд из СССР, желают доброго пути и тут же, улыбаясь, заявляют:

— Путь обязательно будет добрый... Ведь вы едете к друзьям. Поезд прощально прогудел, трогается...

Утро начинает светлеть. Отчётливее видны удаляющиеся постройки Чопа, серые, пустые поля. У самой границы, под высокой тёмно-зелёной аркой, по обеим сторонам которой замерли часовые, поезд останавливается и потом идёт медленно-медленно. Железнодорожное полотно словно разрывает полосу колючей проволоки и протянувшуюся параллельно ей полосу свежевспаханной земли.

Мы — в Чехословакии.

В нашем вагоне, где, кроме переводчика, все русские и где нет ни одного свободного места, скоро появляются чехи. Они переходят из других вагонов, едут, стоя в коридоре, чтобы обменяться с нами хоть словом, чтобы послушать, что мы поём, постоять у окна с нашими девчатами.

ЗЛАТА ПРАГА

Когда стемнело, мы подъехали к Праге. Безбрежным морем огней расплескалась она под тёмным весенним небом.

Живут в этом городе простые и трудолюбивые люди. Рабочие-машиностроители, служащие, студенты, журналисты, учёные.

Работают пражане, как и весь народ Чехословакии, как говорится, на совесть. В этом убеждают внушительные цифры роста производства, об этом говорит растущий из года в год уровень благосостояния народа.

В Праге нам не удалось побывать на предприятиях и в учреждениях. За четыре дня мы смогли лишь поверхностно

познакомиться с её прекрасными историческими и богатейшими национальными сокровищами, осмотреть окрестные замки-музеи, по вечерам побродить по городу, побывать в Национальном театре. Но дух рабочей Праги — города свободных, гордых, честных и очень приветливых людей — мы ощутили в первый же день. Достаточно было и короткого знакомства, чтобы почувствовать: пражане очень близки нам. У нас одни стремления, одна цель. Трудящемуся Чехословакии, как и трудящемуся СССР, дороги идеи ленинизма — самые передовые, прогрессивные, самые гуманные идеи в мире. Вот что роднит нас.

Мы приехали к друзьям. К искренним и верным... Мы это чувствовали на каждом шагу. Во всех городах нам попадались специализированные магазины советской книги. Чехи, моравы и словаки очень серьёзно изучают русский язык. Большинство понимало нашу речь, многие свободно объяснялись с нами, а школьники и студенты прямо-таки щеголяли прекрасным произношением и бесконечным запасом слов.

В Чехословакии ценятся наши товары: от мощных станков и экскаваторов до предметов парфюмерии.

Молодая народная республика во многом учится у нашей советской Родины. И говорят об этом в Чехословакии с гордостью.

«Злата Прага»... «Стобашенная»... Она свято хранит память о своих национальных героях, о великих событиях. В районе «Старого города», который построен ещё в XIV веке, на Староместской площади, у Карлова моста, стоит памятник великому гуманисту, борцу за свободу — Яну Гусу. Это его, одного из первых ректоров знаменитого Карлова университета, инквизиторы приговорили к сожжению. И на этой же площади, на высоком постаменте, стоят, братски обнявшись, два воина. Чех-повстанец, что весной памятного сорок пятого года сражался на баррикадах за любимый город и национальную независимость, и русский солдат из армии Конева, в один переход прошедший от Берлина до Праги, чтобы освободить его родину. У подножия памятника — всегда свежие живые цветы.

Улицу, по которой в осаждённую Прагу вошли советские

танки, пражане назвали проспектом маршала Конева. Головной танк вошедшей в город колонны стоит теперь на гранитном постаменте в рабочем районе Смихов. Есть в Праге и другие памятники. Это — памятники советским воинам, погибшим за освобождение чехословацкой столицы. Их много. Это целое кладбище в Ольшанах... В центре кладбища — высокий памятник погибшим советским воинам. К его подножию мы положили огромный венок из алых и белых роз.

Любовь к Праге и ко всей своей стране чехословаки доказывают прекрасными делами. Гордость пражан — Национальный оперный театр был построен на деньги, собранные народом. Это — лучший в стране театр.

В столице Чехословакии очень много скверов, садов и парков, много тенистых каштановых аллей, ярких цветников. Цветы и деревья сажают школьники, студенты, служащие, рабочие, домохозяйки. Не найдёшь в этом красивом городе грязной улицы, замусоренного двора, покосившегося дома. Хозяева города—его жители—трогательно заботятся о красоте своей Праги.

ВЗГЛЯД В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Хороши и окрестности Праги. В 30 километрах от города есть живописное место. Тихий, зеркальный пруд, словно драгоценный изумрудный камень, — в оправе светлого весеннего леса. От воды круто поднимается вверх поросшая травами и

кустарниками гора. Террасами вьётся по ней дорога. А на самой горе, на скалистой её вершине, — замок. Зубчатые стены чётко рисуются на фоне чистого неба. Грозно и хмуро смотрят с вышины замковые башни и шпили... Средневековье...

Это — знаменитый замок Конопиште, построенный в XIV веке. Последним его владельцем был австрийский эрц-герцог Франц-Фердинанд, тот самый, убийство которого послужило предлогом к первой империалистической войне.

Экскурсовод, рассказывая нам об истории этого красивого местечка, не удерживается от злых слов в адрес Франца-Фердинанда.

— Он был живодёр, — говорит экскурсовод. — Ему доставляло удовольствие убивать животных.

300 000 зверей на «боевом» счету этого вельможи. Он редко стрелял их в честной охоте. Чаще оленей, кабанов и диких коз ловили в лесу слуги, приволакивали на верёвках к замку и держали на привязи, пока Франц-Фердинанд их не расстреливал. Рога, копыта, бивни, шкуры оставлялись в качестве трофеев, тщательно обрабатывались. На них прикрепляли таблички с точными данными: когда и где убито животное. Все эти «трофеи» для демонстрации перед гостями, приезжавшими в Конопиште, вывешивались на стенах кабинетов и коридоров, по всему замку расставлялись чучела. И сейчас коридоры, кабинеты, гостиные, подвалы сохранили свой прежний вид. Стены щетинятся ветвистыми рогами и кабаньими клыками. Их так много, что невозможно заметить цвет самих стен. Головы огромных зубров и буйволов окаменели в страшных оскалах. Если сказать по правде, довольно жутко ходить в замке. Похож он на кладбище истреблённых зверей.

Франц-Фердинанд собрал также разнообразнейшую коллекцию оружия. В замке много оригинального дорогого фарфора, интересна своеобразная мебель, богатые часовни. Чудесный парк окружает замок Конопиште.

Были мы и в замке Карлштейн — летней резиденции короля Карла IV. Построен он в том же XIV веке. Как и в Конопиште, стены здесь толщиной в 3—4 метра. В центре здания — часовня Святого креста. Краски, которыми пятьсот с лишним лет нарисованы на стенах 132 портрета знатных людей средне-

вековой Чехии, выглядят совершенно свежими. Мягкие тона, лёгкие естественные тени не потускнели, не потеряли своей живой прелести.

В этих двух замках, ставших теперь музеями,— много интересного. Побывать в одном из них — уже значит заглянуть в историю, заглянуть в мрачное средневековье.

Мы увидели страшные подземелья, где и весной царит влажный, пробирающий до костей холод. В одном из них на стене было выцарапано много больших и малых чёрточек, стояла размашистая, витиеватая роспись, сделанная, по-видимому, острой гранью камня.

— Здесь был заточён поэт-вольнодумец, — сказал нам экскурсовод.— Чёрточками он отмечал дни, месяцы и годы.

Мы насчитали семь лет и содрогнулись. В демисезонных пальто, шарфах и перчатках мы мёрзли, хотя находились здесь всего двадцать минут.

Но вот позади мрачные средневековые замки. Позади и Злата Прага. Мы едем в знаменитый город-курорт — Карловы Вары.

ГОРОД ГОРЯЧИХ ИСТОЧНИКОВ

Автобус с огромной скоростью мчится по прекрасной стремительной дороге. Она то похожа на ровную, туго натянутую струну, то змеится, петляет среди гор и холмов, ныряет в долины, взбегает на склоны лесистых гор. Однако шофёр почти не снижает скорость. Дорога широкая, и, кроме того, на каждом повороте установлены гигантские двусторонние выпуклые зеркала, в которые шофёрам прекрасно видны отрезки пути, скрытые за поворотами.

Над ветровым стеклом нашего автобуса раскачиваются привязанные на ниточках крохотные плюшевые медвежонок и щенок, кривоногая обезьянка, какие-то брелочки. Это — амулеты. Их дарят шофёрам «на счастье» близкие люди. В городе Пльзени, который мы проезжали по пути в Карловы Вары, нам подарили много открыток, книжечек, дали на память красивые металлические этикетки лучшего в мире пльзеньского пива.

На Пльзеньском заводе у нас были тёплые, незабываемые встречи.

Экскурсия по цехам, по огромным погребам закончилась в час обеда, и нас пригласили в рабочую столовую. Вкусно пообедав, мы горячо благодарили гостеприимных пльзеньцев. Подарили заводским рабочим и работницам столовой значки, открытки с видами Свердловска. Собрались уйти, но нас не пускали. Директор завода Вацлав Франк, волнуясь, попросил нас спеть «Катюшу». Это его любимая песня. Он услышал её от русских солдат в сорок пятом году — году освобождения, выучил и поёт даже по-русски. Конечно, мы не могли отказать. И хотя среди нас не было голосистых, все вместе, как сумели, спели фронтовую «Катюшу». Нам самозабвенно подпевали чехи. Они стояли тут же, обнявшись с нашими туристами, и тщательно выводили мелодию.

Взволнованные, радостные, мы покидали пльзеньских пивоваров, покидали большой просторный зал рабочей столовой, где рядом с портретом Владимира Ильича висел лозунг: «С Советским Союзом — на вечные времена!»

По преданию, целебные источники Чехословакии открыл Карл IV. Он якобы лечился солёными водами и заставлял пить своих приближённых. И вот со времён Карла рос, благоустраивался ставший мировой известностью курортный город. Здания в городе украшены скульптурами, колоннами, вычурной лепкой. Много садов, аллей, парков. Прямо в город вступают спокойные величавые горы. Их склоны уже разрезаны улицами, благоустроенными, людными.

По центру Карловых Вар протекает река Тёплая. Она берёт своё начало из источников. Самый крупный бьёт с огромной силой. Его струя достигает высоты 170 метров. Температура целебной воды в этом источнике 70 градусов тепла.

Есть в Карловых Варах и советский санаторий. Его подарило нашей стране правительство демократической республики в знак благодарности за освобождение советскими войсками Чехословакии.

Близ Карловых Вар — город Локет, прославившийся изго-

товлением прекрасного чешского хрусталя. Стекольный завод — небольшой. Работы ведутся ручным способом. Но какие изумительные вещи изготовляют чешские стеклодувы!

На конец длинной палки-мундштука берётся раскалённое стекло — кусочек жаркого солнца. Мастер выдувает из него любую, самую разнообразную форму. Мгновенно, на наших глазах, бесформенная масса превращалась в изящный кувшин, вазу, фужер, рюмку. Потом изделие попадает в печи обжига и закалки, затем — в цех, где художники украшают кувшины и вазы тончайшими ажурными рисунками.

При заводе есть выставка изделий. Это нечто сказочное. Такого обилия хрусталя, причём хрусталя превосходного — чистейшего, звонкого — никто из нашей туристской группы нигде не встречал. Заказы поступают со всех концов мира. Локетские стеклодувы выполняют их в двух экземплярах. Один остаётся на выставке в своеобразном музее завода. Это, действительно, богатейший музей. Локетские стеклодувы создали прекрасный художественный сервиз и подарили его маршалу Коневу, возглавлявшему войска, освободившие Прагу.

Есть в Локете, в старом замке, музей чешского фарфора. И сколько бы ты ни видел на своём веку красивых вещей, обязательно удивишься чудесному искусству народа. Выставленные в музее экспонаты пережили века, но не потеряли своей художественной ценности. Росписи на фарфоре сделаны чуткими руками первоклассных художников. Они изображают сцены из рыцарских времён, цветы, животных, национальный орнамент.

НАХОДИМ ТОВАРИЩЕЙ ПО ТРУДУ

Город Брно — второй по величине город в Чехословакии. В него мы приехали поздно вечером. Успели в этот день лишь разместиться в отеле и поужинать. Столы для нас были накрыты в одном из залов ресторана «Брно», внизу отеля. Обычно в ресторанах, где мы обедали, где-нибудь на видном месте были поставлены два маленьких флажка: советский и чехословацкий. Вместе с нами ужинали в этот вечер австрийские, болгарские, германские, румынские туристы и представители

ещё многих других стран, прибывшие сюда по деловым командировкам. На буфете стояло двенадцать государственных флажков.

Город мы осмотрели утром. Тот же готический стиль в архитектуре. Та же чистота улиц. Очень развито трамвайное движение. Трамваи похожи на наши. И старые, и новые. Новых трамвайных вагонов ещё немного.

Но нам почти не приходилось пользоваться трамваями и троллейбусами. В каждом городе нас встречал комфортабельный автобус марки «Шкода». На ветровом стекле автобуса красовался большой сине-белый значок туристского бюро «Чедок».

В нашей туристской группе были люди самых разнообразных профессий: инженеры, врачи, педагоги, железнодорожники, архитекторы, геологи, журналисты. Каждому хотелось побывать на предприятии, в учреждении, родственном тому, в котором работает он сам. И бюро путешествий «Чедок» устраивало нам такие посещения, помимо основной «программы» поездки.

Так, Степан Парамонович Медведев, лучший машинист электровоза станции Свердловск-сортировочная и начальник службы эксплуатации Андрианов побывали в паровозном депо. Александра Васильевна Иванова, преподавательница географии школы № 37, посетила школу. Она посидела на уроках, осмотрела кабинеты, залы и классы, поговорила со школьниками и учителями. Многие побывали на инструментальном заводе, врачи познакомились с работой медицинских учреждений. После таких «индивидуальных» встреч и посещений наши товарищи возвращались в радостном возбуждении. Нас всех очень хорошо, очень тепло везде принимали.

Наши новые друзья были с нами во всём откровенны. Они с гордостью говорили о своих достижениях, но не боялись сказать и о недостатках. Не боялись и показать эти недостатки. Мы тоже были искренни. Мы от всего сердца говорили этим хорошим людям, что нам понравилась их страна. И чехи, словаки, моравы расцветали в довольных улыбках. Им было очень приятно, что мы из такой дали приехали, чтобы увидеть красавицу-Прагу, полюбоваться на спокойный Дунай, чтобы пожать руки друзьям. Обычно такие разговоры кончались тем,

что чехословаки высказывали нам свою заветную мечту — побывать в СССР. Увидеть Москву, Ленинград, Киев... «Ваша страна очень огромная, — улыбались они. — Её невозможно увидеть всю».

Мечту о Москве, о поездке в Советский Союз высказал нам и шеф-редактор крупной газеты в Брно Алоиз Жак. Он принял нас — меня и журналистку Клару Скопину — очень просто и радушно. На круглом столике, у которого мы сели, мгновенно появились закуски, кофе, столовое вино.

Не хотелось огорчать гостеприимного хозяина, но право же нам было не до закусок. Встретились журналисты, товарищи по труду — как много спросить и рассказать хотелось друг другу.

Побросали свою работу ответственный секретарь редакции Люмир Кухакэк, художник, стенографистка — все, кто был в это время не на задании. Пожилая русская женщина-переводчик смотрела на нас влажными глазами и всё приговаривала: «Вот и хорошо... Вот молодцы, что приехали»... Она была увезена из России ещё девочкой, но прекрасно помнит русский язык, учила ему своих детей, а теперь — внуков. Помнит и любит не только язык, помнит и любит русскую землю. Со слезами говорит, что очень тянет на родину: «Хотя бы взглянуть на неё»...

...В разговорах совершенно незаметно пролетели два часа. Под окнами редакции остановился наш «Чедок» и тревожно засигналил. В кабинет ворвался экскурсовод и торопливо стал подавать нам пальто. До чего же не хотелось расставаться! Но дисциплина есть дисциплина. Предстояла поездка в пещеры Моравского кряжа, и задерживать всю группу мы просто не имели права.

Художник принёс нам редакционный сатирический журнал, в который пишут также благодарности и пожелания, рисуют дружеские шаржи. Принёс и попросил написать «что-нибудь». И мы написали о том, как тепло и хорошо нам, советским людям, в их гостеприимной стране, как рады мы, что познакомились с журналистами дружественного народа. Мы подарили новым друзьям все альбомы, открытки и значки, которые имели с собой. А Клара, подписавшись в редакционной книге под

словами дружбы и благодарности, подарила Люмиру Кухакэк свою авторучку, которой эти слова были написаны.

Уходили мы от друзей-журналистов с таким ощущением, что не сможем теперь жить подолгу, не зная о них, не сможем, чтобы не встретиться с ними больше.

ПРОГУЛКА ПОД ЗЕМЛЁЙ

Моравский кряж... Это очень красивое место. Здесь находятся знаменитые сталактитовые пещеры, известные всему миру своими причудливыми формами. Спускаешься по каменным ступенькам вниз в первую галерею и попадаешь в какой-то таинственный, сказочный мир. Осторожно подсвеченные умело скрытыми за камнями электрическими лампочками сталактиты и сталагмиты просвечивают насквозь, принимают розовато-матовый цвет, кажутся невесомыми, хрупкими.

Вот на горушке сидит, поджав верхние лапки, заяц-беляк, вот с потолка спускаются сотни тончайших нитей, похожих на застывший дождь. Висит бело-розовая морковка... Если приглядеться внимательно, то можно найти здесь и причудливые замки и стройные уральские ёлочки. Туннелями, галереями, залами мы подходим к подземному озеру. В этом месте много лет назад пещера обвалилась, и образовалась страшная пропасть, на дно которой мы вышли.

Полюбовавшись хмурым небом над мрачной пропастью, мелкими соснами, которые, словно с трудом взбираясь наверх, остановились отдохнуть, мы отправились дальше и пришли к маленькому причалу, построенному у подземного озера. Нам подали две вместительные лодки. Лодочники, высокие, здоровые мужчины в резиновых сапогах и брезентовых куртках, добродушно посмеивались, глядя, как не без опаски посматриваем мы в чёрный провал пещеры, затопленной водой. Места в первой лодке заняли самые любопытные. Лодочник оттолкнулся длинным шестом от стены пещеры, и мы медленно, при гробовом молчании поплыли в чёрный провал.

Сначала расстояние между стенами было так мало́, что лодка едва не задевала о камень бортами. Но потом мы вышли на относительный простор. Высокий свод опускался над

нашими головами причудливым куполом. Мы было залюбовались на искусство природы, но лодочник густым басом оповестил нас в этот момент: «Глубина — 15 метров» ...Признаться, жутко было бы опрокинуться в это спокойное, холодное, словно мёртвое, подземное озеро. А достаточно для этого было одного неосторожного движения шестом. Но лодочники на пещерном озере опытные и ловкие. И поэтому неприятных происшествий не случается.

Когда лодка вошла в другой, более живописный грот, лодочник заметил, что под нами глубина — 30 метров. Но мы уже осмелели. В лодке начались разговоры, шутки.

Возвращаясь в город, мы заехали к местечку, которое называется по-моравски «Мацоха», что значит «Мачеха». Это как раз вершина той пропасти, на дно которой мы вышли из сталактитовых пещер. Отсюда пропасть выглядит ещё ужаснее. Она так глубока, что рабочий, занимавшийся у выхода из пещеры каким-то делом, казался величиной с мизинец.

Экскурсовод рассказал нам предание.

Недалеко от пропасти жил лесник. У него была молодая жена и не родной ей сынишка. Женщина очень не любила мальчика и, чтобы освободиться от него, привела однажды ребёнка к краю пропасти, будто бы показать, какие красивые деревья растут по склонам. Мальчик засмотрелся, а она столкнула его. И, как ни в чём не бывало, вернулась домой. Мужу она решила сказать, что ребёнок пошёл играть и, возможно, заблудился.

Но мальчик не упал в пропасть. Он сумел ухватиться за ветви кустарника, повис и стал звать на помощь. Проходившие мимо лесорубы услышали, спасли мальчика, а узнав, в чём дело, схватили и бросили в пропасть злую мачеху.

НА БЕРЕГАХ ГОЛУБОГО ДУНАЯ

Последний пункт нашего путешествия по Чехословакии — Братислава.

Нас поселили в прекрасном отеле «Девин». Я открыла балкон и увидела Дунай. Тихий, спокойный, он плескался совсем рядом. Красивые жемчужные нити электрических огней

протянулись по его берегам. Спокойная вода точным отражением повторяла чудесную картину.

Конечно, сейчас же захотелось пойти туда, к Дунаю, побродить по набережной, пройти по лёгкому ажурному мосту, перекинутому через величавую реку. Так мы и сделали. Несмотря на поздний час, вышли на улицу. А там оказалось уже много наших. Нарушив обычный режим, мы долго в этот вечер не ложились спать. Гуляли по притихшей Братиславе, слушали плеск дунайских волн, тихонечко пели и много говорили о хорошей, миролюбивой стране.

Утром мы поехали в маленький городок Модру, где живут и трудятся искусные словацкие гончары. Осмотрели мастерские. Художники расписали при нас несколько фаянсовых изделий. Мы подивились тонкости их работы, большому вкусу, художественной фантазии. Гончары рассказали, как они живут, сколько зарабатывают, рассказали об истории своего производства.

Из Модры поехали в колхоз. Колхоз — по-словацки «дружство». Мы выбрали дружство в Мисланице. Выбрали наобум: не плохое, не образцовое, а среднее по доходам и своему хозяйству.

Откровенно говоря, нам не понравились свиноводческие и птицеводческие фермы. Они не отличались ни чистотой, ни удобствами. Зато на молочно-товарной мы задержались.

В прекрасно оборудованном, светлом и сухом помещении стояли крупные породистые коровы. Все они были как на подбор — гладкие, упитанные, «обихоженные». Даёт каждая такая корова по 20 литров молока в сутки. Заведует животноводством в дружстве молодой паренёк, окончивший четырёхлетнюю животноводческую школу. Он и другие члены дружства с удовольствием отвечали на все наши вопросы.

Мы узнали, что неграмотных в Мисланице нет, что в среднем, в переводе на деньги, член дружства зарабатывает по 1300 крон в месяц. Он может на эти средства жить очень обеспеченно. В том, что это так, мы убедились, побывав в домах у крестьян. Не только обеспеченность, но и большая культура царит в домах простых хлеборобов и животноводов. Их быт, пожалуй, ничем не отличается от быта горожан. И сельские

посёлки, деревни выглядят миниатюрными приятными городками.

В большом порядке улицы селений. Дороги асфальтированы или выложены брусчаткой. Тротуары выстланы кафельными плитками. Домики стоят вплотную друг к другу, окрашенные в бледно-жёлтый, розовый, белый, голубой цвета. По такому селу приятно пройти. Даже в самую дождливую пору на улице не найти грязи. Брусчатые дороги и кафельные тротуары выглядят как умытые. В сёлах много садов, цветников. Улицы и площади маленьких городков украшают скульптуры. В домах делаются застеклённые ниши для изящных гипсовых и мраморных статуэток, скульптурных групп.

В Братиславе мы были в гостях у юных граждан республики.

Наш автобус остановился у красивого, украшенного колоннадой дворца.

— Это — Дом пионеров имени Клемента Готвальда,— сказал переводчик.— Милости просим...

Нам показали залы, выставки, комнаты для занятий, детскую железную дорогу, стадион. Мы встретились с хозяевами дома — братиславскими пионерами. Оказывается, они очень хорошо знают наш Свердловск, знают по открыткам, книгам, письмам, которые пишут им юные свердловчане. Дом пионеров в Братиславе дружит с нашим Дворцом пионеров. Словацкие ребята поют наши песни, танцуют русскую кадриль, на русском языке читают стихи Маяковского.

Своей живостью, любознательностью, сообразительностью они очень напоминали нам ребятишек из кружков Свердловского дворца пионеров. У братиславцев есть и технические и художественные кружки, есть свой кукольный театр.

Прощаясь, мы пожелали им учиться только на четвёрки и пятёрки. Вместо обычного в таком случае весёлого шума наступила неловкая тишина. Оказывается, в Чехословакии система отметок обратная. То, что у нас пятёрка, у них — единица. Единица — самая высокая и почётная оценка. А пять... Пять — всё равно что наша единица.

Мы поправились, объяснили, в чём дело, и все вместе от души посмеялись.

В школах и доме пионеров мы заметили хороший порядок: дети, переступая порог, сейчас же переодевают обувь. В помещении они бывают в легких, удобных ботинках и тапочках.

Ещё бросается в глаза бережливость ребят по отношению к школьной мебели, к своим учебникам, к игрушкам, спортинвентарю, к помещению своей школы, к своему дому, улице, где живут, к городу.

Вот этому нашим ребятам нужно учиться у чехословацких детей.

С детьми у нас связаны тёплые воспоминания. Где бы ни остановился наш «Чедок» — на сельской улице, перед проходной завода, у подъезда отеля,— его непременно окружала детвора. Ребятишки безошибочно угадывали, что мы — русские, и наперебой просили открытки «с Москвой, с Советским Союзом». Они называли нам свои имена, говорили о школе, не отходили от нас до тех пор, пока автобус, наконец, не трогался. Тогда ребята бежали вслед за машиной, кричали и весело махали нам на прощанье руками. Среди чехословацких детей — много коллекционеров, и мы раздавали им все оставшиеся в карманах мелкие советские деньги.

Один мальчик долго и непонятно что-то у нас просил. Ему дали значок, он принял, поблагодарил, потом отрицательно помотал головой и снова протянул руку. Тогда мальчику подарили открытки. Он и их с радостью принял, но не успокоился. С большим трудом догадались — он просит спички... Оказывается, малыш коллекционирует иностранные спичечные коробки.

...Мы уезжали из Братиславы. В последний раз промелькнули за окнами автобуса стройные готические здания, яркие рекламы, вывески на словацком языке. Над стрельчатой крышей вокзала на весеннем ветру полоскался трёхцветный флаг Чехословацкой республики. А рядом с чехословацким развевался багряный флаг страны Советов.

Так же по-дружески, рядом, полощутся трёхцветный и алый флаги над дворцом Пачека, где в гитлеровском застенке истязали гордого Фучика, над Национальным театром, где боль-

ной Сметана дал последний концерт, над «домом двух солнц», где жил и писал чешский классик Ян Неруда. Знамёна свободы, мира и дружбы реют над свободной, гордой Чехословакией.

Чтобы проводить нас, на вокзал пришли работники бюро «Чедок» в Братиславе, наш экскурсовод по городу, его жена, какие-то незнакомые девушки. Но провожали нас не только они. Мы тепло простились с горничными, официантами, портье в отеле «Девин». Они очень старались всегда услужить нам, чем только можно проявить внимание, симпатию к советским людям. Нас провожали все, кто в момент отхода поезда был на вокзале. И в этот момент нам не хотелось уезжать так скоро, хотелось побыть с этими хорошими, приветливыми людьми ещё, ещё поговорить с ними, попеть с ними песни, просто пожить под одним с ними небом, светлым, свободным небом Чехословакии. Но в то же время очень тянуло на родину. Нам не терпелось увидеть родные города и родных людей, не терпелось рассказать им о крепких рукопожатиях, сердечных улыбках, верных и преданных нам друзьях. Мы торопились передать своей стране, дорогому Уралу большой и горячий привет из Чехословакии.

ЧИЖ

Николай Никонов

Рисунки Л. Токмакова

Сегодня Николашка и я поднялись очень рано. Это случилось потому, что пятилетнему Николашке сосед Юрка недавно клетку подарил. А какая же клетка без птички? И уговорил меня Николашка, хоть и не любитель я покупать и держать птиц, пойти на птичий базар.

Целую неделю не отставал упрямый сын со своей просьбой. Что ж? Пришлось уступить.

Итак, в воскресенье солнце разбудило Николашку, Николашка — меня, а мы вместе — весь дом.

Встали мы, умылись, позавтракали, клетку взяли и пошли.

Идти долго пришлось, потому что Николашка везде останавливался и меня за руку тянул. Ему всё интересно: вот машина красная едет — пожарная, вот солдаты серой колонной куда-то идут, и у каждого новенькая винтовка-автомат с блестящим штыком, впереди командир с золотыми погонами, и пистолет у него на поясе в жёлтой сумке-кобуре. А тут ещё пионеры со знаменем и барабаном навстречу попали. Барабаны гудят, ребята рядами шагают. Догадались мы тогда, что, наверное, к первомайскому параду и солдаты, и пионеры готовятся.

Всё-таки донесли нас ноги до базара кое-как. А там народу — не протолкнёшься, и птиц всяких в клетках много. Чижи жёлтенькие, щеглы белые с красным, толстые снегири, чечётки с розовой грудью.

Гляжу я на птиц, сердце сжимается. В иной клетке их битком набито. Повернуться негде. Бьются птички, тычут головки в решётку, клювы в крови у многих, а другие уже ослабели, забились в угол, голову под крыло спрятали, нахохлились и хвостишко у них вздрагивает, трясётся.

— Может, не будем, Николашка, птицу брать?— спрашиваю. — Посмотри-ка, как они на волю просятся, бьются.

Только разве Николашку убедишь! Стоит он передо мной, брови белесые нахмурил, носишко сморщил, а в глазах — слёзы, вот-вот разревётся. Ладно уж, будем покупать. Ходили мы, ходили, смотрели, смотрели и купили чижа. Красивый чиж. Голова у него чёрная, будто шапочка надета, грудь жёлтая, как лимон, а на крыльях зелёные полоски. И поёт, сказали нам, хорошо. Забрал у меня Николашка клетку, домой сам несёт, от радости сияет.

Живёт наш чиж неделю, другую. Кормит его Николашка и водой поит, и конфеты даже даёт, а птичка петь всё не хочет.

Сидит чиж на палочке, пёрышки приподнял, нахохлился, а другой раз и голову под крыло спрячет. Плохо, видно, бедняге. Жалко нам его, и мама сердится: «Что вы птицу мучаете, и сору полно везде. Какая славная птичка была, а теперь и поглядеть страшно!»

Должен вам сказать, что, то ли с горя, то ли от радости, то ли ещё почему, чижик наш лысеть начал, и перья на голове у него все повыпали.

— Придётся, говорю, Николашка, птицу на волю выпустить. Нехорошо держать — весна давно наступила.

Николашка поспорил маленько, потом тоже согласился, что выпустить надо, а то чижик и совсем умереть может.

— Если уж решили выпустить, так лучше в лес его свезём, а здесь тот же Юрка или кошка поймают,— предложил я.

— Ладно,— обрадовался Николашка,— в лесу и выпустим; ты всё меня в лес обещаешь взять.

Собрались мы в воскресенье опять. Мама нам пирогов ис-

пекла, конфет положила. И клетку с чижом в платок завязали. Николашка ещё ружьё своё двуствольное взял: может, волки нападут.

Приехали на вокзал. На перрон вышли, а там наш поезд стоит — электричка.

Сели я, Николашка и чиж в поезд и ждём, когда он поедет. Тут засвистел проводник в свисток, поезд ему басом ответил. Можно ехать. И мы поехали. Николашка на окне так и висит, смотрит, и я смотрю. Плывут за окном дома, заводы, трубы дымят, на путях паровозы мелькают, полосатые столбы, будки, семафоры с огоньками.

Довёз нас поезд до станции, вылезли мы, а он дальше ушёл. Стоим, осматриваемся.

— А воздух здесь чистый-чистый, — говорит Николашка. — Когда мама с улицы сухое бельё приносит, оно так же ветром пахнет.

Долго мы шли: через речку по мосту, через луг по лесной опушке. Как раз полянка небольшая попалась, и решили мы чижа нашего здесь отпустить. Повесили клетку на дерево, конопли насыпали, пусть и чиж поест, а сами в сторону отошли. Тут среди мягкой узорной травы и прошлогодних сухих соломин два пенька серых стояли. Трухлявые пеньки и былинки на них, и мох седой, а сидеть удобно, лучше, чем на стуле.

Сидим с Николашкой, пироги жуём, водой запиваем.

— А знаешь, пап, здесь пироги вкуснее стали,— рассуждает он.— Дома мне мама велела поесть, а я не хотел, два раза откусил — и всё. А тут... Дай-ка мне ещё!

Потянулся я к сумке, да прямо и обомлел...

На нашей клетке, вцепившись когтями, повисла большая пёстро-рыжая птица. Она хлопала крыльями и старалась пролезть внутрь.

— Ястреб!— закричал я. — Николашка! Ястреб чижа ловит!!

И мы кинулись на помощь. Правда, это я кинулся, а Николашка с перепугу свалился через пенёк и чуть не заревел. Ястреб же, завидев меня, тоже испугался и, как тень, метнулся в сторону. Клетка упала на землю, а раздосадованный хищник уселся на сухую вершину сосны и злобно оттуда поглядывал. Чижа нет. Неужели схватил? Горько нам стало.

— Вот, Николашка, лучше бы мы птичку дома выпустили, — сокрушаюсь я, — наверное, её ястреб съел.

Но раз ястреб птичку схватил, на земле перья должны быть? Посмотрели — перьев нет. Ещё посмотрели и вдруг видим: сидит наш чиж на кустике и клюв о ветку чистит.

Батюшки! Цел! Николашка от радости даже плясать пустился, и я тоже обрадовался.

Оказывается, когда ястреб возился с клеткой, сломал её, а чижик «нырк» — и вылетел.

Присели мы на пеньки, стали с конфетами воду пить, а сами на чижа поглядываем. Почистился он, перебрал пёрышки, встряхнулся ещё и вдруг... запел! Здорово запел, никогда мы так не слышали.

И радостно нам всем — и мне, что птицу на волю выпустили, и Николашке, что чижик цел, и чижу, что из клетки выбрался.

А потом мы по лесу бродили, цветы собирали. Николашка жука-плавунца громадного в луже поймал и ещё одного золотого и твёрдого, как брошка. Ящерицу юркую видели в траве. Мне удочку хорошую срезали, чтобы рыбу ловить.

Посмотрели на часы — и на станцию.

А клетку в лесу выбросили, лучше мы дома скворечник построим.

Таинственная незнакомка

Василий Клёпов *Рисунки В. Васильева*

Мы шли с Севой по лесному болоту. Это было совсем недалеко от города, и сквозь редкие деревья нам были видны домики на окраине и заводские трубы.

— Пойдём дальше в лес,— сказал Сева.— Здесь мы никого не встретим.

И вдруг на небольшой, чуть повыше нас ростом, сосёнке мы увидели гнездо. Оно приютилось совсем низко, так что мы могли видеть всё, что делалось в маленьком птичьем домике.

В гнезде сидела неизвестная нам, небольшая скромно одетая птичка.

— Смотри-ка, она нас совсем не боится,— сказал Сева.

Незнакомка и в самом деле вела себя очень странно. Она не закричала, не бросилась в отчаянии на землю, не прикинулась раненой, как сделала бы на её месте другая птица, застигнутая на гнезде. Она только сжалась в комочек и внимательно смотрела на нас чёрным глазом, маленьким, как маковое зёрнышко.

Мы подошли к гнезду совсем вплотную. Птичка не улетала. Мы даже растерялись. Нам очень хотелось посмотреть, что у неё в гнезде, но эта странная маленькая особа вела себя так, что мы не решались её потревожить.

— Она, наверное, ручная, — высказал предположение Сева.— Жила у кого-нибудь в комнате и привыкла к людям. Ну, лентяйка, давай поднимайся! — и он погладил её по гладкой, тёплой спинке.

Птица не шевельнулась, только клюнула острым носиком приблизившуюся к ней ладонь.

Долго мы топтались около гнезда, всячески давая понять хозяйке, чтобы она слетела хоть на минутку. И всё без толку. Пришлось осторожно взять её в руки и снять с гнезда. Под ней оказалось четыре тёпленьких птенчика, ещё не совсем освободившихся из яичных скорлупок, и одно вовсе не проклюнутое голубенькое яичко.

Так вот, оказывается, в чём дело! Мы пришли к нашей незнакомке совсем не вовремя. У неё рождались дети. Маленькая мать, конечно, боялась нас, таких огромных по сравнению с ней и страшных. Но она преодолела ужас перед нами и осталась с детьми. Ведь им так нужно было в это время тепло её тела!

Я открыл ладонь и выпустил птицу. Она выпорхнула и... юркнула в своё гнёздышко.

Мы в изумлении посмотрели друг на друга. Вот это — мать!

Сева набрал в кармане хлебных крошек и протянул их на ладони птице. Не приподнимаясь с гнезда, она стала жадно кушать. Наверно, была очень голодная.

Дома мы открыли книгу Брэма, где описаны все птицы. Нашли мы там и фотографию нашей незнакомки.

Её зовут чечевица.

Людмила Татьяничева *Рисунки П. Истомина*

На полу у нас в прихожей
Два котёнка крепко спят.
Брат и бабушка Серёже
Петь и прыгать не велят.
— Петь и прыгать погоди,
Ты котят не разбуди.
Пожалей ты хоть котят,
Очень спать они хотят,
Но Серёже надоело
Целый час тихоней быть.
В доме всем найдётся дело.
Надо котиков будить.
Молоко прокиснет в плошке,
Пусть лакают молоко,
Потому что нашей кошке
Прокормить их нелегко.
Мало толку любоваться
Нам на этих малышей.

Нужно с детства обучаться
Им охоте на мышей.
Пусть сначала понарошке
Ловят бабушкин клубок,
А потом помогут кошке
Прятать нитки в уголок.
Пусть на шкаф влезают смело,
Пусть слезают как хотят!
В доме
Всем найдётся дело,
Приучать пора котят!

Зайчиха-трусиха

Сказка

Филипп Цветаев *Рисунки Г. Перебатова*

В кустарнике, у реки, вот уже долгих десять лет живёт жёлто-рыжая Зайчиха Русакова, прозванная молодыми соседскими зайчишками Зайчихой-Трусихой.

Бывало, встретят её на лесной опушке и начнут припевать-подразнивать:

Смотрите, соседки:
Зайчиха бежит.
Чуть хрустнули ветки —
Трусиха дрожит.

А была ли Зайчиха Русакова действительно трусихой?

Об этом и сказ. Вот послушайте и решайте сами.

В прошлом году зимой Зайчиху Русакову повстречал как-то вечерком Заяц Беляк, который жил неподалеку — в долине у лесочка.

— Видел я,— сказал Беляк,— как ты, сестрица, от Лисы вчера улепётывала. Не зря тебя Трусихой прозвали: с перепугу не знала, куда деваться, и прямо на открытое место, на речной лёд выскочила.

— И не трусиха я вовсе, — с обидой в голосе ответила Зайчиха. — И не со страху на реку подалась я. Лисы да волки по льду скользят, а у нас подошвы лапок жёсткими волосами покрыты, потому и не скользим. Выходит, на льду нас ни один зверь не догонит.

— Это всё я обязательно намотаю на ус,— сказал Заяц Беляк, поглаживая длинные стрелки своих усов. — А всё-таки Трусихой тебя не зря прозвали. Тут и обижаться не следует. Ведь и в поговорке про нас сказано: «Труслив, как заяц».

— Молод ты ещё и ничего не понимаешь,— рассердилась Русакова на Беляка и, махнув на него лапой, добавила: — Люди неправильно думают, что мы трусливы. Мы просто чуткие. Нет у нас ни острых клыков, ни сильных когтей, ни даже пчелиного жала. Только чуткость да быстрые ноги и спасают нас от лисы, волка, совы и других хищников. А ты зарядил одно: «Трусиха! Трусиха!..» После такой обиды я и жить по соседству с тобой не желаю!

И Зайчиха Русакова ушла на новое место — ближе к колхозным огородам.

Миновали месяцы, а зайцы так и не встретились больше до самого лета, когда слава о Русаковой пошла по всей округе.

Чем же прославилась наша Зайчиха Русакова?

Мы пойдём по её следам и узнаем всё.

Вот она сидит в своём логовище, вырытом под кустом, а возле неё — зайчишки-детишки. Трое их. Посапывают они от удовольствия: молоко Зайчихи вкусное, густое и такое питательное, что малыши раз насосутся, а трое суток сыты бывают.

Уже темнеть стало, когда Зайчиха поднялась, облизала своих детишек-зайчишек и строго-настрого им приказала:

— Смотрите же, зайчатки, в лес не ходите. Там хищные звери, растерзать вас могут.

И ушла Зайчиха. А детишки-зайчишки притихли, поглубже в логовища свои зарылись, да уснуть никак не могут. Страшно, что ли, им стало одним среди ночи без матери. Долго они тихо переговаривались. А перед рассветом осмелели, выскочили на полянку. Тут Зайка-Непослушайка и стал напевать в уши братишкам:

Побывать бы нам в лесу,
Посмотреть бы на Лису...

Зайчишкам-братишкам это понравилось.

Что ж, сказано — сделано, зайцы болтать зря не любят. Вошли зайчата в лес. Тихо. Темно. Страшно...

Вдруг что-то упало на траву. Прижались зайчата к земле. Только Зайка-Непослушайка поднял голову и увидел на сосне маленького зверька, немного похожего на зайку. Зверёк весело пропищал:

Не пугайтесь вы, зайчишки-малышки,
Уронила я сосновые шишки.
Я одна собрать их скоро не смогу.
Помогите, я вам тоже помогу.

Зайчата переглянулись: «Не Лиса ли это?» и спросили хором:

— А кто ты?

— Я — Белочка.

Тут спрыгнула Белка с дерева на траву и стала собирать

шишки, в дупло складывать, а зайчишки ей охотно помогали. Понравилась им весёлая Белочка, которая прыгала по траве почти так же, как они, суетилась и пела песенки.

Вдруг Белочка замерла на месте, прислушалась, посмотрела по сторонам и увидела за деревом длинную усатую морду Куницы, которая неслышно подползала к ним на своих коротких лапах.

— Ну, вот и пришла пора отблагодарить вас за помощь,— сказала Белка, вздрагивая от страха.— Видите Куницу за деревом? Убегайте сейчас же в другую сторону, а не то она вас всех растерзает. А я рискну, отвлеку её — пусть она за мной погонится. Ну, марш отсюда!— крикнула Белка и прыгнула к дереву, что стояло недалеко от Куницы. Винтом поползла она по стволу, дразня Куницу:

Я весёлая зверушечка,
Попрыгунья и резвушечка.
Я умнее и хитрее всех в лесу,
Проведу я и Куницу, и Лису!..

Куница бросилась вслед за Белкой. Казалось: вот-вот схватит хищница свою жертву, но Белочка ловко увёртывалась и поднималась всё выше и выше, к самой кроне большущей сосны.

Куница уже не так быстро поднималась вверх: ветки стали тоньше, не удержат тяжёлую Куницу. А Белочка легко взобралась на самую высокую и тонкую ветку. Куница не хотела отказаться от вкусного завтрака и продолжала подползать к Белочке.

Зайчата, перебравшись через ров, остановились вдалеке. Они наблюдали всё это и охали:

— Ох, схватит Белочку сейчас Куница!

— Ох, сорвётся с ветки Белочка!..

И вдруг они увидели, что Белочка сама прыгнула и полетела вниз, описывая дугу, как будто она неслась на крыльях.

— Убьётся! — закричали зайчишки-братишки и закрыли лапками глаза, чтоб не видеть страшной смерти их спасительницы. Один Зайка-Непослушайка продолжал следить за Белкой и увидел, что она упала в траву и, как ни в чём не бывало, легко, по-заячьи скачет от сосны, на которой осталась одураченная Куница.

— Смотрите! Жива!

Все зайчата увидели Белочку и очень обрадовались. И, когда Белочка скрылась в дупле, они пошли дальше, в самую гущу леса...

А в это время Зайчиха Зайцевна сидела на огороде у капустных листиков и боялась шевельнуться: слева на взгорке заметила она двух людей. Один из них с ружьём, а она знала: это ружьё может убить даже волка. «Лучше не двигаться»,— подумала Зайчиха. Но в это время она услыхала свистящий шум крыльев. Белая с чёрными пятнышками Сова приближалась к Зайчихе, которой уже не раз приходилось встречаться с жёлтыми страшными глазами этой хищной северной птицы.

— Ох,— вздохнула Зайчиха,— видно, конец мне пришёл. Справа — птица хищная, слева — ружьё охотничье...

Но раздумывать долго некогда. И Зайчиха метнулась от Совы на горку, где стояли люди: взрослый охотник и мальчик с пионерским галстуком.

Скачет Зайчиха к ним и вдруг видит: вскинул охотник ружьё. «Прощайте, зайчишки»,— подумала она.

— Гляди, папа, заяц на полянке, прямо к нам скачет,— сказал мальчик.

— Я его давно приметил, ещё когда он на огороде прятался.

— Как же ты, папа, так далеко видел?

— А мне белая Сова показала. Видишь: летит, зайку схватить хочет.

И не помнит, как увернулась Зайчиха... И вот уже скачет она по знакомой тропке, а там и куст, под которым её логовище.

Но никто не выбежал ей навстречу. А тут Заяц Беляк идёт — старый знакомый.

— Видел я: твои зайчата в лес ушли. А ты, Зайчиха-Трусиха, пойти туда побоишься. Знаем твой характер.

Схватилась Зайчиха Русакова лапкой за голову, задрожала заячья губа, из глаз слёзы выкатились. Смахнула она слёзы с коричневой шёрстки и сказала:

— Ты глупый и злой, Беляк. Знай, что Зайчиха Русакова никогда не оставит своих зайчат в беде!

И помчалась Зайчиха в лес, перепрыгивая через пни да коряги.

Вот за кустом увидела она Лису и, не приближаясь к ней, спросила:

— Не видала ль ты, Лисушка,
Заек-деток непослушных?

Облизнулась Лиса, глядя на Зайчиху, и тихим-тихим, ласковым-ласковым голоском ответила:

— Слёзки, милая, утри.
Помогу я Зайке.
Здесь зайчата, посмотри:

Скачут на лужайке.
Подойди ж сюда скорей,
Забери своих детей!

Знала Зайчиха, что Лиса может растерзать её, но решила: «Будь что будет, а я пойду к своим зайчатам!»

Только собралась Зайчиха поскакать к Лисе, как услыхала голос Белочки:

— Не ходи к Лисе, кума.
Покажу тебе сама,
Где твои ребята —
Малыши-зайчата.

Скачет Белочка с ветки на ветку, с дерева на дерево — дорогу Зайчихе показывает.

Так и добралась Зайчиха Русакова до полянки. Смотрит: Белочки нет, а на полянке Медведица лежит, вкусные лесные ягоды жуёт, причмокивает. Где же зайчата? Набралась храбрости Зайчиха и спросила:

— Медведица Михайловна!
Скажи мне, будь добра,
Зайчишек не видала ли?
Я их ищу с утра.

Подняла голову Медведица, удивлённо посмотрела на Зайчиху и сказала:

— А ты не боишься, что я тебя съем?

— Боюсь,— ответила Зайчиха,— только теперь я про страх забыла, детишек-зайчишек спасти хочу.

Медведица качнула головой и пробасила:

— Ну, коли так, то поди сюда, здесь твои зайчатки, а с ними мои медвежатки.

Подошла поближе и увидела: прыгают в ложбинке её зайчата, вместе с медвежатами по травке кувыркаются, не знают, что они в большой опасности.

Упала Зайчиха перед Медведицей и стала просить:

— Отпусти зайчишек! Век не позабуду!
Травы, ягоды тебе собирать я буду!

Подумала Медведица и сказала:

— Сегодня я сыта, могла бы и отпустить заек. А завтра как?

Зайчиха вздохнула и сказала:

— Завтра я сама к тебе приду, ты лучше съешь меня, а малышек отпусти, пожалуйста.

— Смотри же, не обмани, а не то заек поймаю и съем,— предупредила Медведица и отпустила зайчат.

Прибежала в своё логовище Русакова, облизывает зайчи-

шек, угощает любимым лакомством — петрушкой, а сама грустит, вздыхает.

— Почему вздыхаешь? — спросил её Зайка-Непослушайка.

— Потому что завтра покину я вас навсегда. Должна я пойти к Медведице на съедение за то, что отпустила она вас.

— Ох, ох! — застонал Зайка.— И зачем только мы в лес пошли, тебя не послушались.

— Тише,— сказала Зайчиха,— пусть зайчишки-братишки не слышат, пусть уснут.

Уснули зайчишки, а на рассвете тихо встала мать да к Медведице прискакала.

— Пришла? — удивлённо спросила её Медведица.— А я думала, что обманешь. Видно, сильно ты детишек своих любишь. Выходит, прозвать тебя надо было не Трусихой, а Отважной. Так вот, отпускаю я тебя. И кто тронет тебя, тому худо будет — так и скажи в лесу!

Храбрецы-молодцы

Александр Митин *Рисунки Е. Гилёвой*

С братом дружно мы живём:
В садик вместе мы идём.
На двоих у нас лопатка,
На двоих одна лошадка.

Не страшимся индюков!
Не боимся петухов,
Ни коровы,
Ни телёнка,
Ни бодливого козлёнка!

Все зовут нас храбрецами,
Храбрецами-молодцами.
Нас боятся воробьи —
Разлетаются они.

Только есть одна беда.
Мы пугаемся всегда,

И от страха еле дышим,
Если заскребутся мыши.
Как узнать у ребятишек:
Все ль они боятся мышек?

ПРОГУЛКА

(Придумай рифмы)

Олег Анатольев *Рисунок В. Васильева*

Мы на травке посидели,
Хором песенку......
Поиграли на песке,
Искупалися в.......
А потом мы побежали,
Полевых цветов.......
Только жук один сидел
Целый день без всяких.....
Мы гуляли по́ полю,
Мы в ладоши.......
Лишь не хлопал жук-жучок,
Потому что он не.....
Да, не мог похлопать жук,
Потому что он без......

—

И. И. Ликстанов

(К годовщине со дня смерти)

К. В. Боголюбов

Северная Украина. Тихий старинный город Сумы.

Город утопал в зелени садов. Через него протекала светлая и быстрая река Псёл.

Свекловичные поля простирались за городом. Дымили высокие трубы сахарных заводов Терещенко и Харитоненко. Последнему даже памятник был воздвигнут в Сумах, правда, не «благодарным» населением, а сыном самого сахарозаводчика.

Крестьянское море окружало Сумы. Вислоусые «дядьки» приезжали с хуторов «куплять що треба» и продать то, что рожал украинский жирный чернозём.

Бойкий кудрявый мальчик ходил по базару, который находился в четырёх кварталах от его дома, и поглядывал на возы с яблоками и вишнями, с кавунами и дынями. Увы, в кармане у него было пусто.

Мальчик был сыном портного Ликстанова, обременённого многочисленной семьёй и заботами о том, как прожить на нищенский заработок.

Отец умер, когда Иосифу исполнился только год. Он был в семье девятым. Вдова, оставшаяся без кормильца с девятью ртами, переживала горькие дни.

Уже будучи писателем, Иосиф Исаакович вспоминал: «В моей жизни я не встречал женщины с таким большим и гордым сердцем, как у моей матери.

Стиркой белья, дачей обедов и тому подобными малодоходными занятиями она отгоняла нищету от порога нашего дома, но на столе и в платяном шкафу, конечно, было не густо...»

Несмотря на тяжёлые материальные условия, семья тянулась к культуре. В автобиографии Ликстанов писал:

«Что было хорошо в доме, так это обилие книг, взятых в библиотеке или у знакомых. Книги валялись всюду, и в отсутствие старших я пользовался ими широко. К счастью, мои братья и сёстры неизменно тянулись к литературе классической. Но самым прекрасным были украинские песни, которых мама знала множество, и её рассказы о городе, о его людях. Говорила мать по-украински, языком богатым и красочным, умела с серьёзным видом насмешить до слёз... К религии, к религиозным обрядам мать относилась непочтительно, говаривала: «Им (богачам), конечно, польза от того, что голота (бедняки) бога боится и обиды терпит». Наш дом считался безбожным, сынки «хороших домов» со мной не водились, зато было у меня много друзей — ребят из «простых семей», большей частью украинских. И дружба была хорошая, с горячими спорами, с литературными увлечениями».

И вот, наконец, в метельный февральский день 1917 года долетела весть о свержении самодержавия. Начали громить по-

лицейские участки. Учащиеся старших классов надели на рукава красные повязки. Молодёжь шла в революцию. Стало не до учёбы.

Иосиф Ликстанов начал работать в молодёжных организациях и как-то незаметно для себя сделался сотрудником сумской газеты «Коммуна». Это решило выбор профессии. Путь его оказался путём журналиста «первого десятилетия советской печати», о чём он рассказал в последнем своём произведении «Безымянная слава».

Украина переживала трудное время гражданской войны. Пришлось покинуть родной город, ехать в Харьков. Здесь Ликстанов скрывался до прихода Красной Армии. В числе других в город вступил матросский отряд. Со встречи с ним в жизни Иосифа Ликстанова начался новый этап — работа в военно-морской газете «Красный черноморец».

Молодой газетчик полюбил и море и моряков. Он носился на катере по пенящимся волнам в штормовую погоду, дружески беседовал с моряками в короткие часы отдыха. Он участвовал в морских походах, присутствовал при артиллерийских стрельбах. Как военный корреспондент, он должен был знать и видеть многое. В среде отважных и сильных людей сам он духовно и физически закалялся, учился отбирать материал, быть организатором, агитатором и пропагандистом. Этому учила и этого требовала газета. Она вырабатывала привычку к постоянному труду, «без остановок и отдохновения».

Через некоторое время его откомандировали в политуправление Балтийского флота.

Так же, как и в Севастополе, быстро завязалась здесь морская дружба. Здесь встретился Ликстанов с Всеволодом Вишневским, который натолкнул его на мысль писать очерки и рассказы.

Характерно, что начал он с очерков и произведений приключенческого жанра. Первыми появились в печати его очерки о минёрах. В 1927 году в журнале «Вокруг света» был напечатан его рассказ «Золото реки Игрень».

Серое море и серое небо Балтики очаровали молодого писателя и журналиста не меньше, чем знойная красота Черноморья.

В 1930 году Ликстанов приехал на Урал. Здесь в это время советские люди под руководством партии совершали великий трудовой подвиг, создавали Урало-Кузбасс, Урало-Кузнецкую угольно-металлургическую базу.

Свердловск, изрытый траншеями и котлованами, вздымавшийся каркасами строящихся зданий, превращался в огромный промышленный и культурный центр. Рядом с ним готовился к пуску «завод заводов» — Уралмаш. На старом Верх-Исетском заводе начали варить трансформаторную сталь.

Город встречал утро грохотом бетономешалок и вспышками автогена. Работа велась круглосуточно.

На Урале Ликстанов почувствовал себя в родной стихии.

«Снова горячая атмосфера стройки охватила меня,— писал он,— только приходилось строить не корабли, а заводы, фабрики, рудники в горах, приходилось описывать не военную учебу, а пропагандировать опыт умелых строителей, металлургов, металлистов, шахтёров. Социалистическая реконструкция уральской промышленности, строительство Урало-Кузнецкого комбината — дело великое, героическое и невероятно трудное захватило меня на годы и годы; в поездках по заводам и шахтам, в борьбе за новые и новые тонны чугуна, угля промчались незаметно десять лет, которые дали мне некоторое знание Урала и его удивительных людей-умельцев».

За время работы в газете Ликстанов переменил ряд специальностей: был заведующим отделом информации, разъездным корреспондентом, литсотрудником отдела писем, зав. городским отделом, сотрудником при секретариате.

Свои материалы он подписывал псевдонимом Кожан, и вскоре это имя стало широко известным. Писатель жадно изучал жизнь, а она врывалась в стены редакции волнующими строками телеграмм, телефонными звонками, рабкоровскими письмами. «Задута новая домна Магнитогорского гиганта», «Началась эксплуатация калийных шахт», «Вступил в строй действующих предприятий Березниковский комбинат».

Глубоко осознал Ликстанов роль и значение своей профессии. «Журналист — это тот, кто по слову партии, по ее предначертаниям организует массы на борьбу за осуществление идеалов трудового человечества».

В сентябре 1941 года из десятого класса ушел добровольцем на фронт его сын Борис. В марте 1942 года он был убит в боях за Ленинград...

Годы Великой Отечественной войны явились годами расцвета журналистской деятельности Ликстанова. Развёртывая полосы «Уральского рабочего», нельзя было не остановиться на фельетонах, очерках и рецензиях за подписью Кожан.

«Дом № 7», «Моя подруга», «Несравненный Василёк», «Фертик с усиками», «Верхнее «до», «Люди советского подвига», «Хозяйка горы Высокой» — всё это было замечено и отмечено не только в областной, но и в центральной печати.

Некоторые из этих материалов являлись заготовками будущих художественных полотен. Например, «Хозяйка горы Высокой» вошла в первую редакцию повести «Первое имя».

Всё чаще и чаще Ликстанов обращается к рассказам. В преддверии Великой Отечественной войны им были задуманы повести «Красные флажки» («Приключения юнги»), «Зелен камень», роман «Безымянная слава».

Как-то с писательской бригадой он выехал в Тагил для участия в выборной кампании. Стояли крепкие уральские морозы, в гостинице «Северный Урал» было довольно прохладно. Ликстанов поддерживал в своих спутниках бодрость духа рассказами из морской жизни, то весёлыми, то драматическими. Среди этих рассказов был один о геройском матросе-минёре, о том, как погиб он при исполнении воинского долга.

— Но ведь это же отец вашего юнги Лескова? Об этом же вы в своей книге писали.

— Что ж, в этой повести не так уж много выдумки. Долго она меня мучила. Всё было уже собрано и поставлено на свои места, я не мог приняться за неё. Только в 1940 году улучил несколько месяцев для работы, а там началась война, и рукопись застряла в ящике письменного стола.

«Красные флажки» вышли уже во время войны, в 1943 году.

Эта увлекательная, свежая, жизнерадостная книга открыла Ликстанову путь в литературу, путь к сердцу читателя, не только юного, но и взрослого. С любовью и знанием показывает автор советский флот, его растущую боевую мощь.

Весёлая и яркая книга! Легко и непринуждённо вводит нас

Ликстанов в мир новых представлений. Он увлекательно рассказал «о службе морской, о дружбе большой».

«Положив узелок на колени, мальчик сидел под колоннами вокзала и смотрел...

...Холодный ветер срывал с туч капли дождя, короткий бушлатик и брюки из лёгкой серенькой материи защищали плохо, и мальчик съёжился, соединив рукава муфточкой, стараясь согреть озябшие руки. Едва ли он спрашивал себя, что делать: делать было нечего».

Так начинается книга о мужественном и светлом пути Кости Малышева — Малышка, книга о судьбе целого поколения советской молодёжи, начавшей свой трудовой путь подростками в грозные годы Великой Отечественной войны.

Как возникла эта повесть, одна из любимейших книг детского читателя, одно из лучших произведений детской советской литературы?

Вот что рассказывает сам писатель:

«Материалы для этой книги почерпнуты мной на одном из уральских заводов в первые месяцы Великой Отечественной войны. Работая в выездной редакции «Уральского рабочего», я встретил прекрасных ребят, только что пришедших на завод. Эти маленькие патриоты росли на глазах, превращаясь в опытных мастеров своего дела, становились умными, нужными людьми, и я почувствовал себя в долгу перед этими ребятами. Так появился «Малышок».

Работа над «Малышком» была трудной. Писатель, проверяя себя, читал свою повесть работникам газеты, рабочим, советовался с инженерами, чтобы не допустить какой-нибудь технической ошибки.

Есть в этой книге замечательные слова: «Трудное дело нужно продолжать до тех пор, пока не добьёшься своего».

Писатель показал, как растут его юные герои, как они перевоспитываются в труде и в коллективе.

Успех «Приключения юнги» и «Малышка» принёс Ликстанову широкую известность.

Он становится членом Союза писателей.

Завязывается тесная связь с Детгизом.

Зреют, вынашиваются планы новых книг. Наравне с такими

уже известными литераторами, как Маршак, Кассиль, Михалков, Бианки, Житков, Ликстанов работает над созданием советской детской книги. Он пришёл со своей темой, со своими героями, с поисками новых литературных форм, а главное — с богатым знанием жизни.

В конце сороковых годов И. И. Ликстанов работает над приключенческой повестью «Зелен камень».

Написанная рукой большого художника, повесть читается с увлечением. Но критика справедливо указывала на существенные её недостатки. Желая сделать повествование как можно более занимательным, автор нередко утрачивал чувство реальности.

«Зелен камень» в первой редакции был закончен в 1945 году. Вышла книга в 1949 году в Детгизе.

...Ново-Тагильский завод. Гигантские домны. По улице между цехами, столовой, домом, где помещается местком, освещаемые сиянием электрических огней идут двое—обер-мастер доменного цеха и писатель Ликстанов. Оба только что побывали в доменном цехе, где обер-мастер иллюстрировал и объяснял все стадии производственного процесса. Вопросов было столько, что старому доменщику пришлось мобилизовать весь свой многолетний производственный опыт. Был он жизнерадостный, крупной комплекции человек, влюблённый в свою профессию, и ему было приятно, что так интересуются его домной. А писатель поглядел на часы и заторопился — ему нужно поспеть на гору Высокую. Там живут его добрые знакомые — депутат Верховного Совета РСФСР Каретникова и знатный экскаваторщик Пестов.

Писатель дышал воздухом этого мощного центра советской металлургии.

Начало работы над повестью «Первое имя», как это обычно бывало у Ликстанова, вызывалось желанием поднять тему большого общественного значения.

Повесть вышла из печати в 1953 году.

Это — повесть о труде, дружбе, о воспитании. С любовью изображены Урал, труд горняков.

Смерть застала писателя в расцвете творческих сил и «задумок».

«У меня много планов в отношении всяких повестей и повестушек. Есть забавные. Одна из них уже пишется понемногу, называется «Соседка». Это для раннего юношества и для глубокой старости. Первые страницы, кажется, получились неплохо».

Так писал он в сентябре 1954 года, ровно за год до смерти. Но ещё раньше возник замысел большой повести о Серго Орджоникидзе.

Любимый герой произведений Ликстанова — человек-труженик. Таким был и сам автор. Жизнерадостный, жизнелюбивый, встаёт он со страниц своих произведений в окружении созданных им характеров.

Он любил юное поколение и понимал его. Вот почему лучше всего ему удавались его молодые герои с их достоинствами и недостатками, с их увлечениями и мечтами, с благородной привычкой к труду с детских лет, с первых шагов в жизни, с жаждой героических дел. Разумеется, они не одиноки в литературе. Рядом с ними Витя Малеев, Васёк Трубачов, Артёмка, Маша Строгова из книг Носова, Осеевой, Василенко и Прилежаевой. С ними юные герои «Стожаров» А. Мусатова, «На ялике» Л. Пантелеева и старшие братья этих героев — действующие лица повестей А. Гайдара, Л. Кассиля.

В этом смысле не был Ликстанов одинок и на Урале. В то время как он работал над «Красными флажками», Бажов писал свою замечательную повесть для детей «Зелёная кобылка».

Многое их сближало: оба были старые журналисты, оба начали свою литературную деятельность в газете, оба изображали труд как мастерство, как высшее счастье человека, показали красоту и поэзию труда, наконец, тот и другой горячо любили Урал, его мастеров-умельцев, его суровую и прекрасную природу...

11 сентября 1955 года советская литература понесла тяжёлую утрату — скончался автор «Малышка».

Его похоронили рядом с Бажовым, на горе, откуда открывается широкий вид на город, на далёкие округлые горы. Родные уральские сосны шумят над могилами обоих писателей.

СЛОВА-АНАГРАММЫ

Из каждого слова, напечатанного ниже, можно получить другое (имя существительное в именительном падеже единственного числа) путём перестановки букв.

Например: лось — соль.

1. Руда
2. Урок
3. Адрес
4. Влага
5. Волос
6. Газон
7. Гроза
8. Доска
9. Камыш
10. Колос
11. Круча
12. Кукла
13. Марка
14. Масло
15. Норка
16. Скала
17. Совет
18. Шакал
19. Деталь
20. Каприз

СООБРАЗИТЕЛЬНЫЙ ПОРТНОЙ

У портного было две коробки с пуговицами — одна с деревянными, другая с костяными. Деревянные и костяные пуговицы по внешнему виду были совершенно одинаковы. Случайно коробки упали на пол, и все пуговицы перемешались, но портной быстро нашёл способ отделить деревянные пуговицы от костяных.

Как он это сделал?

СМОТРИ ВНИМАТЕЛЬНО!

Найдите на этом рисунке не менее 25 предметов, название которых начинается с буквы «К».

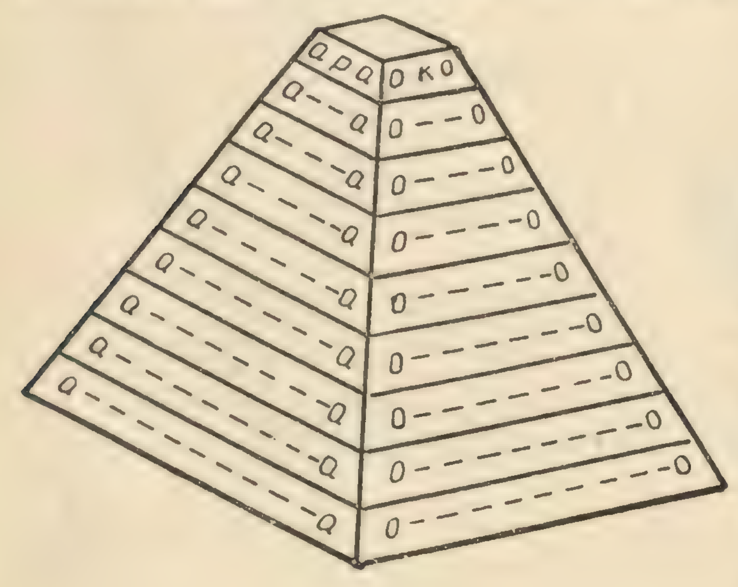
УДИВИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

Знаете ли вы, что в русском языке есть удивительные слова: если их прочесть слева направо (то есть в обычном порядке), будет одно слово, а если прочесть справа налево, то получится новое слово, другого значения. Отгадайте несколько таких слов. В столбике «а» даётся значение слова, если вы прочтёте его слева направо; а в столбике «б» даётся значение слова, если вы его прочтёте справа налево:

а) 1. музыкальное приветствие,
2. орудие труда,
3. геометрическое тело,
4. место ремонта судов,
5. морское животное, млекопитающее,
6. домашнее животное,
б) 1. придворный клоун,
2. сооружение, защищающее вход в порт,
3. порода дерева,
4. сборник сигналов,
5. материя,
6. движущийся электрический заряд.

Есть и совсем необыкновенные слова: в каком бы порядке вы их ни читали, они означают одно и то же. Догадайтесь, что это за слова:

7. временное жилище из сучьев и травы, 8. прибыль, 9. маленький ком, 10. житель донских степей.

«ПИРАМИДА»

На двух видимых гранях пирамиды напишите слова (имена существительные в единственном числе), заменив чёрточки буквами. Все слова на каждой грани должны начинаться и оканчиваться одинаковыми буквами. Слово, написанное наверху грани, как видите, состоит из трёх букв, сле-

дующее — уже из четырёх. Так в каждой строчке прибавляется одна буква.

Какие слова вы напишете?

По этому образцу заполните словами ещё две грани пирамиды; на одной — первым словом напишите «тут» (шелковичное дерево), на другой — «кок» (повар на пароходе). Последнее слово в нижней строчке на каждой грани должно состоять из одиннадцати букв.

РЕБУС

В предлагаемом ребусе зашифрованы фамилия русского писателя и название одного из его произведений. Отгадайте их.

ОТВЕТЫ

К РАЗДЕЛУ „В ЧАСЫ ДОСУГА“

Слова-анаграммы

1. Удар	6. Загон	11. Ручка	16. Ласка
2. Укор	7. Розга	12. Кулак	17. Овёс
3. Среда	8. Садок	13. Рамка	18. Шкала
4. Глава	9. Мышка	14. Смола	19. Дельта
5. Слово	10. Сокол	15. Крона	20. Приказ

Сообразительный портной

Для того, чтобы быстро отделить деревянные пуговицы от костяных, нужно все перемешанные пуговицы опустить в воду. Деревянные пуговицы останутся на поверхности воды, а костяные опустятся на дно.

Смотри внимательно!

Куст, колесо, коромысло, кролик, колодец, корыто, корова, курица, кот, картофель, кружева, корзина, кофта, клён, клёст, карта, коса, крыша, конюшня, конура, калитка, кринка, котёл, книга, кость.

Удивительны слова

1. Туш, шут. 2. Лом, мол. 3. Куб, бук. 4. Док, код. 5. Кит, тик. 6 Кот, ток. 7. Шалаш. 8. Доход. 9. Комок. 10. Казак.

Пирамида

Возможные решения:

ара
арфа
атака
анкета
алгебра
антилопа
акробатка
арифметика
ассистентка

око
окно
озеро
облако
опахало
общество
отечество
отрочество
одиночество

Кок
клок
кулик
кролик
кошелёк
краковяк
колхозник
кровельщик
колокольчик

тут
торт
томат
трепет
танкист
трафарет
транспорт
тракторист
темперамент

Ребус

Го (д) + гол + ь
Тара = сб + (к) уль + (ры) ба
Гоголь. Тарас Бульба

СОДЕРЖАНИЕ

Говорит Украина

Очерки

У наших друзей

Для малышей

В часы досуга

Боевые ребята № 25

Редактор *И. Круглик.*
Обложка *В. Бубенщикова*
Художественный редактор *В. Кеитка*
Технический редактор *Л. Носова*
Корректор *Н. Пальмина*

Подписано к печати 10/XI 1956 г.
Уч. изд. л. 9,21. Бумага $70 \times 92/_{16}$ = 5,75 бумажного — 13,45 печатного листа. НС 16276.
Тираж 25 000. Заказ 168. Цена 4 р. 70 к.

Типография изд-ва «Уральский рабочий»,
Свердловск, ул. имени Ленина, 49.

15

4 р. 70 к.

СВЕРДЛОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 9 5 6